

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

ГРАММАТИКА НА СЛУЖБЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ
И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ВЕЧЕР»
А. А. АХМАТОВОЙ

ЧЕЛОВЕК, РАВНЫЙ ЭПОХЕ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА)

2019 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2019 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

**Редакционная коллегия серии
«Русская филология»**

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. — к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская народная республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. — № 2. — 128 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Series editorial board
«Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Koposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.V. Ledeneva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology” is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2019. – № 2. – 128 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:
Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Баженова А. П.** ПРАГМАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ АКТУАЛЕМЫ СПИРИТИЗМ И ОДНОКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. С. ЛЕСКОВА)8
- Бринюк Е. В.** ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ19
- Герасименко Н. А.** ГРАММАТИКА НА СЛУЖБЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ28
- Карелова М. А., Григорьева Л. М.** СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА)35
- Цзян Юань.** ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ Н. С. ЛЕСКОВА В КИТАЕ...45

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Куличева Е. В.** ЖАНР БАСНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗОПА И А. КАНТЕМИРА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ52
- Сорокина Г. А.** ОБРАЗЫ ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ САТИРЫ ДОН-АМИНАДО.....60
- Труфанова М. И.** ФУНКЦИИ ЦВЕТА В СЛОВЕСНЫХ ПОРТРЕТАХ Л. ТОЛСТОГО И Д. ГОЛСУОРСИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «АННА КАРЕНИНА» И «САГА О ФОРСАЙТАХ»)71
- Хомяков С. А.** СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ВЕЧЕР» А. А. АХМАТОВОЙ.....79
- Хэ Фань.** ЯВЛЕНИЕ УСЕЧЕНИЯ КОНЕЧНОГО СОГЛАСНОГО «Й» В ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХ РИФМАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ЛИРИКИ ЛЕРМОНТОВА89

Чэнь Яньсю. РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»
В КИТАЕ: ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОДЫ101

Юркина А. Ю. АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ
О ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ С. МОЭМА В РОМАНЕ
«БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ».....109

РЕЦЕНЗИИ

Карасик В. И. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. С. МИЛОВАНОВОЙ
«СЕМАНТИКА ПРОТИВИТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МОНОГРАФИЯ. М.: ФЛИНТА:
НАУКА, 2015. 348 С.».....118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Щедрина Н. М. ЧЕЛОВЕК, РАВНЫЙ ЭПОХЕ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА).....121

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

A. Bazhenova. PRAGMATIC AND STYLISTIC POTENTIAL OF THE NAME OF CONCEPT <i>SPIRITISM</i> AND COGNATE WORDS IN THE EARLY PUBLICISTIC WORKS BY LESKOV	8
E. Brinyuk. TEXT AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ...	19
N. Gerasimenko. GRAMMAR IN THE SERVICE OF DEVELOPMENT OF SPEECH AND VERBAL CULTURE.....	28
M. Karelova, L. Grigorieva. STATISTICAL ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORD USE (ON THE MATERIAL OF O. MANDELSTAM'S POEMS)	35
Jiang Yuan. ON THE STUDY OF N. S. LESKOV'S LANGUAGE AND STYLE IN CHINA	45

SECTION II. LITERARY STUDIES

E. Kulicheva. THE GENRE OF FABLES IN THE WORKS OF AESOP AND A. CANTEMIR: SIMILARITIES AND DIFFERENCES.	52
G. Sorokina. ORIENTAL IMAGES IN THE CONTEXT OF SATIRE BY DON-AMINADO.....	60
M. Trufanova. COLOUR FUNCTIONS IN VERBAL PORTRAITS BY L. TOLSTOY AND J. GALSWORTHY (ON THE EXAMPLE OF "ANNA KARENINA" AND "THE FORSYTE SAGA")	71
S. Khomyakov. THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC TIME OF THE POETRY COLLECTION "EVENINGS" BY A. AKHMATOVA.....	79
He Fun. THE PHENOMENON OF TRUNCATION OF THE FINAL CONSONANT "Й" IN APPROXIMATE RHYMES IN RUSSIAN POETRY AND IN THE POETRY OF LERMONTOV.....	89

Chen Yanxiu. I. TURGENEV'S NOVEL "THE NOBLE NEST" IN CHINA:
STUDY AND TRANSLATIONS101

A. Yurkina. ENGLISH AND AMERICAN LITERARY CRITICS' VIEWS
ON NARRATIVE STRATEGIES IN THE NOVEL "OF HUMAN BONDAGE"
BY S. MAUGHAM109

REVIEW

V. Karasik. REVIEW ON MONOGRAPHY BY M. S. MILOVANова
"SEMANTIC OF PROTECTION: EXPERIENCE OF STRUCTURAL AND
SEMANTIC ANALYSIS: MONOGRAPHY. MOSCOW, FLINTA, NAUKA
PUBL., 2015. 348 P."118

SCIENTIFIC LIFE

N. Shchedrina. MAN, EQUAL TO EPOCH (TO THE 100TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF ALEXANDER SOLZHENITSYN)121

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1*37

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-8-18

ПРАГМАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕНИ АКТУАЛЕМЫ СПИРИТИЗМ И ОДНОКОРЕННЫХ ПРОИЗВОДНЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКИ Н. С. ЛЕСКОВА)

Баженова А. П.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является анализ вербализаторов актуалемы *спиритизм* в идиолекте Н. С. Лескова. Автором проанализирован корпус ранних публицистических текстов Лескова. На основе описательного, сравнительно-сопоставительного и структурного анализа были сделаны практически значимые обобщения относительно креативных возможностей русского языка, а также охарактеризованы словообразовательные элементы, отражающие процесс адаптации новых понятий из английского в русский язык. Статья адресована филологам, лингвистам, преподавателям русского языка и литературы.

Ключевые слова: лексикология, публицистика, авторский стиль, актуалема *спиритизм*, идиолект Н. С. Лескова.

PRAGMATIC AND STYLISTIC POTENTIAL OF THE NAME OF THE CONCEPT SPIRITISM AND COGNATE WORDS IN THE EARLY PUBLICIST WORKS BY LESKOV

A. Bazhenova

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The purpose of the article is to analyse the concept *spiritism* and cognate lexemes in Leskov's idiolect. The early publicistic works were thoroughly studied. The conducted research based on descriptive, comparative and structural analysis proved creative capabilities of the

Russian language. The elements of word formation which show the process of adaptation of new English concepts in the Russian language were also characterized. The target audience of the article are philologists, linguists, teachers of the Russian language and literature. Keywords: lexicology, publicism, author's style, lexeme spiritism, Leskov idiolect.

Keywords: lexicology, publicism, author's style, lexeme *spiritism*, Leskov idiolect.

Исследование слова в языке публицистики требует обращения к нему как вербализатору актуалем, которые детерминируют содержание значимых и интересных обществу текстов в определённую эпоху. К актуалам XIX века относится спиритизм – «мистическое течение, основанное на вере в возможность непосредственного общения с душами умерших, а также само такое воображаемое общение при помощи различных условных приёмов (верчения столов, стуков)»¹. Задачи, поставленные автором исследования: 1) провести отбор языковых единиц, связанных с актуалем *спиритизм*, и охарактеризовать их семантическое поле; 2) определить экспрессивно-стилистическую функцию анализируемых единиц в текстах Н. С. Лескова; 3) представить теоретическое осмысление полученных результатов.

Кажется маловероятным, что кака-либо эпоха в истории человечества прошла без его увлечения смертью или желанием общаться с умершими. XIX в. был периодом прорывов в научных исследованиях, достижениях в области технологий и возобновления религиозного пыла в Америке и Европе. Публике предлагалась возможность прямого взаимодействия с духовной сферой. Необходимо отметить совпадение роста популярности

спиритуализма, телеграфного общения и развития шоу-бизнеса. И хотя спиритуализм рассматривался через призму религии и духовной сферы, его распространение происходило не через религиозные или научные каналы, а, скорее, через быстро развивающийся мир средств массовой информации.

Спиритуализм в форме спиритизма появился в России начала 1850-х гг. как новая форма модного в светском обществе оккультного учения. Широкую популярность спиритизм приобрёл к 1870 гг. Распространение этого учения связано с периодом значительных политических перемен в России, сменой идеологических ориентиров и общего кризиса христианского мировоззрения. Месмерические явления находили отражение в произведениях русских писателей ещё с конца XVIII в. Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и многие другие использовали в своих сюжетах фольклорно-фантастические мотивы. «В России в XIX веке не существовало ни формального, ни морального (“внутреннего цензора”) запрета на описание в литературе магических, месмерических или спиритических практик и ритуалов. Они, хотя и были завезены из-за границы, по сути, воспринимались как другая разновидность привычных для России магических ритуалов, которые свободно сосуществовали с официальной религией, как в повседневной реальности, так и в литературе» [1, с. 14].

¹ Спиритизм [Электронный ресурс] // Словарь Ожегова : [сайт]. URL: <http://www.ozhegov.com/words/34043.shtml> (дата обращения: 26.08.2018).

В сообществах по всему миру наблюдаются различные формы общения с разрозненными духами недавно умерших, но цель такого общения и понимание природы духовного существования значительно различается. В средние века такие явления, как, например, левитация, говорение на незнакомых для говорящего языках, появление духов в квази-материальной форме и получение знаний через духов, считались одержимостью дьяволом.

Изначально спиритизм формировался в англо-американской культуре. «Английские и французские адепты (Э. Сведенборг, Э. Д. Дэвис, А. Кардек), почитатели и поклонники учения выпускали специализированные издания, посвящённые данному вопросу. В европейской культуре прослеживаются попытки оформить учение с теоретической и религиозной стороны» [4, с. 33]. С того времени практика проведения сеансов общения с духами быстро распространилась, и в 1860-х гг. она стала особенно популярна в Англии и Франции. Кейт Фокс (впоследствии миссис Фокс-Янкен) и одна из её сестёр, Мэгги Фокс, посвятили большую часть своей жизни тому, чтобы выступать в качестве медиумов в Соединённых Штатах и Англии. Многие другие медиумы давали подобные сеансы, и попытка общения с духами с помощью верчения столов (в котором участники кладут руки на стол и ждут, чтобы он вибрировал или вращался) стала популярным занятием в викторианских гостиных.

Нетрадиционное новое движение естественно спровоцировало оппозицию в виде словесных осуждений и столкновений. Церковные лидеры связали спиритизм с колдовством.

Некоторые церкви рассматривали практику спиритуалистов как часть запрещённой деятельности некромантии (общение с мёртвыми, чтобы узнать будущее). Римская католическая церковь осуждала спиритуалистические практики. Протестанты и католики скептически воспринимали этот феномен, поэтому широкое распространение получила антиспиритуалистическая литература.

Спиритуалистические ассоциации начали появляться в некоторых районах Соединённых Штатов в первые десятилетия после гражданской войны и, наконец, сформировали общенациональную организацию – Национальную спиритуалистскую ассоциацию (позднее Национальную ассоциацию спиритуалистов) в 1893 г.

Спиритуализм также вдохновил развитие дисциплины психических исследований. Были разработаны различные методы изучения не только основных психических переживаний (телепатии, ясновидения и предвидения), но и более сложных явлений духовного контакта. К концу XIX в. предпринимаются значительные усилия для проверки явлений медиумизма, особенно случайной материализации духовных образований. Многие из тех, кто участвовал в психических исследованиях, надеялись на положительные результаты и иногда приходили к выводу, что они доказали существование ясновидения или установили реальность духовного контакта.

Основа веры в спиритуализм заключается в том, что люди переживают смерть своих тел, восходя к духовному существованию. Состояние человека после смерти напрямую связано с моральным качеством его человеческого

существования. Общение с духовным миром возможно и желательно, и духовное исцеление является естественным результатом такого общения. Спиритуалисты понимают Бога как бесконечный разум. Исторически спиритизм рассматривается как разновидность спиритуализма. Движение было организовано в небольших группах, которые проводили сеансы или встречи для общения с духом. Большие собрания проводились для публичных демонстраций духовных контактов и психических явлений. Согласно спиритизму, духи (как материя) являются компонентами природного мира, которые регулируются естественными законами и подходят для научного исследования. Аллен Кардек подчеркивал, что рассмотрение взаимодействия между обоими элементами вселенной (материей и духами) значительно облегчит понимание и принятие многих явлений, главным образом тех, которые описываются духовными традициями. Кардек, несмотря на то что он был современником позитивизма, разработал эпистемологические и методологические рекомендации для своего исследования, которые в нескольких аспектах соответствуют последним событиям в философии науки на протяжении всего XX в. Также он подчеркивал, что просто собрать экспериментальные данные недостаточно, необходимо разработать всеобъемлющую, логически последовательную теорию¹.

В России подход к исследованию спиритизма, который впоследствии был назван Лесковым «опытным

спиритизмом»², носил практический характер. Тем не менее, большинство образованного населения относилось к спиритизму со скептицизмом, как и Н. С. Лесков, отразивший это в ранней публицистике.

Ярким представителями спиритического движения в России к 1870 гг. были публицист А. Н. Аксаков, для которого пропаганда спиритизма была «формой политической и идеологической борьбы против атеистического научного прогресса» [6, с. 135], а также профессора Н. П. Вагнер и А. М. Бутлеров (см.: [2; 3]).

Лексема *спиритизм* и однокоренные производные представлены в текстах Лескова широко. Слово *спиритизм* зафиксировано нами как частотное 116 раз (ср. англ. *Spiritism*); *спиритуализм* – 1 (ср. англ. *spiritualism*); выявлены однокоренные номинации приверженцев – агентивы: *спиритуалист(ы)* – 2 (ср. англ. *spiritualist*); *спирит(ы)* (от англ. *spirit*) – 84; *спиритка* – 1; *спиритист(ы)* – 10 употреблений (ср. англ. *spiritist*). Лесковым использованы и соответствующие однокоренные имена прилагательные: частотное *спиритский* (33); *спиритистический* (1), наречие *по-спиритски* – 1 употребление.

Лексемы *спиритизм*, *спиритуализм*, *спиритуалисты*, *спириты* адаптированы транслитерацией и могут быть названы частично освоенными заимствованиями по причине отсутствия аналога в русском языке и самостоятельно возникшего понятия в культуре. В английском языке, однако, слово *spirit* не имеет значения, зафик-

¹ См. Кардек А. Спиритуалистическая философия. Книга о Духах. Петербург: издательство О’Руок, 1889. 510 с.

² Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 285.

сированного в текстах Лескова, где оно функционирует в новом значении, возникшем на основе метонимического переноса. Ср.: “spirit: a particular way of thinking, feeling, or behaving, especially a way that is typical of a particular group of people”¹ – определённый *способ* мышления, ощущения или поведения, особенно типичный для какой-либо группы людей. У Лескова *спирит* является конкретным существительным, образованным безаффиксным способом от абстрактного *спиритизм* с закрепившейся в русском языке семантикой «человек, верующий в спиритизм, в возможность общения с душами умерших»². Компонент ‘вера / верующий’ был актуальным в значении, ср. современную трактовку: «тот, кто занимается спиритизмом»³ с ядерным мотивирующим компонентом агента ‘деятельность’. Слово реализует своё ставшее узусным значение в текстах Лескова, но с авторской стилистической коннотацией (ирония), проявляемой благодаря контекстуальному партнёру *философствующий* в переносном своём значении. См. исходный глагол *философствовать*: «рассуждать

на отвлечённые темы, мудрёно излагая что-нибудь или говоря мудрёные вещи (разг.)»⁴. «Возьмём для примера ту же самую выходку великодушной девушки Суси Джонсон и сопоставим это с резолюциями, какие получались в кружках с.-петербургских философствующих спиритов по делу известной солдатки Дарьи Соколовой, которую прокурор суда обвинял, а глас народа и поныне обвиняет в убийстве семейства майора Ашмаренкова в Гусевом переулке»⁵. Слово сочетание *философствующие спириты* носит иронический характер, передаёт пренебрежительную авторскую коннотацию. Лесковские словоупотребления позволяют полагать, что ирония в них обусловлена и поддержана контекстом восприятия спиритизма в России у думающей интеллигенции.

Таким образом, как нам видится, в 60-е годы XIX в. неологизм *спиритизм* становится новым концептом в сегменте русской концептосферы «ДУХОВНОСТЬ, ВЕРА, ВЕРОУЧЕНИЯ», следовательно, актуальной, вербализованной в текстах абстрактным именем, характерной менемой, входящей в лингвокультурное сознание русской языковой личности. Свидетельство тому то, что пейоративная коннотация отражается в толкованиях словарей, дающих следующие определения *спиритизма*: «Мнимое сношение с духами через так называ-

¹ Spirit [Электронный ресурс] // Cambridge English Dictionary : [сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/spirit?q=SPIRIT> (дата обращения: 15.06.2018).

² Спиритизм // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи; изд. 3-е. / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Издательство В. И. Губинского, 1910 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34076 (дата обращения: 16.07.2018).

³ См.: Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm> (дата обращения: 20.07.2018).

⁴ Философствовать [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова : [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82460> (дата обращения: 29.08.2018).

⁵ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 292.

емых медиумов»¹; «учение, будто дух или души человеческие блуждают в мире и могут быть вызываемы и вопрошаемы так называемыми медиумами, лицами, способными производить это по своей воле»²; «воображаемое общение с душами умерших при помощи различных приёмов (верчение столов, стуков и т.п.)»³. Показателями служат такие элементы толкований, как 'будто', 'воображаемый'.

Примеры из публицистики Лескова отражают позицию писателя и, как представляется, общее настроение общества в отношении данного явления. «... грубая нелепость слепого материализма уступила место не менее его слепому и, как видим, столь же болтливому сказочному учению, которое прозвали *спиритизмом*»⁴. «Таким образом, получая от самих духовных писателей новое подтверждение повсеместной

молвы о больших успехах *спиритизма*, мы узнаём также, что это новое, враждебное церкви учение забирает себе адептов отовсюда...»⁵. «... *Спиритизм* идёт кошачьею лапкою; бархатная поступь его неспешна и осторожна, слово его не нахально и ненавязчиво»⁶. *Спиритизм* с контекстуальными партнёрами *болтливое сказочное учение* (ср. *болтливый* – 'любящий много говорить'; *сказочный* в значении 'существующий только в сказке, нереальный') и *враждебное церкви учение* (т. е. исполненное ненависти, неприязни) приобретает негативную коннотацию, отражающую не только позицию автора, но и церкви. Метафорическое сравнение распространения феномена спиритизма с поступью кошачьей лапки представляет его явлением коварным и непредсказуемым, что подтверждается контекстуальными партнёрами 'осторожно', 'нахально', 'неумытны'.

Понятие *спиритуализм* существенно отличается по содержанию от *спиритизма*, трактуется как «философия, признающая духовное начало в видимом»⁷; «философское воззрение, по которому духовный мир признаётся существующим и совершенно независимым от мира телесного; материя

¹ Спиритизм // Михельсон А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. А. Д. Михельсон. М.: Типография П. Бахметева, 1866 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34076 (дата обращения: 16.07.2018).

² Спиритизм // Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи; изд. 3-е. / под ред. А. Н. Чудинова. СПб.: Издательство В. И. Губинского, 1910 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34076 (дата обращения: 16.07.2018).

³ Спиритизм [Электронный ресурс] // Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов : [сайт]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-krysin/index.htm> (дата обращения: 20.07.2018).

⁴ Лесков Н. С. Аллан Кардек, недавно умерший глава европейских спиритов // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 266.

⁵ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 272.

⁶ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 273.

⁷ Спиритуализм // Михельсон А. Д. 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. А. Д. Михельсон. М.: Типография П. Бахметева, 1866 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34082/СПИРИТУАЛИЗМ (дата обращения: 15.08.2018).

служит только формой выражения духовной сущности, которая может проявлять себя самостоятельно, действуя на нашу душу невидимым и непонятным для нас образом»¹. Смысловыми доминантами определений, характеризующими особый способ мировосприятия, выступают 'философия', 'духовный', 'душа'. Определения из англо-английского словаря представляются более бедными по компонентному составу: "spiritualism 1: the view that spirit is a prime element of reality; 2: a belief that spirits of the dead communicate with the living usually through a medium"² (*спиритуализм* 1: точка зрения о восприятии духа как главного элемента реальности; 2: вера в общение мёртвых с живыми через медиума).

Таким образом, *спиритуализм* – это термин, который охватывает всё духовное, стремление к духовности, не имеющее какую-либо заранее определённую структуру. *Спиритизм* – движение, которое означает буквальное взаимодействие с духами, т. е. мёртвыми.

Ср. у Н. С. Лескова: «Академический журнал предусматривает "самые лучшие средства" против спиритов, вертящих для своей забавы столиками и занимающихся другими нелепостями, упуская из вида своё же собственное определение, что самый богословский

спиритуализм спиритов отдаёт *сильным реализмом*»³. Слово сочетание *богословский спиритуализм* в значении 'теологическое философское воззрение' вступает в противоречие с контекстуальным партнёром *реализм* ('вещественное', 'действительное'). Таким образом, рассуждая об основах мировоззрения спиритов, автор находит расхождение в понимании самой концепции явления в обществе.

Особый интерес представляют авторские окказионализмы, которые, являясь речевыми микрообразами, «входят в систему других словесных образов художественной партитуры писателя; как яркие оценочные единицы новообразования привлекают внимание читателя к актуальным проблемам в публицистических работах и таким образом обогащают состав идиолекта Н. С. Лескова» [5, с. 3]. Лексемы *спиритский*, *спиритистический*, *поспиритски* образованы продуктивными словообразовательными аффиксами русского языка. Их использование обусловлено необходимостью придания окказионализму авторской эмоционально-оценочной окраски, служащей для экспликации позиции Лескова⁴.

Адъектив *спиритский*, образованный при помощи присоединения суффикса *-ск-* к именной основе, является прилагательным, реализующим значение 'относящийся к спиритам'. «Философский спиритизм ... строит совершенствование духа тоже на независимой нравственности, так как *спиритский* Христос тоже не более, как Сын

¹ Спиритуализм // Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Типография Товарищества И. Д. Сытина, 1911 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/34082/СПИРИТУАЛИЗМ (дата обращения: 15.08.2018).

² Spiritualism [Электронный ресурс] // Merriam-Webster dictionary : [сайт]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/spiritualism> (дата обращения: 29.08.2018).

³ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 291.

⁴ Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: Флинта; Наука, 2017. 702 с.

Марии, приходивший в виде лишь относительно совершенном, но отнюдь не совершеннейшем...»¹. Словосочетание *спиритский Христос* представляет оригинальный авторский концепт в тексте Лескова, подразумевающий новую *спиритскую* интерпретацию библейского образа Христа. «Сначала он находил ещё во всём, что говорили о духах, одно только проявление неизвестных нам сил природы, но потом получил какие-то *спиритские* открытия, из которых узнал, что те силы, о которых ведём речь, соединяют мир видимый с миром невидимым»². Вместе с контекстуальным партнёром *какие-то* словосочетание *спиритские открытия* приобретают пренебрежительно-уничижительную коннотацию. «Искание живого духа свойственно было людям во все времена ... но *спиритские* баснословия могут удовлетворить и успокоить все эти искания здравого умом человека столько же, сколько сказочное “Сезам, отворись” может поворотить гранитную скалу»³. Лексема *баснословия* (‘недостоверные истории, выдумки’) демонстрирует недоверие, негативную авторскую оценку.

Имя прилагательное *спиритистический*, образованное по продуктивной модели, представляет собой суффиксальное отымённое производное первого типа (именная основа *спири-*

тист-+ -ическ-). «В присутствии двух достоверных свидетелей она впала в состояние *спиритистического* иступления, во время которого душа Пирпоана перешла на неё и её устами возвестила о горнем мире»⁴. Лексема *спиритистический* в данном контексте находит индивидуально-художественное применение с реализацией качественного значения. Насыщенность содержания значения подчёркивается контекстуальным партнёром *иступление* (крайняя степень возбуждения, потеря самообладания), что и создаёт гиперболизированный образ.

Морфологический тип наречий на *-ски* является продуктивным, это подтверждает и окказиональное производное *по-спиритски*. Среди лексических новообразований Лескова по данной модели построено 28 единиц⁵. «*Спиритские* кружки этого сорта своею неразборчивостью в прозелитах, ... , лишь бы только этот человек называл себя спиритом и говорил, что он верит *по-спиритски*»⁶. Окказионализм *по-спиритски*, образованный префиксально-суффиксальным способом от основы прилагательного *спиритский*, несёт качественную оценку и объёмное контекстуально выявляемое значение. Автор подразумевает любую деятельность и понятия, связанные со спиритизмом, в этой лексеме, что характеризует его индивидуально-авторское словопроизводство и отража-

¹ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 288.

² Лесков Н. С. Аллан Кардек, недавно умерший глава европейских спиритов // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 262.

³ Лесков Н. С. Аллан Кардек, недавно умерший глава европейских спиритов // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 266.

⁴ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 275.

⁵ См. Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: Флинта; Наука, 2017. 702 с.

⁶ Лесков Н. С. Модный враг церкви // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 7. М.: ТЕРРА, 2000. С. 286.

ет особенности концептуализации понятия (формирования менем).

Спиритизм представляет собой спорное явление, которое, безусловно, вносит значительный вклад в эволюцию религиозного и научного диалога. Пытаясь объяснить появление спиритизма в Европе, Америке и России как социального движения, можно связать этот феномен с кризисом веры. Действительно, спиритизм пришёл как ответ на кризисную ситуацию, но это было не просто временное решение. Его важность и значимость для социального и культурного сознания состоит в том, что спиритизм был прямым отражением стремлений и желаний людей. Движение спиритизма побуждало людей исследовать самих себя, чтобы увидеть больше, чем можно видеть, что подготовило почву для других социальных движений: массы узнали, что они могут преодолеть тривиальную реальность и стремиться открыть новые способы интерпретации реальности. Спиритизм пришёл на помощь тем, кто не был удовлетворён чисто материалистическим взглядом. Такие люди были проникнуты идеей, что каждый конец – новое начало. Историческая и культурная значимость движения спиритизма в XIX в. состоит в том, что исследование его появления и развития предлагает особый взгляд на эпоху с точки зрения антропологического подхода. В современном мире спиритизм можно считать наукой, философией и религией. Наукой, потому что изучает так называемые «сверхъестественные» явления и приписывает им естественную причину; показывая, что всё имеет научное объяснение, что явления вызваны естественными законами, а не сверхъ-

естественными. Философией, потому что он даёт нам интерпретацию жизни. Спиритизм объясняет цель жизни и причины очевидной несправедливости и страданий. Религией, поскольку он направлен на моральное преобразование человечества. В нём нет религиозных лидеров, церемоний, ритуалов или символов.

Публицистические произведения Н. С. Лескова предлагают специфический авторский взгляд на феномен спиритизма в России XIX в. Писатель был верующим человеком, христианином, для которого идеи спиритизма были неприемлемы. Исследованные нами лексемы наделены Лесковым коннотациями эмоционально-оценочного плана с целью выражения позиции автора по вопросу распространения явления спиритизма в обществе. Как показал анализ, коннотации несут пейоративный оттенок, эксплицируемый автором при помощи словообразовательных единиц и расширением семантической валентности слова. Окказионализмы Лескова выступают яркими оценочными единицами, привлекающими внимание читателя. Прагматико-стилистический потенциал имени актуалемы *спиритизм* и его производных у Лескова реализуется за счёт экспрессивности и лингвокреативных способностей публициста, сумевшего передать внеязыковое содержание этих лексических единиц.

Изучение языка публицистических произведений Н. С. Лескова, сформировавшегося в рамках независимой публицистики, представляет собой актуальную задачу для понимания истории развития словарного состава русского языка периода 60-х гг. XIX в., процессов заимствования и адаптации

новых культурных и общественных явлений из других языков. Исследования в области эволюционных семантических процессов на материалах англицизмов способствуют аналитическому сопоставлению неблизкородственных языков в вопросах национального характера, культурных концептов и опыта народов. Проведённый анализ показал, что «своеобычность» языка Лескова и словообразовательный потенциал русского языка характеризуют языковую картину мира писателя и идиостилевые признаки публицистики этого периода его творчества. Кроме того, исследованные примеры, функционирующие в контексте с авторской коннотацией, позволяют охарактеризовать мировидение автора, оценочную позицию по актуальным проблемам России и жизни общества. Авторские интенции, безусловно, оказывают влияние на семантику и обуславливают роль слова в

тексте. Мнения просвещённой интеллигенции относительно спиритизма в обществе были амбивалентны, так как противоречили христианской доктрине, согласно которой спиритизм является тяжким грехом, демоническим проявлением и относится к языческим культам. Спиритические организации часто составляют еретическую секту, которая исповедует доктрины, полностью противоположные божественному откровению. Часто спириты склонны к пантеизму или какой-то форме теософии; они, как правило, признают постоянное существование человеческой личности после смерти и считают Христа и пророков только «посредниками» естественной религии.

Тем не менее, этот феномен получил широкое распространение и популярность и в культурном пространстве, что не мог не отразить остро ощущавший актуальность явлений Лесков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков А. Н. Материалы для суждения об автоматическом письме (из личного опыта) и для суждения о материализации. СПб.: Типография В. Демакова, 1899. 285 с.
2. Бутлеров А. М. Статьи по медиумизму // Электронная библиотека Руниверс: [сайт]. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book476892/#page/1/mode/1up> (дата обращения: 15.08.2018).
3. Вагнер Н. П. Что такое спиритизм? (с предисловием В. Радзьяконова) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Т. 33. № 4. С. 271–293.
4. Гирфанова К. А. Изучение спиритизма в европейской и русской традиции (на примере статьи Н. С. Лескова «Философемы спиритизма») // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации», Томск, 9–11 ноября 2015 г. Томск: Томский политехнический университет, 2016. С. 32–37.
5. Головачева О. А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н. С. Лескова: монография. М.: ИНФРА-М. 2018. 129 с.
6. Китсинг И. В. Спиритизм и его критика в России во второй половине XIX века // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 8. № 11. С. 134–139.

REFERENCES

1. Aksakov A. N. *Materialy dlya suzhdeniya ob avtomaticheskom pis'me (iz lichnogo opyta) i dlya suzhdeniya o materializatsii* [The materials for judgments on the automated writing (from personal experience) and for judgment on the materialization]. St. Petersburg, Typographya V. Demakova, 1899. 285 p.

2. Butlerov A. M. [Articles on mediumship]. In: *Elektronnaya biblioteka Runivers* [The electronic library Runivers]. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book476892/#page/1/mode/1up> (accessed: 15.08.2018).
3. Vagner N. P. [What Is spiritism? (with a foreword by V. Razdyakonov)]. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2015, vol. 33, no. 4, pp. 271–293.
4. Girfanova K. A. [The Study of spiritism in the European and Russian Traditions (on the example of N. Leskov's article "The Philosophies of Spiritism")]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh trudov XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Lingvisticheskie i kul'turologicheskie traditsii i innovatsii»*, Tomsk, 9–11 noyabrya 2015 g. [Intercultural communication: theory and practice: collection of scientific papers of 15th International scientific and practical conference "Linguistic and cultural traditions and innovations", Tomsk, November 9–11, 2015]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2016. pp. 32–37.
5. Golovacheva O. A. *Okkazionalizmy priznakovye slova v idiolekte N. S. Leskova* [Occasionalisms as indicative word in the idiolect N. S. Leskov]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 129 p.
6. Kitsing I. V. [Spiritism and its criticism in Russia during the second half of the 19th century]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Success of Modern Science and Education], 2016, vol. 8, no. 11, pp. 134–139.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баженова Алина Павловна – аспирант кафедры современного русского языка, старший преподаватель кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета;
e-mail: antipovaalina100190@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina P. Bazhenova – postgraduate student at the Department of the Modern Russian Language, senior tutor at the Department of Foreign Languages, Moscow Region State University;
e-mail: antipovaalina100190@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Баженова А. П. Прагматико-стилистический потенциал имени актуалемы *спиритизм* и однокоренных производных (на материале ранней публицистики Н. С. Лескова) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 8–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-8-18

FOR CITATION

Bazhenova A. P. Pragmatic and stylistic potential of the name of concept *spiritism* and cognate words in the early publicistic works by Leskov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 8–48.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-8-18

УДК 81'42: 811.161.1 (075.8)

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-19-27

ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бринюк Е. В.

¹ *Московский государственный областной университет*

*141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

² *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*

125468, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье исследуется текст учебных изданий по русскому языку как иностранному, который автор считает средством формирования межкультурной коммуникации. Рассмотрены основные аспекты межкультурной коммуникации в рамках дисциплины РКИ. Проанализирована специфика креолизированных текстов, их социокультурный, лингвокультурный и лингвострановедческий материал, направленный на вовлечение иностранных обучающихся в сферу межкультурной коммуникации в процессе изучения русского языка. Подтверждена актуальность креолизации текста для реализации названного аспекта коммуникативной деятельности. Используются следующие методы исследования: анализ и синтез, наблюдение (мониторинг текстов), сравнительно-сопоставительный.

Ключевые слова: креолизированный текст, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный, вербальные и невербальные элементы текста.

TEXT AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

E. Brinyuk

¹ *Moscow Region State University*

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

² *Financial University under the Government of the Russian Federation*

49, Leningradsky prospect, Moscow, 125468, Russian Federation

Abstract. The article studies the text of tutorials on Russian as a foreign language, which the author of the article considers as the intercultural communication formation means. Basic intercultural communication aspects are viewed as part of Russian as a foreign language subject. The article analyzes the creolised texts specific, sociocultural, linguocultural and culture-oriented linguistics material, which is used for foreign students implication in the intercultural communication during their Russian language study. The relevance of creolisation for the above mentioned aspect in communication is confirmed. The following research methods were used: analysis and synthesis, observation (monitoring of texts), comparative analysis.

Keywords: creolized text, intercultural communication, Russian as a foreign language, verbal and non-verbal elements of the text.

В эпоху глобализации, с которой связаны активные миграционные процессы [см.: 19; 20], повышается роль и авторитет национальных образовательных систем, способных влиять на мировое культурно-информационное пространство. В связи с этим в России реализуются государственные программы, направленные на увеличение контингента иностранных обучающихся в высших учебных заведениях нашей страны [ср.: 5]. Так, в 2016–2017 учебном году их численность составляла 244 тыс. человек¹, а к 2025 г. планируется увеличить данный показатель до 720 тыс. человек². Следовательно, в процессе расширения международного сотрудничества и активного роста числа иностранных граждан в российских вузах на первый план выступает проблема подготовки языковых личностей обучающихся к получению высшего образования. Её решение должно сводиться не только к изучению русского языка, но и к социокультурной адаптации иностранцев, а также к эффективному вовлечению их в сферу межкультурной коммуникации, ведь «даже при соблюдении всех языковых норм между носителями разных языков может возникнуть культурный барьер, не позволяющий

участвовать в совместной деятельности» [12, с. 225].

Очевидно, что межкультурная коммуникация основывается на культурологических принципах, а именно: для успеха речевого общения иностранным обучающимся необходимо знать и владеть определёнными актами поведения, которые относятся к традициям, обычаям, философии, логике, менталитету и особенностям культуры народа-носителя и выходят далеко за пределы системы языка, хотя именно язык отражает национальную картину мира в её специфике, является транслятором особенностей концептосферы, влияет на формирование новой стороны и нового объёма языковой личности [7; 8].

Проблеме взаимосвязи языка и культуры, а также взаимодействию разных культур были посвящены работы Н. Д. Арутюновой [6], В. В. Красных [15], С. Г. Тер-Минасовой [23], Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [10], В. В. Леденёвой [16; 17], А. Вежицкой [9], А. П. Садохина [21].

В процессе речевой деятельности на русском языке иностранные обучающиеся могут столкнуться с различиями национальных и культурных стандартов поведения, что может привести к коммуникативному сбою. Для его преодоления нужно знать культурно-национальные особенности поведения носителей изучаемого языка. Значит, для эффективного общения на иностранном языке обучающемуся необходимо преодолеть не только языковой барьер, но и культурный, несмотря на возможную близость изучаемого русского и родного языков, соседство народов и партнёрство государств в различных областях деятельности [12; 14].

¹ Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник / Росстат. М., 2017. С. 327.

² Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 мая 2017 г., протокол № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://минобрнауки.рф/проекты/1355/файл/9551/pasport_-_opublikovannyi.pdf (дата обращения: 15.02.2018).

С. Г. Тер-Минасова выделяет следующие компоненты, обладающие национально-специфической окраской, которым, как нам представляется, необходимо уделять особое внимание при обращении к текстам учебных изданий по РКИ [23, с. 28–29]:

1) традиции (являются устойчивыми культурными элементами), обычаи (С. Г. Тер-Минасова называет «традиции в “соционормативной” сфере культуры») и обряды (выполняют функцию несознательного приобщения к нормам, действующим в определённой системе);

2) бытовая (или традиционно-бытовая) культура;

3) повседневное поведение (общепринятые в конкретном обществе нормы поведения, привычки), мимические и пантомимические коды представителей культуры;

4) «национальные картины мира», которые отражают особенности восприятия мира представителями разных культур, национальные особенности мышления;

5) художественная культура, которая содержит в себе культурные традиции определённого этноса.

Процесс познания иностранными обучающимися «мира» носителей изучаемого ими языка должен быть направлен на понимание специфики речеупотребления, осмысление дополнительной смысловой нагрузки, исторических, культурных и других коннотаций элементов данного языка, проявляющихся в речи/тексте. Важное место необходимо уделять реалиям, номинируемым лексемами, без знания которых невозможно правильное толкование тех или иных фактов и явлений повседневной действительности

носителей языка. В основе процесса коммуникации «лежит “обоюдный код” (shared code), обоюдное знание реалий, знание предмета коммуникации между участниками общения: говорящим/пишущим и слушающим/читающим» [23, с. 31].

Следовательно, процесс освоения русского языка для иностранных обучающихся не должен сводиться только к овладению его грамматической структурой, фонетической системой и лексико-фразеологическими ресурсами как набору лингвистических средств. В действительности, благодаря постижению русского языка, открывается путь к изучению и пониманию страноведческой информации, восприятию культуры, оценке и сопоставлению обычаев, традиций, особенностей невербального поведения народа-носителя, ведь «язык играет не только узко-инструментальную роль в межкультурных контактах, но и в определённой степени конструирует мир, в который “погружается” личность» [14, с. 137–138].

Согласно психолингвистическим исследованиям, любой вербальный текст может усваиваться адресатом в полной мере только на 7%, однако введение наглядного образа способно увеличить восприятие данной информации до 55%. Это обусловлено тем, что любая информация воспринимается человеком с помощью разных каналов. Так, слово и изображение «интегрируются и перерабатываются человеком в едином универсально-предметном коде мышления» [13].

Таким образом, в процессе формирования межкультурной коммуникации возрастает роль креолизованного текста, в котором «иконические сред-

ства наряду с вербальными воспроизводят картину мира, шкалу ценностей, эстетические идеалы нации» [1, с. 93]. Он обладает определённой воздействующей силой на адресата, способен передать различную информацию с тем или иным коммуникативным эффектом и может стать эффективным посредником в процессе межкультурной коммуникации. Под креолизрованными мы будем понимать тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [22, с. 180].

Посредством невербальных компонентов креолизации (в первую очередь фотографий и рисунков), включённых в вербальный текст, иностранные обучающиеся быстрее приобретут лингвострановедческие и социокультурные знания.

По нашему мнению, все сочетания вербальных и невербальных компонентов креолизации в учебных изданиях по русскому языку как иностранному можно классифицировать, исходя из их роли в процессе формирования образа страны изучаемого языка, на следующие группы (для анализа были использованы учебник В. Е. Антоновой и соавторов «Дорога в Россию» [2–4; 11], учебное пособие Е. М. Марковой «Говорим, читаем и пишем по-русски» [18]).

1. Креолизированные тексты, содержащие **социокультурный материал** (раскрывают основные модели поведения, а также особенности общения на русском языке). Например, в учебном пособии Е. М. Марковой в качестве материалов для чтения представлены следующие креолизованные

тексты, формирующие, по нашей оценке, представления о специфике межличностного взаимодействия и о ведении коммуникации с носителями русского языка: «О русской улыбке», «Обращение в русском языке», «В гостях у русских».

К подобным по прагматической установке креолизированным текстам также относится грамматико-иллюстративный материал упражнений, раскрывающий в процессе выработки умений и навыков особенности речевого общения носителей изучаемого языка (задания-диалоги, которые дополняются комиксами и картинками). С помощью речевых диалогов-образцов вводится и отрабатывается новый лексический материал, что способствует формированию навыков ведения «диалога по-русски». Это становится залогом полноценной коммуникации с носителями языка, без чего невозможно вовлечь обучающихся в сферу межкультурной коммуникации.

Основными вербальными и невербальными компонентами креолизации, содержащими социокультурный материал, являются следующие:

- компоненты, которые отражают манеру общения, характер и даже ценности народа-носителя изучаемого языка;
- компоненты, представляющие внешние черты народа, национальный стиль;
- компоненты, описывающие особенности быта;
- компоненты, формирующие у иностранных обучающихся представления об особенностях невербального общения носителей изучаемого языка.

2. Креолизированные тексты, содержащие **лингвострановедческий материал** (раскрывают особенности

географического положения, политического устройства, культуры, обычаев и традиций страны изучаемого языка). Лингвострановедческая информация представлена как в вербальных, так и в невербальных компонентах креолизации. Наиболее частотными единицами вербального текста являются следующие:

1) вербальные компоненты, характеризующие географическое положение и политическое устройство России; преобладает проприальная лексика: *Москва, Россия, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Волга, Ура, Байкал, Президент, В. В. Путин*;

2) вербальные компоненты, описывающие знаковые достопримечательности России, предметы культурного наследия (например, *Кремль, Большой театр, ГУМ, Красная площадь*);

3) вербальные компоненты, предполагающие закрепление прецедентной информации об известных деятелях науки, культуры, истории России – антропонимы (например, *А. С. Пушкин, Д. И. Менделеев, П. М. Третьяков, М. В. Ломоносов*);

4) вербальные компоненты, способствующие введению информации об особенностях проведения праздников в России, традициях и обычаях народа (например, *Новый год, Масленица, Рождество*).

Проанализировав учебные издания по РКИ, мы можем выделить несколько наиболее частотных видов невербальных компонентов, содержащих лингвострановедческую информацию, а именно представляющие:

– предметы или явления материальной и духовной культуры народа-носителя, традиции, обычаи и праздники (например, изображение

балалайки, матрёшки, репродукции картин известных художников);

– географическое положение, особенности устройства и природу страны изучаемого языка (изображения *Байкала, Эльбруса, Урала, карта России*);

– культурное и историческое наследие народа-носителя изучаемого языка (иллюстрации-фотографии различных архитектурных памятников России, например, *Кремля, Большого театра*);

– выдающихся деятелей науки, культуры, истории (чаще всего портреты).

Анализ показывает, что креолизованные тексты данной группы отличаются описательным характером, потому что их главной задачей является знакомство иностранных обучающихся с Россией через систему образов. Они несут в себе положительную оценку реалий российской действительности, что должно способствовать формированию благоприятного отношения иностранцев к России.

3. Креолизованные тексты, содержащие **лингвокультурный материал** (раскрывают особенности характера, менталитета носителей русского языка, а также знакомят с культурным наследием страны). В учебных изданиях по РКИ этот пласт информации несут преимущественно поговорки, пословицы, фразеологизмы, а также фрагменты сказок и народных песен, произведений литературы, сопровождаемые изображениями.

Следовательно, учебные издания по РКИ включают в себя основную информацию об особенностях паравербального, вербального и невербального взаимодействия носителей русского языка, то есть проводят «обучение социокуль-

турным кодам поведения, позволяющее людям разных национальностей, вероисповеданий, идеологических убеждений общаться и понимать друг друга на межличностном, межэтническом и межкультурном уровнях» [24, с. 5].

Таким образом, социокультурный, лингвокультурный и лингвострано-

ведческий материал учебных изданий по РКИ, транслируемый посредством креолизованных текстов, способствует включению иностранных обучающихся в сферу межкультурной коммуникации, а также их эффективному взаимодействию с носителями русского языка в рамках диалога культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Академия, 2003. 128 с.
2. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень); 11-е изд. М.: Центр международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова; СПб.: Златоуст, 2017. 256 с.
3. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2 т.; 9-е изд. Т. I. СПб.: Златоуст, 2016. 200 с.
4. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень): в 2 т.; 7-е изд. Т. II. СПб.: Златоуст, 2017. 184 с.
5. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов. М.: Центр социологических исследований. 2014. 228 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека; 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Бринюк Е. В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 8–15.
8. Бринюк Е. В. Особенности раскрытия концепта «РОДИНА» средствами креолизованного текста в учебном издании по русскому языку как иностранному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 29–37.
9. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
10. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
11. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень) / Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А.; 14-е изд. СПб.: Златоуст, 2016. 344 с.
12. Дубкова О. В., Хун Чжао. Лингвокультурология как важнейшая часть языковой подготовки русистов в Китае // Актуальные вопросы образования. Современные тенденции формирования образовательной среды технологического университета: Сборник материалов Международной научно-методической конференции, 3–7 февраля 2014 г., Новосибирск. Новосибирск: Сибирская государственная геодезическая академия, 2014. С. 224–227.

13. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 156 с.
14. Колесникова В. В., Муллинова О. А., Муллинова Т. А. Преподавание русского языка как иностранного в контексте межкультурной коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 137–139.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
16. Леденёва В. В. О словах-индикаторах нравственной позиции // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность: сборник научных трудов. Вып. III / Редколл.: В. В. Леденёва, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 135–140.
17. Леденёва В. В. Полисемия в авторском словаре и проблема восприятия текста иностранными читателями // Сопоставительное изучение и преподавание русского языка как иностранного: лингвистический, литературоведческий и лингводидактический аспекты: коллективная монография / отв. ред. О. В. Шаталова, ред. кол. В. В. Леденёва, Л. Ф. Алексеева. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 47–58.
18. Маркова Е. М. Говорим, читаем и пишем по-русски (русский язык на курсах) (продвинутый уровень): учебное пособие. М.: Диона, 2014. 136 с.
19. Петросян С. Р. Глобализация как фактор трансформационных процессов в современном мире: дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2012. 159 с.
20. Понарина Н. Н. Глобализация: общий вектор мирового развития XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 25–28.
21. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Высшая школа, 2005. 310 с.
22. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
23. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/ Slovo, 2000. 624 с.
24. Шевченко О. В. Социокультурное содержание иноязычного дискурса художественных видеофильмов. Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, 2009. 131 с.

REFERENCES

1. Anisimova E. E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts)]. Moscow, Akademiya Publ., 2003. 128 p.
2. Antonova V. E., Nakhabina M. M., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (bazovyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (basic level)]. Moscow, Center for international education of Lomonosov Moscow State University; St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 256 p.
3. Antonova V. E., Nakhabina M. M., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven')*: v 2 t. T. I [Road to Russia: Russian language textbook (first level): in 2 vols. Vol. I]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. 200 p.
4. Antonova V. E., Nakhabina M. M., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnik russkogo yazyka (pervyi uroven')*: v 2 t. T. II [Road to Russia: Russian language textbook (first level): in 2 vols. Vol. II]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2017. 184 p.
5. Aref'ev A. L., Sheregi F. E. *Inostrannyye studenty v rossiiskikh vuzakh. Razdel pervyi: Rossiya na mezhdunarodnom rynke obrazovaniya. Razdel vtoroi: Formirovanie kontingenta inostrannykh studentov dlya rossiiskikh vuzov* [Foreign students in Russian universities. Section one: Russia in the international education market. Section two: the formation of the contingent

- of foreign students to Russian universities]. Moscow, Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy Publ., 2014. 228 p. Available at: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2014/full.pdf> (accessed: 01.02.2019).
6. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. 896 p.
 7. Brinyuk E. V. [Creolization as a means of disclosure of the concept "nature" in the textbook on Russian as a foreign language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2017, no. 5, pp. 8–15.
 8. Brinyuk E. V. [Features of revealing of the concept "homeland" by means of the creolised text in the textbook on Russian as a foreign language]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology], 2018, no. 3, pp. 29–37.
 9. Vezhbitskaya A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 288 p.
 10. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [The language and culture. Three linguistic concepts: lexical background, the speech and behaviour tactics and sapientem]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p.
 11. Antonova V. E., Nakhabina M. M., Safronova M. V., Tolstykh A. A. *Doroga v Rossiyu: uchebnyk russkogo yazyka (elementarnyi uroven')* [Road to Russia: Russian language textbook (elementary level)]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2016. 344 p.
 12. Dubkova O. V. Khun Chzhao. [Linguoculturology as the most important part of the Russianists language training in China]. In: *Aktual'nye voprosy obrazovaniya. Sovremennye tendentsii formirovaniya obrazovatel'noi sredy tekhnologicheskogo universiteta: Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, 3–7 fevralya 2014 g., Novosibirsk* [Topical issues of education. Modern tendencies of formation of the educational environment of a technological University: Collection of materials of International scientific-methodical conference, 3–7 February 2014, Novosibirsk]. Novosibirsk, Siberian State Academy of Geodesy Publ., 2014. pp. 224–227.
 13. Zhinkin N. I. *Rech' kak provodnik informatsii* [Speech as a conduit of information]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 156 p.
 14. Kolesnikova V. V., Mullinova O. A., Mullinova T. A. [Teaching Russian as a foreign language in the context of intercultural communication]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2013, no. 4, pp. 137–139.
 15. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 284 p.
 16. Ledenyova V. V. [On word indicators of the moral position]. In: Ledenyova V. V., Fadeeva T. M., Zvukova E. D., eds. *Russkii yazyk v slavyanskoi mezhkul'turnoi kommunikatsii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh trudov. Vip. III* [Russian language in the Slavic intercultural communication: history and modernity: a collection of scientific papers. Iss. III]. Moscow, MRSU Edd. office Publ., 2015. pp. 135–140.
 17. Ledenyova V. V. [Polysemy in the author's dictionary and the problem of text perception by foreign readers]. In: Shatalova O. V., chief ed. *Sopostavitel'noe izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka kak inostrannogo: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i lingvodidakticheskii aspekty* [Comparative study and teaching of Russian as a foreign language: linguistic, literary and linguistic and didactic aspects]. Moscow, MRSU Edd. Office Publ., 2018. pp. 47–58.
 18. Markova E. M. *Govorim, chitaem i pishem po-russki (russkii yazyk na kursakh) (prodvinutyi*

- uroven') [Speak, read and write in Russian (Russian language courses) (advanced level)]. Moscow, Diona Publ., 2014. 136 p.
19. Petrosyan S. R. *Globalizatsiya kak faktor transformatsionnykh protsessov v sovremennom mire: diss. ... kand. filosof. nauk* [Globalization as a factor of transformation processes in the modern world: PhD thesis in Philosophical Sciences]. Rostov-on-don, 2012. 159 p.
20. Ponarina N. N. [Globalization: general vector of world development of 21st century]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no. 4, pp. 25–28.
21. Sadokhin A. P. *Vvedenie v teoriyu mezhekul'turnoi kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 310 p.
22. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. [Creolized texts and their communicative function]. In: *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya* [Optimization of speech influence]. Moscow, Nauka Publ., 1990. pp. 180–186.
23. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhekul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication.]. Moscow, Slovo Publ., 2000. 624 p.
24. Shevchenko O. V. *Sotsiokul'turnoe sodержание inoyazychnogo diskursa khudozhestvennykh videofil'mov* [Socio-cultural content of foreign language discourse of feature films]. Tambov: Publishing house of Derzhavin Tambov State University, 2009. 131 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бринюк Елена Витальевна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: evbrin@inbox.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Brinyuk – postgraduate student at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; the lecturer at the Department of Language Training, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: evbrin@inbox.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бринюк Е. В. Текст как средство межкультурной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 19–27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-19-27

FOR CITATION

Brinyuk E. V. Text as a means of intercultural communication. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 19–27.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-19-27

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34

ГРАММАТИКА НА СЛУЖБЕ РАЗВИТИЯ РЕЧИ И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Герасименко Н. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. Изучение грамматики связывается с развитием речи и культурой речи учащихся. Предлагается при описании грамматических явлений раскрывать их функциональный потенциал. На примере отдельных типов предложений рассматриваются возможности использования их в разных речевых регистрах, типах речи. Обосновывается взаимосвязь особенностей структурно-семантической организации грамматической единицы и её функциональных особенностей, связь типа речи, стиля русского литературного языка, речевого жанра с грамматическими формами.

Ключевые слова: грамматика русского языка, безличное предложение, бисубстантивное предложение, номинативное предложение, развитие речи учащихся, культура речи.

GRAMMAR IN THE SERVICE OF THE DEVELOPMENT OF SPEECH AND VERBAL CULTURE

N. Gerasimenko*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. Studying grammar is associated with the development of speech and the culture of speech of students. It is proposed to reveal the functional potential of the grammatical phenomena when describing them. On the example of certain kinds of sentences, the possibilities of using them in different speech registers and types of speech are considered. The study justifies the interrelation of the features of the structural-semantic organization of a grammatical unit and its functional features, the relationship of the type of speech, the style of the Russian literary language, the speech genre with grammatical forms.

Keywords: Russian grammar; impersonal sentence; bisubstantive sentence; nominative sentence; student speech development; the culture of speech.

Изучение грамматики в школе часто вызывает у учеников негативное отношение, потому что воспринимается как отвлечённое знание, не имеющее практического значения и не отражающееся на жизненных принципах и

установках. Цель данной статьи – показать, что грамматические знания способствуют формированию и развитию языковой компетенции, когда усваиваются в соответствии с функционированием языковых единиц.

Грамматика является одним из наиболее консервативных уровней языка. Она отражает типологическое устройство данного языка, возможности взаимодействия сознания человека с объективной действительностью и реализации мыслительных операций в речи, в конечном счёте – формирует образ мира в языке [5; 7]¹. Консервативность грамматики не означает, что этот уровень остаётся неизменным всегда, но скорость изменений, происходящих в грамматическом поле языка, сравнительно невысока. В научной литературе последних лет большое внимание уделяется именно динамике языковых процессов [2; 5; 7]. При этом большинство исследователей обращает внимание на изменения, происходящие в лексике, словообразовании, фразеологии, тогда как грамматические динамические процессы остаются малоизученными [ср.: 1; 9; 10]. Повышение интереса к динамике грамматических (и языковых в целом) процессов связано с тем, что в современном русском языке наблюдаются значительные сдвиги в стилистическом и жанровом аспектах: стили речи, типы речи, жанры речи взаимно переплетаются, воздействуя друг на друга. В результате в литературную речь проникают элементы просторечия, жаргонов, в том числе и грамматические. Конструкции, характерные для разговорной речи, становятся в один ряд с официально-деловыми и научными формами. Такое смешение жанров и стилей, с одной стороны, нарушает грамматическое устройство языка, с другой – свидетельствует о тенденциях

в области русской грамматической системы.

Важно понимать, что современных учащихся в речи привлекают актуальные процессы, они используют в коммуникации не только новую лексику, фразеологию, словообразование, но и более продуктивные модели предложений, оборотов, словосочетаний. Не всегда такое использование грамматических явлений в речи способствует успешной коммуникации, но всегда свидетельствует об уровне сформированности языковой компетенции. В качестве примера несформированной языковой компетенции можно привести фрагмент письменной работы, в котором присутствуют разные виды ошибок, но грамматические и речевые преобладают, что делает текст малодоступным для понимания [речь идёт о творчестве известного поэта. – Н. Г.]: *... заявлял, что его поэзия не объединяется к одной только публицистичности. Он гласил: «Жизнь – она так как трудная вещь и она из довольно различных вещей произведено, в что количестве и из различных интонаций. Невозможно все время усмехаться. Человек, который все время иронизирует или же безостановочно орёт – аномальный человек, прикованный к кровати. Например, как и каждый день, говорящий в полголоса или же беспрерывно захлёбывающийся в рыданиях. В жизни мы пользуемся различные регистры. Вследствие этого и то, что мы пишем, надлежит звучать по-всякому»* [текст оригинальный, редакторской правке не подвергался; написан носителем русского языка как родного, 19 лет. – Н. Г.]. Отсутствие логики, грамматическая несогласованность, разорванность мысли в изложении материала позволяют видеть

¹ Также см.: Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 1. С. 14–20.

неумение грамотно строить фразы по законам русской грамматики (*жизнь – она так как трудная вещь; не объединяется к публицистичности; она произведено; пользуемся различные регистры* и т. д.); отсутствие понимания семантической сочетаемости русских слов (*аномальный человек; то, что мы пишем, надлежит звучать* и т. п.); отбирать соответствующую стилю речи лексику (*он гласил; усмехаться, орёт*, и т. п.); грамотно писать (*в полголоса*). Приведённый пример показывает, как использование интернет-ресурсов, популярное среди школьников и студентов, не только не помогает выполнить письменную работу, но выявляет зияющие пробелы в знаниях, умениях и навыках.

Психолингвисты отмечают, что знание языка (языковое знание) соотносится с языковой компетенцией и существенно отличается от знания о языке [4, с. 31]. Возможность овладения языковым знанием заложена биологической природой человека на уровне генетики, психофизиологии и реализуется в социуме под влиянием многих факторов. Речевая среда занимает среди этих факторов ведущее место. Знание языка добывается эмпирически, в ходе развития личности и обеспечивает ребёнку успешное использование языка в познавательных и коммуникативных целях [см. подробно: 3]. Знание о языке – «изученное и усвоенное знание, которое называется метаязыковым знанием, а именно осознанным знанием прескриптивных правил описательной грамматики, процедур пользования этими правилами в речи» [4, с. 34]. И эмпирическое знание языка, и изученные знания о языке имеют прикладной характер,

так как направлены на успешную коммуникацию. Задача учителя русского языка – найти в ходе обучения наиболее соответствующие определённым речевым ситуациям языковые средства и показать, как они «работают».

Всё более остро перед современными учителями стоит проблема развития речи и культуры речи учащихся [6]. Приведённый в статье фрагмент письменной речи студента показывает, как рушится даже способность использовать готовые интернет-тексты при несформированном умении логически и грамматически связывать их между собой. Преподаватели вузов отмечают у многих студентов отрывочность, конспективность речи, обилие необоснованных пауз. Каким же образом можно использовать грамматические знания для развития речи учащихся?

Можно рассмотреть это на примере употребления некоторых синтаксических единиц. Структурно-семантическая классификация русских предложений, изучаемая в школе, позволяет обратить внимание на специфику употребления разных типов предложений в определённых речевых условиях.

Так, например, односоставные номинативные (назывные) предложения успешно используются в описательном типе речи, когда необходимо подчеркнуть непосредственность восприятия картины природы, окружающей среды или интерьера. В таком употреблении читатель как будто оказывается внутри описываемой ситуации, становится участником событий: *Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье. Окопы над болотом, поросшим ольхой. Впереди проволочные заграждения. В окопах*

холодная слякоть. [Меркло блестит мокрый щит наблюдателя]. В землянках редкие огни ... (М. Шолохов). Этот тип предложений широко используется в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» и позволяет автору представить эпическую картину бытия донского казачества [см. подробно: 8]. Нанизанные друг на друга номинативные предложения создают подробную и впечатляющую прифронтовую картину. Важнейшей особенностью номинативных предложений в русском языке, как известно, является бытийное значение. Бытийность как грамматическое значение реализуется через восприятие существования отдельных предметов и явлений, которые можно наблюдать здесь и сейчас. В ходе развития речи (например, при подготовке к описанию картины) учащимся можно предложить сравнить два текста и определить, в каком варианте наблюдатель может стать участником событий. В качестве примера используем репродукцию картины И. И. Левитана «У омута»¹.

1. На картине изображён вечер. Небольшую речку перегораживает запруда, поверх неё перекинут мостик. Вокруг тихо, ветки деревьев не шевелятся. Вода с правой стороны от мостика выглядит как зеркало. Она неподвижна. Слева вода бурлит, она падает с запруды и образует водоворот. В этом омуте искажаются все отражения.

¹ См.: Герасименко Н. А., Леденёва В. В., Шаповалова Т. Е. Русский язык: простое и сложное: учеб. пособие для образовательных учреждений с углублённым изучением русского языка и литературы / под ред. Н. А. Герасименко. М.: ООО «Диона», 2014. С. 543.

2. Ранний вечер на берегу реки. Никакого движения в воздухе. Зеркальная поверхность реки перед запрудой. Отражение трав, деревьев. Тишина и покой вокруг. Только шум падающей сверху воды. Круги на поверхности. Рябь.

Приведённое задание позволяет обратить внимание учащихся на грамматические явления. Номинативное предложение приспособлено в русском языке для описания статических явлений, а глагольное двусоставное предложение передаёт движение, динамику.

Описание опирается преимущественно на восприятие органами чувств. Разные впечатления оставляют звуки, запахи, зрительные ощущения. Восприятие действительности субъективно. Однако именно грамматика предоставляет возможность отразить в языке перцепцию (восприятие) так, чтобы это было понятно всем. Так, одна из моделей безличного предложения приспособлена языком для передачи запаха. Глаголы, имеющие одорическое значение (значение запаха): *пахло, веяло, тянуло, несло...* и т. п., – составляют грамматическую основу безличного предложения, которое передаёт восприятие запаха наблюдателем: *На кухне пахло блинами* (В. Токарева); *С моря тянуло запахом водорослей и рыбы* (Л. Улицкая). Грамматическое явление безличности позволяет передать картину восприятия запаха с указанием на его источник.

Обращает на себя внимание активное использование в русском языке бисубстантивных предложений характеризующего типа [1; 2]. Их грамматическое устройство (субъект – связка – предикат) соответствует логическому

строению мысли, что способствует передаче разных мыслительных операций, производимых человеком. Развивая речь учащихся, учитель может показать эту связь и реализовать её при описании внешности, при характеристике лица. Большой дидактический материал в этом смысле дают произведения Дины Рубиной, в которых прозрачный синтаксис сочетается с богатым и образным языком.

Так, например, в описании внешности персонажа Д. Рубина использует бисубстантивные предложения с разными падежными и предложно-падежными формами имён существительных в позиции основной части связочно-субстантивного сказуемого: *Дочь была её точным повторением – поразительная копия, с материнской походкой, теми же подростковыми ухватками, той же манерой сидеть, задрав ногу на ногу; Девочка была в ситцевой косынке и весёлом фланелевом халатике Галины Николаевны; Он*

опять был в чём-то неброско элегантном, неуловимо стильном; В полутьме она была похожа на мальчика-подростка (Д. Рубина).

При характеристике лица в бисубстантивных предложениях так или иначе реализуется добавочное оценочное значение, так как присутствие автора характеристики здесь предполагается самой грамматической формой предложения: *Он вообще был человеком сдержанным, хмурым и прозвище у студентов имел – Сухарь; Все мы были прекрасными конькобежцами; Все – милейшие люди уже весьма преклонного возраста* (Д. Рубина).

Приведённые примеры показывают, что изучение грамматики русского языка тесно связано с изучением особенностей функционирования грамматических форм в разных дискурсивных условиях. Привлечение внимания к этим процессам позволяет не только развивать речь обучаемого, но и повышать культуру его речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Н. А. Активные процессы в неглагольных предложениях современного русского языка // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 125–128.
2. Герасименко Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3 (268). С. 37–42.
3. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 2007. 560 с.
4. Калмыкова Л. А. Знание языка и знание о языке: проблемы функционирования и пользования // Язык и актуальные проблемы образования: Материалы Международной научно-практической конференции. 31 января 2018 г., Москва / под ред. Е. И. Артамоновой, О. С. Ушаковой. М.: МАНПО, 2018. С. 31–36.
5. Милованова М. С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3 (268). С. 4–10.
6. Папуша И. С. Культура речи языковой личности на уровне адекватного выбора // Педагогическое образование и наука. 2016. № 5. С. 103–106.
7. Пименова М. В. Динамика отражения в языке русской ментальности // Русский язык за рубежом. 2018. № 3 (268). С. 31–36.
8. Сигал К. Я. Своеобразия синтаксиса и пунктуации М. А. Шолохова // Этнолингвистика и лингвокультурология художественных текстов Михаила Шолохова: монография. М.: МПГУ, 2015. С. 371–424.

9. Шаповалова Т. Е. Бы в структуре русского предложения // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 132–134.
10. Ярыгина Е. С. Терминологический аппарат современной грамматической науки // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 139–142.

REFERENCES

1. Gerasimenko N. A. [Active processes in non-verbal sentences of the modern Russian language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2017, no. 5, pp. 125–128.
2. Gerasimenko N. A. [Copula-substantive predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian linguistic worldview]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2018, no. 3 (268), pp. 37–42.
3. Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007. 560 p.
4. Kalmykova L. A. [Language proficiency and knowledge of language: problems of functioning and use]. In: Artamonova E. I., Ushakova O. S., eds. *Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 31 yanvarya 2018 g., Moskva* [Language and actual problems of education: Materials of International scientific-practical conference. 31 January 2018, Moscow]. Moscow, International Academy of Pedagogical Education Publ., 2018. pp. 31–36.
5. Milovanova M. S. [World image in the language: observing the problem of the development of the category of state]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2018, no. 3 (268), pp. 4–10.
6. Papusha I. S. [Speech culture of linguistic identity at the level of reasonable choice]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2016, no. 5, pp. 103–106.
7. Pimenova M. V. [Dynamics of reflection in the language of the Russian mentality]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], 2018, no. 3 (268), pp. 31–36.
8. Sigal K. Ya. [The peculiarity of syntax and punctuation of M. Sholokhov]. In: *Etnolingvistika i lingvokul'turologiya khudozhestvennykh tekstov Mikhaila Sholokhova* [Ethnolinguistics and cultural linguistics of literary texts by Mikhail Sholokhov]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2015. pp. 371–424.
9. Shapovalova T. E. [Бы in the structure of the Russian sentence]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2017, no. 5, pp. 132–134.
10. Yarygina E. S. [The revisiting nomenclature of current scientific grammar]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical Education and Science], 2017, no. 5, pp. 139–142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: natalya@lsm.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Gerasimenko – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University; e-mail: natalya@lsm.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 28–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. Grammar in the service of development of speech and verbal culture. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 28–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34

УДК 81-114:821.161.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-35-44

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА)

Карелова М. А.¹, Григорьева Л. М.²

¹ Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

² Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9,

Российская Федерация

Аннотация. Целью статьи является применение метода статистического анализа для характеристики идиостиля О. Э. Мандельштама. В статье рассматриваются две магистральные темы творчества поэта: «Античность» и «Христианство» на материале четырёх сборников или циклов, относящихся к разным периодам творчества автора: «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1925 гг.», «Воронежские стихи». Статистический анализ позволил выявить особенности семантико-стилистической системы писателя, с акцентом на неочевидные или малоочевидные особенности и тенденции авторского словоупотребления. Выводы, полученные в статье, вносят ясность в проблему периодизации творчества Мандельштама.

Ключевые слова: статистическая лингвистика, идиостиль, контекст, творчество Мандельштама.

STATISTICAL ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORD USE (ON THE MATERIAL OF O. MANDELSTAM'S POEMS)

M. Karelova¹, L. Grigorieva²

¹ People's friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russian Federation

² St. Petersburg State University

7–9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg, 119034, Russian Federation

Abstract. The objective of the article is to use the method of statistical analysis to characterize the O. Mandelstam's idiostyle. The article discusses two main themes of the poet's creative works "Antiquity" and "Christianity" on the material of four collections or cycles of to different time: "Stone", "Tristia", "Poems of 1921–1925", "Voronezh Poems". Statistical analysis has revealed the peculiarities of the semantic-stylistic system of the writer, with an emphasis on non-obvious

or less obvious features and tendencies of the author's use of words. The conclusions obtained in the article clarify the problem of the periodization of Mandelstam's work.

Keywords: statistical linguistics, idiosyncrasy, context, Mandelstam's poems.

В последние десятилетия современные исследователи всё чаще обращаются к прикладной лингвистике, математической обработке текстов, о чём свидетельствуют работы Л. Ю. Ковригиной [10], И. В. Кокориной [11], М. Ю. Мухина [12] и др. Как известно, в основе статистической лингвистики лежит предположение, что некоторые численные характеристики и функциональные зависимости между ними могут характеризовать язык. Практически важной и наиболее изученной числовой характеристикой текста является относительная частота употребления различных единиц (букв, фонем, слогов, слов, синтаксических конструкций), их классов (гласных, согласных, частей речи и т. п.) и сочетаний (например, последовательностей из определённого количества букв). Для установления связи между наблюдаемыми характеристиками и выбором наиболее существенных из них используется метод математических моделей, базирующихся на понятиях теории вероятностей. Кроме того, статистическая лингвистика использует методы статистики для проверки лингвистических гипотез, которые могут носить и качественный характер¹.

В современных исследованиях более употребителен термин «квантитативная лингвистика», которая представляет собой междисциплинарное направление в прикладных исследова-

ниях, в котором в качестве основного инструмента изучения языка и речи используются количественные или статистические методы анализа [2]. С теоретической точки зрения использование статистических методов позволяет создать структурно-вероятностную модель поэтического языка.

В языке художественного произведения находит своё отражение язык национальный, характер индивидуально-авторского словоупотребления соотносится одновременно с индивидуальным стилем автора и общезначимыми принципами лексико-тематической организации языкового и текстового пространства. Л. В. Щерба писал о том, что лингвистический подход к изучению языка художественного произведения помогает вникнуть в его суть. С его точки зрения, главной задачей изучения поэтического языка «является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [14]. Проблемы идиостиля отражены в известных трудах В. В. Виноградова [4], В. П. Григорьева [6], Ю. Н. Караулова [7] и др.

Д. М. Поцепня определяет идиостиль как «содержательную мировоззренческую категорию: в произведении словесного искусства, творчестве писателя в языковой форме объективируется ценностно ориентированное сознание художника, обуславливающее смысловую осложнённость текста и формирующее семантическую осно-

¹ Статистическая лингвистика // Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 447.

ву стиля» [13]. Множество современных исследователей посвятили свои труды вопросам идиостиля, в частности, О. А. Бокова [3], Ю. Н. Киреева [8], Е. В. Кловак [9] и др.

В свете того, что индивидуально-авторское словоупотребление является отражением состояния синхронного среза языка, представляется очевидным интерес применения статистического анализа для характеристики идиостиля. Статистический анализ в данном случае позволяет выявить неочевидные или малоочевидные особенности и тенденции авторского словоупотребления.

В настоящей работе предлагается рассмотреть динамику словоупотребления в поэтическом наследии О. Э. Мандельштама в отношении лексики двух выделяемых исследователями магистральных тем творчества поэта: «Античность» [5] и «Христианство» [1] на материале четырёх сборников или циклов, относящихся к разным периодам творчества автора: «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1925 гг.», «Воронежские стихи».

Методом сплошной выборки из 9394 слов, представленных в конкордансе¹ к собранию сочинений Мандельштама в четырёх томах², было отобрано 138 лексем, 256 словоупотреблений, отно-

сящих к теме античности, и 272 лексем, 729 словоупотреблений, относящихся к теме христианства.

В состав группы «Античность» были включены слова, отражающие реалии и понятия, связанные с цивилизацией Древней Греции и Древнего Рима.

Лексику, включённую в данной работе в группу «Христианство», составляют слова, которые связывает отнесённость к христианскому вероисповеданию и христианскому религиозному культу. В эту группу были включены слова, отсылающие к библейским текстам, слова, обозначающие важнейшие христианские понятия, церковно-религиозная лексика.

В отношении значительного количества слов нами был применён принцип дифференцированного отбора, то есть слово включалось или не включалось в группу в зависимости от контекста употребления. Из всех контекстов были выделены те, что более или менее отчётливо связаны с христианской темой. Такой подход отличает существенная трудоёмкость, кроме того, в той или иной степени он всегда несёт на себе отпечаток возможной интерпретационной субъективности. Однако, как представляется, это в любом случае более корректно, чем включать в состав анализируемой лексики все словоупотребления того или иного слова без учёта особенностей его контекстных смысловых характеристик.

Подобный дифференцированный подход применялся к нескольким категориям слов. Сюда относятся, во-первых, такие слова, как *бог*, *храм* и т. п., являющиеся ключевыми не только для христианства и выступающие в стихотворениях Мандельштама и в иной предметной соотнесённости

¹ Митюшин Л. Г. Конкорданс к стихам Осипа Мандельштама [Электронный ресурс] // Мандельштамовское общество : [сайт]. URL: http://www.rvb.ru/mandelstam/m_o/concordance_index.htm (дата обращения: 14.01.2019).

² Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в четырёх томах / сост. П. Нерлер, А. Никитаев (тт. 1–3); П. Нерлер, А. Никитаев, Ю. Фрейдин, С. Василенко (т. 4). М.: Терра, 1993–1999. В дальнейшем стихотворения Мандельштама цитируются по этому изданию. Ссылки приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

(*Приносит жертву кроткий бог морей* [I, с. 52]; *Как сморщенный зверёк в тибетском храме* [III, с. 52]). Во-вторых, это такие слова, как *любовь, душа, страх, дух* и т. п. – обозначаемые ими понятия относятся к морально-психологической сфере и совсем необязательно связаны с христианской темой (*Любовь, охотничьи попойки* [I, с. 94]; *Он с Моцартом в Москве души не чаёт* [III, с. 52]; *Дух кисло-сладкий двух мегер* [III, с. 158]; *Чую без страху, что будет и будет гроза* [III, с. 46]); в то же время эти понятия являются основополагающими для христианского вероучения, следовательно, были вычленены те случаи, где, исходя из контекста, значения данных слов приобретают специфические религиозно-христианские смысловые оттенки. В-третьих, это такие слова, как *звезда, чаша, лев* и т. п. Они употребляются в стихотворениях в разнообразных контекстах (*Одни / на монетах изображают льва* [II, с. 42]; *Как средиземный краб или звезда морская* [I, с. 106]; *Редко он другу струил пенное в чаши вино* [I, с. 83]) Данные случаи не учитывались, так как контекстуальное значение слов не соотносится с анализируемыми темами, в то же время были учтены те случаи, где, на наш взгляд, анализ контекста позволяет говорить о связи этих слов с библейской символикой. Например: *Марию Лев преследовал в пустыне* [II, с. 98]; *Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда* [I, с. 51]; *Чаша чаш* [I, с. 66].

Таким образом, отбор слов осуществлялся исходя из их смысловой отнесённости к указанным темам, с опорой на контексты, в которых они употреблены.

Для выявления статистических закономерностей использовались сле-

дующие параметры: а) количество стихотворений в сборнике/цикле; б) количество стихотворений в сборнике/цикле с лексикой, тематически связанной с античностью; в) количество стихотворений в сборнике/цикле с лексикой, тематически связанной с христианством; г) общее количество словоупотреблений в сборнике/цикле (под общим количеством словоупотреблений мы будем понимать количество орфографических слов, установленное автоматически с учётом заглавий сборников/циклов и стихотворений); д) количество лексем в сборнике/цикле, тематически связанных с античностью; е) количество словоупотреблений в сборнике/цикле, тематически связанных с античностью; ж) количество лексем в сборнике/цикле, тематически связанных с христианством; з) количество словоупотреблений в сборнике/цикле, тематически связанных с христианством. Для количественной оценки, учитывающей не абсолютные, а относительные величины, используем ряд коэффициентов, условно именуемых «коэффициентами лексической плотности»: коэффициент лексической плотности 1 (отношение количества стихотворений в сборнике/цикле, тематически связанных с античностью, к количеству стихотворений в сборнике/цикле); коэффициент лексической плотности 2 (отношение количества стихотворений в сборнике/цикле, тематически связанных с христианством, к количеству стихотворений в сборнике/цикле); коэффициент лексической плотности 3 (отношение количества лексем в сборнике/цикле, тематически связанных с античностью, к общему количеству словоупотреблений в сборнике/цикле);

коэффициент лексической плотности 4 (отношение количества словоупотреблений в сборнике/цикле, тематически связанных с античностью, к общему количеству словоупотреблений в сборнике/цикле); коэффициент лексической плотности 5 (отношение количества лексем в сборнике/цикле, тематически связанных с христианством, к общему количеству словоупотреблений в сборнике/цикле); коэффициент

лексической плотности 6 (отношение количества словоупотреблений в сборнике/цикле, тематически связанных с христианством, к общему количеству словоупотреблений в сборнике/цикле). Для удобства представления и восприятия полученные коэффициенты умножались на 100 и округлялись до десятых долей.

Результаты проведённого исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты статистического анализа

	Камень	Tristia	Стихи 1921–1925 гг.	Воронежские стихи
Общее количество стихотворений	79	42	21	85
Количество стихотворений с лексемами группы «Античность»	30	25	4	10
Коэффициент лексической плотности 1	38	59,5	19	11,8
Количество стихотворений с лексемами группы «Христианство»	47	27	11	37
Коэффициент лексической плотности 2	59,5	64,3	52,4	43,5
Общее количество словоупотреблений	5014	4275	2976	6074
Количество лексем группы «Античность»	42	51	8	16
Коэффициент лексической плотности 3	0,8	1,2	0,3	0,3
Количество словоупотреблений группы «Античность»	69	71	9	20
Коэффициент лексической плотности 4	1,4	1,7	0,3	0,3
Количество лексем группы «Христианство»	87	100	31	42
Коэффициент лексической плотности 5	1,7	2,3	1	0,7
Количество словоупотреблений группы «Христианство»	155	156	42	78
Коэффициент лексической плотности 6	3,1	3,7	1,4	1,3

Основные выводы, которые можно сделать на основании проведённых сопоставлений, таковы.

Во всех случаях лексика христианства преобладает над лексикой античности, что связано с потенциально большим количеством слов, которые могут быть связаны с темой христианства.

Для всех выявленных коэффициентов динамика словоупотребления как в отношении лексики, тематически связанной с античностью, так и в отношении лексики, связанной с христианством, обнаруживает общую тенденцию: повышение лексической плотности соответствующего типа от сборника «Камень» к сборнику «Tristia», а затем её снижение в сборниках/циклах «Стихи 1921–1925 гг.» и «Воронежские стихи». Однако эта общая тенденция по-разному реализуется в отношении разных групп лексики и различных параметров, принимаемых во внимание.

Прежде всего бросается в глаза различная картина в отношении тем античности и христианства, наблюдаемая при оценке динамики количества стихотворений в составе сборника/цикла, содержащих соответствующие лексемы (коэффициенты лексической плотности, соответственно, 1 и 2). Количество стихотворений, содержащих лексику христианства, меняется от сборника к сборнику не слишком резко и в целом остаётся довольно высоким в процентном отношении на протяжении всего творчества (59,5 – 64,3 – 52,4 – 43,5). Совершенно иная ситуация со стихотворениями, содержащими «античную» лексику. Здесь, с одной стороны, мы наблюдаем значительное повышение коэффициента

при переходе от сборника «Камень» к сборнику «Tristia», а далее его резкое и последовательное снижение (38 – 59,5 – 19 – 11,8).

Изменения коэффициентов 3 и 4 в целом соответствуют общей динамике темы античности, вычленяемой на уровне тематически отмеченных стихотворений в составе сборника/цикла (коэффициент 1). Здесь также наблюдается возрастание лексической плотности при переходе от сборника «Камень» к сборнику «Tristia», а затем её уменьшение в двух последних собраниях стихов. Это уменьшение очень ярко проявляется прежде всего в абсолютных цифрах. Что же касается относительных величин, то важно отметить разное соотношение лексем и словоупотреблений в сборниках «Камень» и «Tristia», с одной стороны (коэффициенты соответственно 0,8 – 1,4 и 1,2 – 1,7), и «Стихах 1921–1925 гг.» и «Воронежских стихах» – с другой (коэффициенты везде 0,3 – 0,3). В двух последних случаях количество лексем почти совпадает с количеством словоупотреблений, то есть слова, связанные с темой античности, не только малочисленны, но и практически не повторяются.

Примерно та же динамика наблюдается и в изменениях коэффициентов 5 и 6 (количество лексем и словоупотреблений, тематически связанных с христианством): возрастание лексической плотности в сборнике «Tristia» по сравнению с «Камнем» и затем её осязаемое последовательное снижение (коэффициент плотности лексем: 1,7 – 2,3 – 1 – 0,7; коэффициент плотности словоупотреблений: 3,1 – 3,7 – 1,4 – 1,3). Сравнивая эту динамику с данными по коэффициентам 3 и 4, мож-

но видеть, что здесь нет столь резкой разницы между тематическими областями античности и христианства, какая наблюдалась при сопоставлении коэффициентов 1 и 2. Иначе говоря, динамика изменения количества лексем и словоупотреблений в составе сборников/циклов примерно одинаковая и в отношении темы античности, и в отношении темы христианства. Объяснение этому, видимо, состоит в том, что лексика христианства более равномерно распределяется по стихотворениям сборников/циклов, в то время как античная лексика тяготеет к концентрации в рамках отдельных стихотворений. Тем самым при сопоставлении динамики количества стихотворений, связанных с темами античности и христианства, разница между этими двумя темами ощущается гораздо более отчётливо, чем при сопоставлении динамики количества лексем и словоупотреблений.

Во всех аспектах выделяется сборник «Tristia». В относительных цифрах эта книга является самой насыщенной, как в отношении темы античности, так и в отношении темы христианства. Здесь самый большой удельный вес стихотворений и той, и другой тематики и самая высокая плотность лексем и словоупотреблений обеих групп. При этом «Tristia» — единственный сборник, в котором реализация двух исследуемых тем количественно сближается, пусть и в одном из аспектов: количество стихотворений, содержащих лексемы тематической группы «Христианство» здесь почти такое же, как и число текстов, содержащих лексемы античной тематики (ср. коэффициенты 1 и 2). В абсолютных величинах «Tristia» превосходит

прочие сборники также почти по всем параметрам. Исключение составляет следующий параметр: количество стихотворений, содержащих лексемы интересующих нас тем — здесь более представительным является сборник «Камень». Но это обусловлено разницей в количестве представленных в сборниках текстов и в объёме имеющегося в них словесного материала. Сопоставление сборников «Камень» и «Tristia» в указанных аспектах обнаруживает сложный характер взаимоотношения лексических характеристик этих двух книг. С одной стороны, они противостоят исследованным стихотворным собраниям 1920-х и 1930-х гг. соответствующей лексико-тематической насыщенностью (причём в отношении обеих тем). Более того, не сложно увидеть, что в абсолютном измерении лексические характеристики «Камня», связанные с количеством слов и словоупотреблений обеих групп, близки характеристикам сборника «Tristia». В то же время в силу разного общего текстового объёма степень сгущённости и христианской, и античной лексики в книге «Tristia» существенно выше и более правомерно видеть в этой книге новый этап творческой эволюции поэта в отношении исследуемой темы. На фоне этих двух сборников «Воронежские стихи», более обширные, чем и «Камень», и «Tristia», отличает своего рода лексическая разрежённость в аспекте двух рассматриваемых тем, их гораздо более слабая эксплицитная лексическая реализация.

Полученные выводы могут способствовать уточнению характеристики творческой эволюции поэта. Анализ лексических показателей сборников

«Камень» и «Tristia» на фоне более поздних собраний стихотворений де-монстрирует различия между ними и приводит к выводу, что в сборнике «Tristia» отражается новый этап эволюции творчества Мандельштама.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Так почему же всё-таки Мандельштам? // Новый мир. 1998. № 6. С. 217.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 347 с.
3. Бокова О. А. Отражение русской ментальности в идиостиле Ф. М. Достоевского: на материале языка романов «великого Пятикнижия»: автореф. дис ... канд. филол. наук. Орёл, 2015. 25 с.
4. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Государственное издательство, 1930. 175 с.
5. Гаспаров М. Л. «За то, что я руки твои...» – стихотворение с отброшенным ключом // Мандельштам и античность: сборник статей / под ред. О. А. Лекманова. М.: Мандельштамовское общество 1995. С. 104–115.
6. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М.: Наука, 1983. 223 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М: Наука, 1987. С. 89.
8. Киреева Ю. Н. Идиостилевые доминанты в текстовом пространстве В. Токаревой: автореф. дис ... канд. филол. наук. Белгород, 2016. 23 с.
9. Кловак Е. В. Типичные авторские модели как реализация универсального и индивидуального в идиостиле: автореф. дис ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 19 с.
10. Ковригина Л. Ю. Негауссовое моделирование лексико-статистической структуры вариативного текста: на примере «Сказания о Мамаевом побоище»: автореф. дис ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 29 с.
11. Кокорина И. В. Основы математической обработки информации в филологии: комбинаторика, теория вероятностей и математическая статистика: учебно-методическое пособие. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 115 с.
12. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): автореф. дис ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2010. 43 с.
13. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1997. С. 5.
14. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. С. 97.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. [So why Mandelstam?]. In: *Novyi mir* [New world], 1998, no. 6, pp. 217.
2. Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 347 p.
3. Bokova O. A. *Otazhenie russkoi mental'nosti v idiosstile F. M. Dostoevskogo: na materiale yazyka romanov «velikogo Pyatiknizhnaya» : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Reflection of the Russian mentality in F. Dostoevsky's idiostyle: on the material of the language of the novels of the "great Pentateuch": abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Orel, 2015. 25 p.

4. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction prose]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930. 175 p.
5. Gasparov M. L. «Za to, chto ya ruki tvoi...» – stikhotvorenie s otbroshennym klyuchom [“For the fact that I am your hands ...” – a poem with a discarded key]. In: Lekmanov O. A., ed. *Mandel'shtam i antichnost': sbornik statei* [Mandelstam and antiquity: a collection of articles]. Moscow, Mandel'shtamovskoe obshchestvo Publ., 1995. pp. 104–115.
6. Grigor'ev V. P. *Grammatika idiostilya. V. Khlebnikov* [The grammar of idiostyle. V. Khlebnikov]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 223 p.
7. Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality] Moscow, Nauka Publ., 1987. pp. 89.
8. Kireeva Yu. N. *Idiostilevye dominanty v tekstovom prostranstve V. Tokarevoi: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Idiostyle dominant in the text space of V. Tokareva: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Belgorod, 2016. 23 p.
9. Klovak E. V. *Tipichnye avtorskie modeli kak realizatsiya universal'nogo i individual'nogo v idiosstile: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Typical original models as the implementation of the universal and the individual in the style: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tver, 2015. 19 p.
10. Kovrigina L. Yu. *Negausssovoe modelirovanie leksiko-statisticheskoi struktury variativnogo teksta: na primere «Skazaniya o Mamaevom poboishche»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Non-Gaussian modeling of the lexical-statistical structure of the variable text: the example of “The Tale of Mamayev Battle”: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. St. Petersburg, 2014. 29 p.
11. Kokorina I. V. *Osnovy matematicheskoi obrabotki informatsii v filologii: kombinatorika, teoriya veroyatnostei i matematicheskaya statistika* [Mathematical foundations of information processing in Philology: combinatorics, probability theory and mathematical statistics]. Arkhangel'sk, Northern (Arctic) Federal University Publ., 2014. 115 p.
12. Mukhin M. Yu. *Leksicheskaya statistika i idiosstil' avtora: korpusnoe ideograficheskoe issledovanie (na materiale proizvedenii M. Bulgakova, V. Nabokova, A. Platonova i M. Sholokhova): avtoref. dis. dok. filol. nauk* [Lexical statistics and author's idiostyle: corpus ideographic research (based on the works of M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov and M. Sholokhov): abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Ekaterinburg, 2010. 43 p.
13. Potsepnyia D. M. *Obraz mira v slove pisatelya* [The image of the world in the writer's word] SPb., Saint-Petersburg State University Publ., 1997. pp. 5.
14. Shcherba L. V. [Experiments of linguistic interpretation of poems. II. “Pine” by Lermontov in comparison with its German prototype]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, State educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. pp. 97.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карелова Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов; e-mail: masha_ermakova@mail.ru.

Григорьева Лидия Михайловна – магистр лингвистики кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: lidia.grigoreval@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mariya A. Karelova – PhD in Philological Sciences, assistant lecturer at the Department of Russian Language and its Teaching Methods, People's friendship University of Russia;
e-mail: mashaermakova@mail.ru.

Lidiya M. Grigoreva – Master of Linguistics at the Department of Russian language, St. Petersburg State University;
e-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карелова М. А., Григорьева Л. М. Статистический анализ при характеристике индивидуально-авторского словоупотребления (на материале поэтического наследия О. Э. Мандельштама) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 35–44.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-35-44

FOR CITATION

Karelova M. A., Grigoreva L. M. Statistical analysis of the characteristics of the individual author's word use (on the material of O. Mandelstam's poems). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 35–44.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-35-44

УДК 81-11

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-45-51

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА И СТИЛЯ Н. С. ЛЕСКОВА В КИТАЕ

Цзян Юань

¹ *Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,
Российская Федерация*

² *Синьцзянский педагогический университет
830017, г. Урумчи, район Шуймогоу, улица Гуаньцзин, д. 100, Китайская народная
республика*

Аннотация. Статья посвящается анализу состояния лесковедения в Китае, что стимулировано современной геополитической обстановкой, развитием многосторонних взаимоотношений России и Китая, в том числе взаимодействием в области науки, интересом к русскому языкознанию. Автор отмечает, что известный русский писатель Н. С. Лесков – ценитель народной речи, самобытный талант, неординарная личность – в Китае пока ещё изучен недостаточно глубоко, хотя его тексты могут раскрыть перед заинтересованной аудиторией особенности русского характера, отражаемые образами персонажей, их речевыми партиями, выразительными словами. В статье представлены аспекты изучения, выявлены узкие места и возможные перспективы исследования китайскими учёными языка и стиля, художественного пространства произведений Лескова. Автором используются общенаучные методы наблюдения, анализа и синтеза. Сделан вывод о доминировании междисциплинарного подхода в китайском лесковедении, обозначен круг произведений, стиль и язык которых при адекватном переводе послужат обогащению читательской аудитории знаниями об отражаемой словами, фразеологизмами русской картине мира в её исторически обусловленной эволюции.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, язык, стиль, лесковедение в Китае.

ON THE STUDY OF N. S. LESKOV'S LANGUAGE AND STYLE IN CHINA

Jiang Yuan

¹ *Moscow Region State University
24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

² *Xinjiang Normal University
100 Guanjin Road, Urumqi 830017, Shuimogou District, Peoples Republic of China*

Abstract. The article is devoted to the analysis of state of Leskov's study in China. This is stimulated by the current geopolitical situation, the development of multilateral relations between Russia and China, including cooperation in the field of science, interest in Russian linguistics. The author notes that the famous Russian writer N. Leskov – a connoisseur of folk speech, original talent, extraordinary personality – in China has not yet been studied deeply

enough, although his texts can reveal to the interested audience the features of the Russian character, reflected by the images of the characters, their speech parties, expressive words. The article presents aspects of the study, identified bottlenecks and possible prospects for the study by Chinese scientists of the language and style, the artistic space of Leskov's works. The author uses general scientific methods of observation, analysis and synthesis. The conclusion about the dominance of the multidisciplinary approach in Chinese Leskov's studies indicated range of works, style and language which, if properly translated, will help enrich the readership with knowledge of the recorded words, idioms, Russian picture of the world in its historically conditioned evolution.

Keywords: N. Leskov, language, style, Leskov's studies in China.

Введение. Об истории исследования Н. С. Лескова в Китае

Произведения Н. С. Лескова были переведены в Китае ещё в 20-е гг. прошлого века, но активного обращения издателей к текстам этого писателя тогда не произошло, поэтому наметился застой и в переводах. Самым первым произведением, вызвавшим интерес китайской читательской аудитории и исследователей, стал лесковский сказ «Левша», который представил Чжан Тесюань (张铁弦, журнал «Перевод» 《译文》 1956, № 3).

Лесковедение в Китае начинает складываться лишь в 80-е гг. XX в. [5; 7; 11; 12; 15; 29]. Появляются не только новые переводы произведений писателя, но и научные статьи, методология и проблематика которых отражают складывающиеся направления исследования творчества и личности Лескова, способствуют его популяризации: «Разногласия между Толстым и Лесковым» (Ли Цзиси, 李纪慈, журнал «Русское искусство» 《苏联文学》 1981) [11], «Немного о Н. С. Лескове» (Чжан Хоучжень, 张洪榛 [25], журнал «Советская литература», 《苏联文学》 1981, № 4), «Сказ о Левше» и его художественные характеристики» (Ван Биншунь, 王炳训, жур-

нал «Русское искусство» 《俄罗斯文艺》 1989 [15]).

Писатель долго не был представлен в вузовских программах среди изучаемых представителей русской литературы, но по мере роста интереса и расширения круга исследований на него обратили внимание [например, 14]. Так, Цао Цзинхуа (曹靖华) представил Лескова в «Истории русской литературы» 《俄国文学史(第一卷)》 [6; 10] (Издательство «Народная литература», 1989). Позднее, в «Краткой истории русской литературы» 《俄罗斯文学简史》 [13] (Пекинский университет, 2006), написанной Жэном Гуаншуаном 任光宣, появилась специальная глава, посвящённая жизни и творчеству этого художника слова. В тот же период были опубликованы переводы романа «Соборяне» (Чэнь Юй, 陈馥, Издательство иностранной литературы, 1984) [7], «Сборник рассказов Лескова» (Чэнь Юй, 陈馥, Издательство иностранной литературы, 1985), «Левша» (Чжоу Минсян, 周敏显, Вэй Юаньшу, 魏原枢, Издательство Шанхайского перевода, 1987).

С 90-х гг. известно несколько статей, которые дают представление о Лескове-писателе. Выделим исследование дискуссионного характера

«Трагическая судьба Савелия», посвящённое хронике романа «Соборяне», которое выполнено Вэй Лин, 魏玲 (журнал Пекинского университета 《北京大学学报》, издание «Философия и общественные науки» 1991 [18]).

Аспекты

исследования Лескова в Китае

В XXI в. число исследовательских работ о Лескове в Китае значительно возросло, поэтому считаем возможным говорить о лесковедении в Китае как направлении научных разысканий. Можно выделить следующие аспекты анализа текстов и особенностей творчества этого яркого представителя русской художественной литературы XIX в.

Во-первых, исследования, посвящённые литературной судьбе и анализу произведений писателя: «Изменения престижа Лескова в литературном мире» Бай Ван Чан (白文昌) (2003); «О стилистических особенностях романа Лескова» (2007), «Лесков и российские национальные культурные традиции» Донг Чунчунь (董春春) (2012) [9]. В них подробно рассказывается о жизни Лескова, выделяются этапы его творчества, обсуждается вопрос о месте писателя в литературном процессе России, его статусе как выдающегося русского классического писателя XIX в. Не только китайские учёные, но и читатели начали принимать его как «мастера языка». Творчество писателя оценили потому, что он является самым близким по духу русским людям, и это в дальнейшем побудило людей, которые интересуются произведениями писателя, активно обращаться к изучению творчества и языка, стиля Лескова.

Во-вторых, китайские специалисты приступили к стилистическим исследованиям и анализу особенностей повествовательной манеры писателя: «Искусство сказовой формы повествования от первого лица в произведениях Лескова» Ян Юбо (杨玉波) (2004) [19–21], «Сказовая форма повествования – возникновение национализированного повествовательного стиля» Ван Шу Фу (王树福) (2010) [17]. Исследователи выяснили общность стиля произведений Лескова: «В таких произведениях со стилем сказа рассказчики часто передают историю через речь одного или нескольких персонажей, участников разговора, а в ходе повествования складывается мнение о героях, благодаря ответам на вопросы или рассуждениям персонажей...» [16; 22].

Специалисты отметили, что в произведениях Н. С. Лескова события переданы от первого лица рассказчика, а это народный, юмористический рассказчик, который доминирует над всей излагаемой историей. Естественный и интересный, яркий, самобытный язык рассказчика – ведущая повествовательная черта произведений, в то же время это основная проблема для их перевода, особенно потому, что повести и рассказы Лескова основаны на народной речи, простой и близкой к реальной жизни, и в ней много разных пословиц и поговорок: «...То, что мы видим в “Левше”, – это “легенда о народе”, которую мы слушаем, так как народные рассказчики поют о событиях и героях».

В-третьих, в ряде исследований представлена характеристика лесковских героев в известных произведениях. Так, о «Леди Макбет Мценского

уезда» написаны работы: «Трагический характер самоуничтожения Катерины» Хуан Янь (黄燕) (2009), «Последняя песня чёрного лебедя: феминистская интерпретация “Леди Макбет Мценского уезда”» Чэнь Цзе (陈洁) (2011) [8]. В последней находим: «Если большинство женщин в русской литературе 19-го века были тёплыми и верными и являются белыми лебедями, то героиня “Леди Макбет Мценского уезда” была горькой и беспомощной песней чёрного лебедя...» [15].

В-четвёртых, народный характер является поистине важной особенностью текстов Лескова. Поэтому исследователи в Китае стали обращаться к проблемам национальной культуры и религии, анализируя формирование, развитие и эволюцию русского национального характера [см.: 4]. В результате вскрываются противоречия народного характера, с которыми трудно смириться; на примерах главных героев, которых обрисовал писатель, анализируются причины их трагедии, освещаются мысли автора о судьбе отдельного человека и судьбе всей страны.

Самыми актуальными, как нам кажется, оказались междисциплинарные исследования, в которых учёные связывали Лескова с китайскими писателями и русскими художниками, чтобы провести сравнительный анализ, выявить степень актуальности проблематики, расширить академические горизонты и обогатить исследовательский уровень представления русской литературы в Китае. К таким исследованиям отнесём работу «Роман Лескова и иконопись Рублёва» Лю Лили (刘俐俐) (2014). Это означает, что исследования о Лескове имеют тенденцию к росту

в китайских академических кругах. В них получила современную оценку роль Лескова в истории русской литературы, важность его текстов как объектов лингвистики, конкретно – для нарратологии, утвердилось место этого классического писателя как ценного для мировой литературы.

Состояние и возможные перспективы лингвистической лесковианы в Китае

Хотя с начала XXI в. исследования языка и стиля Лескова постепенно перешли в Китае в академическую область, но внимание исследователей всё-таки осталось сосредоточенным на более известных текстах писателя, таких, как «Леди Макбет Мценского уезда», «Соборяне», «Левша». Возможно, так сложилось потому, что не был преодолен застой в переводе произведений Лескова, то есть в расширении круга текстов для знакомства аудитории и их дальнейшего исследования. Ранние произведения и вызывавшие споры после выхода их в свет романы «Некуда», «На ножах», рассказ «Овцебык», например, не были переведены. Это неизбежно повлекло за собой недопонимание общего контекста творчества писателя. Конечно, многое объясняется объективными причинами – трудным фоном времени.

Язык и стиль Лескова нуждаются в изучении, потому что интерес вызывает личность писателя, который сформировался в эпоху 60-х гг. XIX в. Это время в истории России необычайно значительное, насыщенное событиями первостепенной важности, прежде всего отменой крепостного права, с чем связано изменение национальной ментальности. Произведения

Лескова отражают мировидение автора – русского человека, исторические силы и национальную самобытность народа сквозь призму слова, играющего многочисленными смысловыми оттенками в речевых партиях персонажей, статьях и письмах писателя. Они представляют интерес и одновременно трудность для адекватного перевода, нуждаются в лингвистическом объяснении китайскими русистами.

Поэтому в Китае должны сложиться возможности для продвижения художественного наследия Лескова, что реализуется в случае успешного лингвистического комментирования текстов, представления оригинальных слов-образов, раскрытия смысла фразеологических оборотов [ср. 1–3], которые транслируют в текстах писателя народную мудрость, делают их выразительными и запоминающимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 704 с.
2. Головачева О. А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н. С. Лескова. М.: ИНФРА-М, 2018. 130 с.
3. Головачева О. А. Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н. С. Лескова «Русское общество в Париже» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 236–242.
4. Леденёва В. В. Слово Лескова. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 15–25.
5. 曾靖华主编. 俄国文学史(第一卷)【M】. 北京: 人民文学出版社, 1989.
6. 曹靖华主编. 俄苏文学史(第一卷)【M】. 郑州: 河南教育出版社, 1992.
7. 陈馥. 译后记. 载《大堂神父》【M】. 北京: 外国文学出版社, 1984.
8. 陈洁. 经典与个性——试论俄罗斯文化传统在列斯科夫作品中的体现【J】. 剑南文学, 2011, (9).
9. 董春春. 列斯科夫与俄罗斯民族文化传统——从列斯科夫笔下的“圣人题材”作品谈起【J】. 临沂大学学报, 2012, (5).
10. 高尔基. 俄国文学史【M】. 缪灵珠译. 上海: 上海译文出版社, 1979.
11. 李纪慈. 托尔斯泰和列斯科夫的误会【J】. 俄罗斯文艺, 1981, (4).
12. 列斯科夫. 大堂神父【M】. 陈馥译. 北京: 外国文学出版社, 1984.
13. 任光宣主编. 俄罗斯文学简史【M】. 北京: 北京大学出版社, 2009.
14. 汪隽. 列斯科夫的创作与民间文学【D】. 上海外国语大学, 2007.
15. 王炳训. 谈谈《左撇子》的艺术特色【J】. 苏联文学, 1989, (6).
16. 王树福. 尼·谢·列斯科夫【J】. 俄语学习, 2005, (1).
17. 王树福. 讲述体——一种民族化叙事体式的生成【J】. 外国文学, 2010, (5).
18. 魏玲. 萨维利的悲剧性的命运——略论列斯科夫的《大堂神父》【J】. 北京大学学报(哲学社会科学版), 1991, (4).
19. 杨玉波. 论列斯科夫小说中的第一人称叙事艺术【J】. 佳木斯大学社会科学学报, 2004, (1).
20. 杨玉波. 列斯科夫的民族悲剧思想及其悲剧性人物——从《姆岑斯克县的麦克白夫人》谈起【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2004, (4).
21. 杨玉波. 列斯科夫讲述体小说文体辨析【J】. 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2005, (2).
22. 杨玉波. 列斯科夫小说文体研究【D】. 上海师范大学, 2005.
23. 杨玉波. 列斯科夫小说创作综述【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2007(1).

24. 杨玉波. 论列斯科夫小说的文体特征【J】. 绥化学院学报, 2007, (6).
25. 于立得. 试析列斯科夫笔下的俄罗斯民族性格[DI]. 四川大学, 2005, (3).
26. 于立得. 从萨维利的多边性格看《大堂神父》边缘主题【J】. 作家, 2008, (2).
27. 于立得. 追求的执着, 抗争的无望——《大堂神父》人物解读【J】. 南方论刊, 2008(2).
28. 张芬. 俄罗斯精神世界的漫游者——列斯科夫及其语言【J】. 读书, 2010, (9).
29. 张洪榛. 列斯科夫【J】. 苏联文学, 1981, (7).

REFERENCES

1. Aleshina L. V. *Slovar' novoobrazovaniy N. S. Leskova* [Dictionary of neoplasms N.S. Leskov]. Moscow: Flint, Nauka Publ., 2017. 704 p.
2. Golovacheva O. A. *Okkazyonizmy – priznakovye slova v idiolekte N. S. Leskova* [Occasionalisms – indicative words in the N. S. Leskov's idiolect]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018. 130 p.
3. Golovacheva O. A. [Resistant units as idiostyle markers in the essay cycle of N. S. Leskov "Russian society in Paris"]. In: *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2016, no. 1 (27), pp. 236–242.
4. Ledenyova V. V. *Slovo Leskova* [The Word of Leskov] Moscow, MRSU Ed. office Publ., 2015. pp. 15–25.
5. 曾靖华主编. 俄国文学史(第一卷)【M】. 北京: 人民文学出版社, 1989.
6. 曹靖华主编. 俄苏文学史(第一卷)【M】. 郑州: 河南教育出版社, 1992.
7. 陈馥. 译后记. 载《大堂神父》【M】. 北京: 外国文学出版社, 1984.
8. 陈洁. 经典与个性——试论俄罗斯文化传统在列斯科夫作品中的体现【J】. 剑南文学, 2011, (9).
9. 董春春. 列斯科夫与俄罗斯民族文化传统——从列斯科夫笔下的“圣人题材”作品谈起【J】. 临沂大学学报, 2012, (5).
10. 高尔基. 俄国文学史【M】. 缪灵珠译. 上海: 上海译文出版社, 1979.
11. 李纪慈. 托尔斯泰和列斯科夫的误会【J】. 俄罗斯文艺, 1981, (4).
12. 列斯科夫. 大堂神父【M】. 陈馥译. 北京: 外国文学出版社, 1984.
13. 任光宣主编. 俄罗斯文学简史【M】. 北京: 北京大学出版社, 2009.
14. 汪隽. 列斯科夫的创作与民间文学[DI]. 上海外国语大学, 2007.
15. 王炳训. 谈谈《左撇子》的艺术特色【J】. 苏联文学, 1989, (6).
16. 王树福. 尼·谢·列斯科夫【J】. 俄语学习, 2005, (1).
17. 王树福. 讲述体——一种民族化叙事体式的生成[J]. 外国文学, 2010, (5).
18. 魏玲. 萨维利的悲剧性的命运——略论列斯科夫的《大堂神父》【J】. 北京大学学报(哲学社会科学版), 1991, (4).
19. 杨玉波. 论列斯科夫小说中的第一人称叙事艺术【J】. 佳木斯大学社会科学学报, 2004, (1).
20. 杨玉波. 列斯科夫的民族悲剧思想及其悲剧性人物——从《姆岑斯克县的麦克白夫人》谈起【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2004, (4).
21. 杨玉波. 列斯科夫讲述体小说文体辨析【J】. 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2005, (2).
22. 杨玉波. 列斯科夫小说文体研究【D】. 上海师范大学, 2005.
23. 杨玉波. 列斯科夫小说创作综述【J】. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2007(1).
24. 杨玉波. 论列斯科夫小说的文体特征【J】. 绥化学院学报, 2007, (6).
25. 于立得. 试析列斯科夫笔下的俄罗斯民族性格[DI]. 四川大学, 2005, (3).
26. 于立得. 从萨维利的多边性格看《大堂神父》边缘主题【J】. 作家, 2008, (2).

27. 于立得. 追求的执着, 抗争的无望——《大堂神父》人物解读【J】. 南方论刊, 2008(2).
28. 张芬. 俄罗斯精神世界的漫游者——列斯科夫及其语言【J】. 读书, 2010, (9).
29. 张洪榛. 列斯科夫【J】. 苏联文学, 1981, (7).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цзян Юань – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; преподаватель русского языка Синьцзянского педагогического университета;
e-mail: lenajiang1028@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jiang Yuan – postgraduate student at the Department of the Modern Russian Language, Moscow Region State University; Russian language teacher, Xinjiang Normal University;
e-mail: lenajiang1028@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Цзян Юань. Об изучении языка и стиля Н. С. Лескова в Китае // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 45–51.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-45-51

FOR CITATION

Jiang Yuan. On the study of N. Leskov's language and style in China. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 45–51.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-45-51

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-52-59

ЖАНР БАСНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЗОПА И А. КАНТЕМИРА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Куличева Е. В.

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Целью данной статьи является выявление сходства и различия басен Эзопа и А. Кантемира. На основе сопоставительного анализа автор пришёл к выводу о том, что произведения Эзопа и А. Кантемира схожи по теме, проблеме, сюжету, но различаются по форме изложения, мотивам, способам и средствам описания персонажей. Особо подчёркивается роль А. Кантемира в русской литературе. Он придал новое звучание известному басенному сюжету и одним из первых перенёс на русскую почву жанр басни, приблизив его к лучшим образцам античности, придав ему художественную форму, русский национальный характер. Статья адресована студентам филологических факультетов, филологам, занимающимся изучением русской литературы XVIII в. или античной литературы.

Ключевые слова: басня, символика, аллегория, сатира, ирония.

THE GENRE OF THE FABLE IN THE WORKS OF AESOP AND A. CANTEMIR: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

E. Kulicheva

Moscow, Russian Federation

Abstract. The aim of this article is to identify the similarities and differences between fables by Aesop and Cantemir. Based on comparative analysis, the author concluded that the works of Aesop and A. Cantemir are similar in theme, issue, storyline, but vary in presentation, explanations, on ways and means of describing the characters. The article emphasizes the role of A. Cantemir in the Russian literature. He gave new meaning to the famous fables story and was one of the first who transferred the fable genre to the Russian soil, bringing it closer to the best examples of classical antiquity, giving it an art form, the Russian national character. The article is addressed to students of Philological Faculty, scholars studying Russian literature of the 18th century or ancient literature.

Keywords: fable, symbolism, allegory, satire, irony.

© СС ВУ Куличева Е. В., 2019.

Жанр басни в русской литературе получил своё развитие в XVIII в., и связан он, прежде всего, с именем Антиоха Кантемира (драматурга, поэта, сатирика), первым из русских писателей обратившимся к этому жанру.

Басня – «один из способов познания житейских отношений, характера человека, ... всего, что относится к нравственной стороне жизни людей» [7, с. 59].

Басня – «одна из древнейших форм мышления и один из древнейших жанров словесного искусства» [3, с. 7].

Басня – «краткий стихотворный аллегорический рассказ с назидательным окончанием» [6, с. 62].

В. Г. Белинский выделял нравоучительную басню, которую считал скучным родом поэзии, предназначенным для детей, и басню-сатиру – прекрасную истинную поэзию¹. По его мнению, рассказ и цель – сущность басни, сатира и ирония – её главные качества.

В начале XVIII в. Россия пережила мощный общенациональный подъём. «Энергия разрушения, “расщепления” старых устоев превращалась в энергию созидания нового европейского государства; были разбужены дремавшие силы народа» [1]. Активно развивалась экономика, промышленность, торговля, росли города. Россия стала морской державой, получив выход к морю. Духовная культура приобрела светский характер. Расцвели науки, искусства. «Русские поэты полны заботой о просвещении отечества, ... и, начиная с А. Кантемира, сатирическим смехом поражают невежественную часть дворянства и духовенства» [1].

¹ Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 7. Статьи, рецензии, заметки (декабрь 1843–август 1845). М.: Художественная литература, 1981. С. 267–268.

В. Г. Белинский отмечал, что «с лёгкой руки Кантемира сатира внедрилась ... в нравы русской литературы и имела благотворное влияние на нравы русского общества»². В баснях поэт говорил «о живой действительности, исторически существовавшей»³.

В то же время критик указывал, что басни А. Кантемира интересны, лишь «как первые опыты в этом роде – не самого автора, а русского языка»⁴, сам же язык поэта, устаревший, тяжёлый, основанный на силлабической системе, труден для восприятия читателя.

Г. Р. Державин, наоборот, писал, что «старинный слог его (А. Кантемира) достоинств не умалит. Порок! Не подходи: сей взор тебя ужалит» [2, с. 12.].

А. Кантемир создал 6 басен, написанных в духе подражания Эзопу, жившему в Древней Греции в VI в. до н. э. Именно в это время и зародилась басня как самостоятельный жанр устной народной литературы. Возникновение басни в VI в. до н. э. не случайно, как отметил М. Л. Гаспаров. В это время происходила ожесточённая общественная борьба в Древней Греции – аристократии и демоса, борьба старого и нового укладов, нашедшая отражение во всех сферах жизни человека: политике, экономике, религии, философии, литературе. Басня стала оружием угнетённого народа, имевшего возможность

² Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 6. Статьи о Державине. Статьи о Пушкине. Незаконченные работы. М.: Художественная литература, 1981. С. 92.

³ Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 7. Статьи, рецензии, заметки (декабрь 1843–август 1845). М.: Художественная литература, 1981. С. 300.

⁴ Белинский В. Г. Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 7. Статьи, рецензии, заметки (декабрь 1843–август 1845). М.: Художественная литература, 1981. С. 297.

в иносказательной форме выразить своё недовольство господством аристократии. Образ Эзопа был вызовом «аристократическим представлениям об идеале человека: он раб, но мудрее свободных, он безобразен, но выше красивцев» [3, с. 18].

И для Эзопа, и для А. Кантемира басня – это средство борьбы с несправедливостью, и расцвет её приходится на переломные периоды истории [9].

Согласно классификации М. Л. Гаспарова, существуют две группы басен – долитературные и литературные [3, с. 17]. К устной (долитературной) форме бытования относятся басни Эзопа, к литературной – А. Кантемира.

Басни Эзопа написаны простым языком без заботы о стиле в прозаической форме. Они однозначны, аллегоричны, являются средством для внешнехудожественной цели. Автор – вымышленное лицо (достоверных сведений о реальном существовании Эзопа не существует). Повод к произнесению устной басни всегда конкретный, определённый (реакция на общественно-политические события). Как правило, звучит один мотив.

Басни А. Кантемира – это «художественные обработки традиционных сюжетов, выполненные с отчётливым пониманием эстетических задач, с заботой и о языке, и о композиции, и о стиле» в поэтической форме [3, с. 3]. Они – многозначны, символичны, имеют замкнутую художественную структуру, не подлежат произвольным переработкам, включены в сборник басен. В них представлено подробное развитие нескольких разных мотивов.

Действующие лица басни, как правило, животные, что указывает, по мнению М. Л. Гаспарова, на обоб-

щённость басенного повествования. Изображение животных в баснях связано с религиозным сознанием человека: человеческие характеры и отношения переносились сначала на мир животных, позже – на мир богов [3, с. 9]. Люди в баснях изображались схематично.

А. А. Потемня отмечал, что образ в басне – это готовое понятие, автору не надо давать подробную характеристику лицу, достаточно лишь использовать то или иное понятие (хитрость – лиса, жадность – волк, упрямство, глупость – осёл).

Так, в баснях Эзопа действующими лицами являются животные, боги, люди, предметы («Прометей и Люди», «Крестьянин и его Сыновья», «Черепашка и Заяц», «Две сумы»). Они олицетворяют пороки и подчёркивают аллегорический характер произведения (две сумы – свои и чужие пороки; люди имеют человеческий облик, но ведут себя как звери; черепаха – медлительность, заяц – быстрота).

В баснях А. Кантемира изображены животные и предметы («Огонь и восковой болван», «Городская и полевая мышь»), однако его басни носят не только аллегорический характер, но и символический. Например, «Огонь и восковой болван». Огонь – символ творчества (с помощью огня был создан болванчик) и гибели («расползлося тело / Болванчика»¹).

Исследователь И. И. Даниленко отметила, что «яркая установка басни на потенциального собеседника –

¹ Кантемир А. Д. Огонь и восковой болван // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

следствие таких её жанровых качеств, как дидактичность и сатирическая направленность» [4, с. 14]. Басни А. Кантемира и Эзопа адресованы реальному, но предельно обобщённому объекту осмеяния: «Славолюбцы! вас поют, о вас басни дело...» (А. Кантемир «Верблюд и Лисица»¹) – «Так многие, заглядываясь в жадности на чужое добро, не замечают, как теряют своё собственное» (Эзоп «Верблюд и Зевс»²); «Таков воевода / Годен к безопасности целого народа» (А. Кантемир «Ястреб, Павлин и Сова»³) – «О том, что не красота, а сила должна украшать правителей» (Эзоп «Павлин и Галка»⁴).

Для басен А. Кантемира и Эзопа характерен образ «фабулиста-рассказчика», который использует слово в басенном рассказе как средство повествования, а в морали – как средство оценки [4, с. 18]. Авторская позиция в баснях А. Кантемира выражена в начале басни («Чиж и Снегирь») или во второй её части («Пчелиная матка и Змея») – в морали, также она звучит в диалогах героев «за счёт самораскрытия персонажей в ходе их общения и внушения читателю того или иного чувства по отношению к себе»

[4, с. 18]. У Эзопа авторская позиция даётся всегда в конце басни («Бедняк», «Бесхвостая лисица», «Гермес»).

Даниленко И. И. указала, что в баснях с диалогом и моралью между автором и персонажами устанавливаются диалогические отношения, так как «их позиции открыто дистанцируются» [4, с. 19]. Так, у А. Кантемира в басне «Верблюд и Лисица» автор и герой – выразители разных взглядов на мир: «Сколь теми (рогами) бы возросла ещё моя слава!» (Верблюд) – «Славолюбцы! Кто древо, как говорят, не по себе рубит, Тот, большого не достав, малое погубит» (автор)⁵.

Однако в баснях А. Кантемира, думается, диалогический характер отношений сохраняется и тогда, когда позиция автора совпадает с позицией героя: «Изрядно ж бог в образ мя царям хотел дати, / Чтоб, будучи добрыми, как злым быть, не знати» (Пчелиная матка). – «Злы советы травящим под небом народы / Бегать должно и добрым – не злым быть с природы» (автор)⁶.

Диалогичность присутствует и в баснях Эзопа – позиция персонажа схожа с авторской: «А если ты будешь царём и на нас нападёт орёл, то как ты нас спасёшь?» (Галка) – «О том, что не красота, а сила должна украшать правителей» (автор) («Павлин и Галка»⁷).

¹ Кантемир А. Д. Верблюд и Лисица // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

² Эзоп. Верблюд и Зевс / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 139.

³ Кантемир А. Д. Ястреб, Павлин и Сова // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

⁴ Эзоп. Павлин и Галка / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 169.

⁵ Кантемир А. Д. Верблюд и Лисица // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

⁶ Кантемир А. Д. Пчелиная матка и Змея // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

⁷ Эзоп. Павлин и Галка / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 169.

Среди басен Эзопа и А. Кантемира следует выделить те, которые имеют схожий сюжет: А. Кантемир «Ястреб, Павлин и Сова» – Эзоп «Павлин и Галка», А. Кантемир «Чиж и Снегирь» – Эзоп «Чиж», А. Кантемир «Верблюд и Лисица» – Эзоп «Верблюд и Зевс». Сам А. Кантемир признавался, что его басни написаны в духе подражания Эзопу.

В. А. Жуковский в статье «О басне и баснях Крылова» писал, что подражатель-баснописец «может быть автором оригинальным» [5, с. 318], творцом, поскольку творит «в подражании своём красоты, отвечающие тем, которые он находит в подлиннике» [5, с. 319].

«Переводчик в стихах – соперник» автора оригинального текста [5, с. 318]. Он подражает, стремясь сравниться с поэтом-оригиналом в превосходстве «представления одинакой роли», используя собственные приёмы [5, с. 318].

В «Словаре древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова (1821) говорится, что подражать – значит взять мысль другого художника и «представить её с вольностью, по-своему». Иными словами, подражать означает не пассивно усваивать, не ученически копировать чужую манеру, а всегда творчески перерабатывать чужое в духе новой «художественной концепции». Перерабатывать, подчиняя заимствованное своей собственной индивидуальности, – как это и делают с «заимствованным» из живой жизни.

В басне «Верблюд и Лисица» А. Кантемира рассказывается о верблюде, который, позавидовав козлам, захотел иметь рога, как у них, чтобы слава его возросла среди зверей. Он настолько был одержим этой идеей,

что доверился лукавой лисице, «подробно всё ей изъяснил, как другу»¹. Лисица посулила «ревностную услугу»², предложив верблюду засунуть голову в нору около дороги, тогда сразу появятся у него рога. Верблюд побежал в лес к норе, всунул в неё голову, а там оказался хищный лев, который оставил верблюда без ушей. Басня адресована тем, кто стремится к славе, почестям, не соизмеряя свои силы и возможности, преувеличивая их, желая показать своё превосходство над другими. Подобное поведение приведёт к потере того, что уже имеет человек.

Созвучна басне А. Кантемира басня Эзопа «Верблюд и Зевс». Верблюд увидел, как бык хвастается рогами. Верблуду стало завидно, что у него нет таких рогов. Он отправился к Зевсу с просьбой дать ему рога. Разгневался Зевс тому, что верблюду мало его силы и роста, что он хочет большего, и «уши ему обкорнал»³. Мораль басни – те, кто заглядывается на чужое, теряют и своё.

По тематике и проблематике басни схожи, но в них действуют разные герои. А. А. Потебня указывал на вечный характер басен, поскольку «составные части её образов настолько освобождены от всякой случайности и настолько связаны между собою, что с трудом поддаются изменениям». Однако, «если одно из действующих явлений становится непонятным, вследствие того что в самой жизни ис-

¹ Кантемир А. Д. Верблюд и Лисица // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

² Там же.

³ Эзоп. Верблюд и Зевс / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. С. 139.

чезает соответственное явление ... , то является возможность подстановки, перемены этого лица» [7, с. 70].

Так, у А. Кантемира вместо древнегреческого бога неба, грома и молнии Зевса изображён лев, образ которого знаком и понятен русскому читателю. Следовательно, можно говорить о переложении А. Кантемиром басни Эзопа на русскую национальную почву.

Одним из основных свойств басни, по мнению А. А. Потемби, является наличие в ней иносказательных образов животных, однако не должно быть их детального описания и характеристик.

У А. Кантемира же встречаем подобные характеристики: Верблюд «Завистью тотчас вспылал. Смутен, беспокоен», «ворчал»; Лисица «лукава», «остра, примечает / В нём печаль», «сулит ревностну услугу», «Лестный был ея совет»; Лев «хищный» «рад добыче», «уцепился»¹.

В басне Эзопа таких характеристик не находим, что свидетельствует о расширении границ поэтического произведения А. Кантемира.

В басне А. Кантемира главные герои – животные, им даётся характеристика – всё это сближает басню с русской народной сказкой: Лисица олицетворяет хитрость, лукавство, Лев – силу. В русских народных сказках он царь зверей, и именно с царём решил соперничать глупый Верблюд, за что и был наказан.

В иносказательной форме в басне представлен хищный, цепкий правитель и его подданные – лстивые, под-

лые, глупые, стремящиеся к власти, славе и богатству придворные, готовые свергнуть правителя ради собственного тщеславия.

У Эзопа же дан образ могучего, грозного правителя, проучившего своего подданного за неумеренность, неумение довольствоваться тем, что имеет.

Используя один сюжет, но разные способы повествования, А. Кантемир и Эзоп выразили своё отношение к действительности.

Басня А. Кантемира «Верблюд и Лисица» была написана в 1730 г. В ней присутствует намёк на попытку членов Верховного тайного совета во главе с Долгорукими установить после смерти Петра II новое правление в России, ограничить самодержавие при вступлении на престол Анны Иоанновны. Их замысел не увенчался успехом. В феврале 1730 г. была восстановлена самодержавная власть Анны Иоанновны при активном участии А. Кантемира, В. Н. Татищева, Феофана Прокоповича.

Басни А. Кантемира и Эзопа – это отклик на исторические события, происходившие в России в XVIII в. и в Древней Греции в VI в. до н. э. В иносказательной форме баснописцы высвечивали «тёмные» стороны современной им действительности.

Их произведения схожи по теме, проблеме, сюжету, в них действуют почти одни и те же герои, присутствует образ «фабулиста-рассказчика» даётся авторская оценка происходящему, между автором и героем установлены диалогические отношения, однако басни имеют и отличия по форме изложения (у Эзопа – проза, долитературная форма, устная; у А. Кантемира – стихи, литературная), по мотивам (у

¹ Кантемир А. Д. Верблюд и Лисица // Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956 [Электронный ресурс]. URL: http://www.azlib.ru/k/kantemir_a_d/text_0020.shtml (дата обращения: 27.01.2019).

А. Кантемира в баснях присутствует несколько мотивов, у Эзопа – один), по способам и средствам описания персонажей (у А. Кантемира даётся подробная характеристика героев с помощью художественных средств языка). Басни Эзопа аллегоричны, А. Кантемира – аллегоричны и символичны. В баснях А. Кантемира авторская позиция звучит отчётливее, сильнее, чем в баснях Эзопа (в начале, в конце басни, в диалогах героев). Эзоп (вымышленное лицо) – автор первичного текста, А. Кантемир (реальное историческое

лицо) – автор вторичного текста, однако заслуга его заключается в том, что он сумел придать новое звучание известному басенному сюжету, перенёс на русскую почву жанр басни, приблизив его к лучшим образцам античности, придав ему художественную форму, русский национальный характер.

Не случайно Р. И. Сементковский отметил, что А. Кантемир – родоначальник нового вида поэтического творчества и эзопова языка. Он проложил путь И. И. Хемницеру, А. Е. Измайлову, И. А. Крылову [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка // Русская поэзия XVIII века. М.: Детская литература, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-sbornik/88323-russkaya-poeziya-xviii-veka-sbornik.html> (дата обращения: 27.01.2019).
2. Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/veselitsky_kantemir_i_razvitie_russkogo_literaturnogo_yazyka_1974_text.pdf (дата обращения: 27.01.2019).
3. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня (Федр и Бабрий). М.: Наука, 1971. 280 с.
4. Даниленко И. И. Диалог в эпиграмме и басне XVIII – первой половины XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 1995. 28 с.
5. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова // Якушин Н. И., Овчинникова Л. В. Русская литературная критика XVIII – начала XX века: учеб. пособие и хрестоматия. М.: Камерон, 2005. 816 с.
6. Основы литературоведения: учебное пособие для студентов педагогических вузов / В. П. Мещеряков, А. С. Козлов и др.; под общ. ред. В. П. Мещерякова. М.: Дрофа, 2003. 416 с.
7. Потёбня А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. // Муратов А. Б. Теоретическая поэтика А. А. Потёбни [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petsu.ru/filolog/lit/potebnia.pdf> (дата обращения: 27.01.2019).
8. Сементковский Р. И. Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность // Электронная библиотека ЛитМир. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=114032&p=1> (дата обращения: 25.08.2018).
9. Филимонова П. В. Особенности жанра басни в поэтической системе М. Н. Муравьева (1757–1807) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2014. № 2 (126). С. 119–121.

REFERENCES

1. [Antiochus Cantemir and the development of the Russian literary language]. In: *Russkaya poeziya XVIII veka* [Russian poetry of the 18th century]. Available at: <https://iknigi.net/avtor-sbornik/88323-russkaya-poeziya-xviii-veka-sbornik.html> (accessed: 27.01.2019).

2. Veselitskii V. V. *Antiokh Kantemir i razvitie russkogo literaturnogo yazyka* [Antiochus Cantemir and development of the Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. Available at: https://imwerden.de/pdf/veselitsky_kantemir_i_razvitie_russkogo_literaturnogo_yazyka_1974_text.pdf (accessed: 27.01.2019).
3. Gasparov M. L. *Antichnaya literaturnaya basnya (Fedr i Babrii)* [The ancient literary fable (Phaedrus and Babrii)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 280 p.
4. Danilenko I. I. *Dialog v epigramme i basne XVIII–pervoi poloviny XIX veka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The dialogue in the epigram and fable in 18th – first half of 19th century: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Almaty, 1995. 28 p.
5. Zhukovskii V. A. [On fable and Krylov's fables]. In: Yakushin N. I., Ovchinnikova L. V. *Russkaya literaturnaya kritika XVIII–nachala XX veka* [Russian literary criticism of the 18th – the beginning of the 20th century]. Moscow, Kameron Publ., 2005. 816 p.
6. Meshcheryakov V. P., ed. *Osnovy literaturovedeniya* [Fundamentals of Literary Studies]. Moscow, Drofa Publ., 2003. 416 p.
7. Potebnya A. A. [From lectures on the theory of literature. Fable. Proverb. Saying.]. In: Muratov A. B. *Teoreticheskaya poetika A. A. Potebni* [Theoretical poetics of A. Potebnya]. Available at: <http://philolog.petrso.ru/filolog/lit/potebni.pdf> (accessed: 27.01.2019).
8. Sementkovskii R. I. [Antiochus Cantemir. His life and literary activities]. In: *Elektronnaya biblioteka LitMir* [Electronic library LitMir.]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=114032&p=1> (accessed: 25.08.2018).
9. Filimonova P. V. [Special features of fable genre in M. Muraviev's poetic system (1757–1807)]. In: *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Series "Society. History. Modernity"], 2014, no. 2 (126), pp. 119–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;

e-mail: Evgeniyao_86@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva – PhD in Philological Sciences, an independent researcher;

e-mail: Evgeniyao_86@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Жанр басни в творчестве Эзопа и А. Кантемира: сходство и различие // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 52–59.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-52-59

FOR CITATION

Kulicheva E. V. The genre of the fable in the works of Aesop and A. Cantemir: similarities and differences. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 52–59.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-52-59

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70

ОБРАЗЫ ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ САТИРЫ ДОН-АМИНАДО

Сорокина Г. А.*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
123001, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых малоисследованных аспектов многогранного творчества Дон-Аминадо, сатирика, поэта и прозаика, одного из наиболее популярных авторов литературы русского зарубежья. Автор данной статьи опирался на сравнительно-исторический и типологический методы. В работе основное внимание сосредоточено на анализе восточных образов в произведениях Дон-Аминадо. Эти образы рассматриваются в связи с различными философскими, литературными и общественно-политическими идеями того времени, включая идеи евразийства, что определяет актуальность данной работы.

Ключевые слова: Дон-Аминадо, литература русского зарубежья, сатира, Восток, евразийство.

ORIENTAL IMAGES IN THE CONTEXT OF SATIRE BY DON-AMINADO

G. Sorokina*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya Kudrinskaya ul., Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the research of some unexplored aspects of versatile work of Don-Aminado, the satirist, the poet and the prosaic writer, one of the most popular author of Russian Émigré Literature. The author of the article utilized the comparative-historical and typological methods. The article concentrates on the analyzing of oriental images in Don-Aminado's works. These images are considered in the connection with different philosophical, literary and sociopolitical ideas of that time, including Eurasian ideas, that defines the relevance of the article.

Keywords: Don-Aminado, Russian Émigré Literature, satire, Orient, Eurazianism.

Одним из значимых писателей русского зарубежья был сатирик, фельетонист, поэт, прозаик, мемуарист Дон-Аминадо. Его творчество следует рассматривать в контексте широкой проблематики изучения культуры и литературы русского зарубежья, что, с точки зрения автора данной статьи, предполагает использование сравни-

тельно-исторического и типологического методов.

Аминад Петрович (Аминадав Пейсахович) Шполянский (1888–1957), родился в Елисаветграде Херсонской губернии. Окончил юридический факультет Киевского университета Святого Владимира. В университете изучил несколько языков: древнегреческий, ла-

тинский, французский, немецкий, английский, итальянский. Украинский был для него родным, как и русский. После окончания университета работал в Москве присяжным поверенным, печатался в различных газетах и журналах Москвы, Одессы, в том числе и в «Сатириконе». Во время первой мировой войны он был солдатом, участвовал в боевых действиях, был ранен. Видение этих событий он выразил в патриотическом поэтическом сборнике «Песни войны» (1914) [см.: 2, с. 3–38].

Свои произведения писатель подписывал разными псевдонимами: Кривой Джимми, Аминадо, Гидальго и Дон-Аминадо, который стал его основным. В последние годы он подписывался как Д. Аминадо. Литературные игры, характерные для того времени в писательской и журналистской среде, интерес к испанскому колориту (недаром среди его многочисленных псевдонимов был Гидальго) и небольшая переделка настоящего имени превращала юного поэта Шполянского в ироничного, смешного гранда-певца Дон-Аминадо¹ [см.: 2, с. 5].

В 1920 г. из Одессы на корабле он прибыл в Константинополь, а оттуда перебрался в Париж. В эмиграции Дон-Аминадо занимался литературным трудом и обрёл славу крупнейшего сатирика, наряду с такими уже известными авторами, как А. Аверченко и Н. Тэффи.

Историк и литературовед русского зарубежья Д. П. Святополк-Мирский в 1929 г. писал о нём: «Он стоит выше партийных и классовых перегородок

и объединяет все зарубежье на одной, всем приемлемой платформе всеобщего и равного обывательства»².

Первое поколение русских эмигрантов было воспитано культурой конца XIX–начала XX столетия. Все представления, связанные со сложным и противоречивым понятием «конца века», были присущи их сознанию. На содержание хронотима “fin de siècle” огромное влияние оказали первая мировая война [11], революции и гражданская война в России, что в огромной степени определило мироощущение представителей русского зарубежья. Всем своим творчеством Дон-Аминадо выражал это мироощущение и откликался на актуальные события и явления литературной и общественно-политической жизни.

Талантливый поэт и публицист Дон-Аминадо многие произведения писал с позиции простого, так называемого «маленького человека», ведь именно такому человеку присущ, прежде всего, здравый смысл в противовес ложной пафосности, выпренности, утопизму и фальшивому глубокомыслию. В своём творчестве он запечатлел разные ситуации, события и картины жизни русской эмиграции, и порой бывал сатирически беспощаден в своих оценках. Об этом, обращаясь к Дон-Аминадо, писала Марина Цветаева: «Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию. ... Вся Ваша поэзия – самосуд эмиграции над самой собой» [6, с. 212–213].

Строгий и требовательный критик И. Бунин также дал высокую оценку

¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей в 4 тт. Т. IV. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 532.

² Святополк-Мирский Д. П. Заметки об эмигрантской литературе // Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб.: Алетейя, 2002. С. 148–150.

его творчеству, отметив, что «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно в стихах), и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту, – художественному, а не только газетному, злободневному»¹.

Материалом для сатирических произведений Дон-Аминадо была не только жизнь русской эмиграции, но и Советской России. Об этом он писал: «Я чтением советских газет занимаюсь» («Оскомина», 1930).

В 1920-х гг. излюбленным жанром писателя стал стихотворный фельетон, где Дон-Аминадо, как отмечает современный исследователь его творчества литературовед Г. А. Митин, был достаточно добр и снисходителен по отношению к своим парижско-русским «обывателям» [5, с. 176], но по отношению к политическим противникам – предельно беспощаден и резок. Таким противником для него является, прежде всего, советская власть и правящая советская элита. В творчестве Дон-Аминадо неоднократно возникает сатирический образ Ленина. Создавая этот образ, поэт порой прибегает к подчёркнуто грубой, сниженной лексике. Так в стихотворении «Припадочные»² (1926) он пишет:

*Не ваш ли чудотворствовавший
Будда,*

*Кривой, эпилептический Тарзан
Творил почти неслыханное чудо
От имени рабочих и крестьян?
Не он ли над толпою разверзлся,*

¹ Бунин И. А. Дон-Аминадо // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 тт. Т. 9. М.: Художественная литература, 1988. С. 467–468.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 198.

*Как древле огнедышащая хлябь,
И добрым своим смехом заливался!
Товарищи! Награбленное грабь...*

Соположение образа Будды с образом Тарзана превращает Будду в чужое экзотическое божество, в идола, которому весьма карикатурно уподоблен Ленин. В этом политическом фельетоне Дон-Аминадо использует своеобразные «слова-заклинания», «слова-метки», которые по определению М. Эпштейна, «совершают магический акт возвышения или снижения, приказывают ему [явлению. – Г. С.] быть» в тексте произведения [12, с. 258]. Такими «словами-заклинаниям» являются имя Будды и имя Ленина. Здесь происходит снижение как образа Будды, так и личности советского вождя, но мишенью здесь является именно Ленин. Автор использует сравнение Ленина с Буддой, так как Будда для него идол, образ и символ далёкой, чужой религии и культуры. Именно в идола, по мысли Дон-Аминадо, превратился советский вождь после смерти. Читая советскую прессу, поэт-сатирик наблюдал этот процесс «кумиризации». В то же время следует отметить, что обращение к образу Будды в этом стихотворении достаточно случайно: автор хотел создать представление о некоем величественном, неподвижном, мощном божестве, каковым и был Будда в глазах западного общества.

Его поэзия формирует образ героя, который, иронизируя над устоявшимися клише, обывательскими представлениями, даёт оценку самым различным литературным и общественным явлениям. Об одном из аспектов этой проблемы пишет литературовед Н. А. Литвиненко [см.: 3].

В пестроте и многообразии идей, тем и образов, к которым обращался

Дон-Аминадо, важное место занимал так называемый «восточный пласт». Идеи Востока были достаточно значимы в жизни русского зарубежья. Эмигрантское сообщество было вовлечено в многочисленные споры, дебаты и дискуссии, в том числе о прошлом, настоящем и будущем России, эмиграции, её культуре и литературе.

Философские и политические проблемы не заслоняли бытовых. «Эмигрантский быт был темой неисчерпаемой», – писал Дон-Аминадо¹. По поводу парижской жизни он иронизировал: «Не всё было весело в русском городке, через который протекала Сена. Но смешного, чудовищно-нелепого было немало»². Одним из таких «чудовищно нелепых» явлений, которое вызвало к жизни его стихотворный фельетон «В дни Мессии» (1926), было, в частности, примитивизированное, обывательски-экзальтированное восприятие идей Востока эмигрантской общественностью. Персонажами фельетона «В дни Мессии» он сделал своих современников, ставших поистине культовыми фигурами на Западе, – Анни Безант и Джидду Кришнамурти – и причудливо соединил эти две личности, сделав их символом и воплощением восточных учений. В качестве эпиграфа к фельетону Дон-Аминадо сочинил некий текст, который носит пародийный характер и сразу же определяет как позицию автора, так и тональ-

ность его сатиры: «Анни Безант заявляет, что приход Мессии в лице индуса Кришнамурти повлечёт за собой новое распределение материков, морей и племён. Из газет»³. Этот эпиграф следует, по-видимому, воспринимать как квинтэссенцию самых разнообразных публикаций, включая и такой источник, как бульварная пресса.

В наше время, почти через сто лет после публикации фельетона, когда утратилась актуальность событий и явлений, ставших его основой, для правильного истолкования его смысла необходимо совершить краткий исторический экскурс, поскольку Дон-Аминадо писал о ныне полузабытых кумирах того времени Анни Безант и Джидду Кришнамурти, оказавших заметное влияние на общественную и духовную жизнь Запада.

Анни Безант (1847–1933) – последовательница Е. П. Блаватской, которая была основателем теософского учения и через Теософское общество проводником идей восточных религиозно-философских учений на Западе. Как ученица Блаватской, она продолжила разработку теософского учения, в рамках которого были объединены некоторые положения буддизма и других восточных учений с элементами оккультизма и христианства.

После смерти Блаватской Безант стала главой Теософского общества. Она автор многочисленных работ по теософии, эзотерике и оккультизму. В теософии большое место занимает идея так называемой «божественной магии», с помощью которой, как ут-

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 672.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 672.

³ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 183.

верждалось, можно достичь власти над миром. Магия предполагает использование особых методов манипуляционной, утилитарно-прикладной направленности и методов сакральных практик с целью воздействия на предметы и явления объективного мира [см.: 1, с. 127; 7, с. 404]. Именно это и стало объектом сатиры Дон-Аминадо.

Джидду Кришнамурти (1895–1986) – представитель одного из новых религиозных движений, являющихся формой индуизма, став учеником А. Безант, он продолжил, таким образом, теософскую традицию. Безант объявила его «новым спасителем» человечества.

Текст фельетона – цепь остроумных нелепостей и парадоксов, суть которых состоит в том, чтобы продемонстрировать так называемую «духовную силу и мощь» восточных магов и учителей:

*«Разве ты ещё не слышишь
Приближение циклона,
Нарушение всех законов
Галилея и Ньютона?!
В эскимосской жалкой юрте
Видишь пламенные розы?!»
Верю, верю, Кришнамурти,
Я во все метаморфозы!..
<...>*

*Если ж страсть к перемещеньям
Столь сильна в душе индуусской,
То займися на досуге...
Эмиграцию русской!
Ибо, если ты Мессия,
Ты же должен сделать чудо:
Им – Париж, а нам – Россия,
Нас – туда, а их – оттуда!..¹*

Кришнамурти как персонаж фельетона объявляется Мессией, призванным изменить мир, «переместить» народы и государства во имя великого совершенства. При этом важно отметить, что вся ирония Дон-Аминадо направлена отнюдь не на Кришнамурти и Безант, он не занимается так называемым «разоблачением» их идей и учений. Вся сила и энергия автора устремлена против невежественного восприятия восточных религиозно-философских учений и наивной веры в их магические возможности: «Ибо, если ты Мессия, ты же должен сделать чудо!» По мысли Дон-Аминадо, все чудеса такого рода замешаны на шарлатанстве и фокусах. Он предельно утрирует и доводит до абсурда то, что входит в массовые представления, связанные с так называемой «магией Востока».

Восточные религиозно-философские учения (и это было веянием времени) оказали большое влияние на литературу и культуру русского зарубежья. Однако среди русских эмигрантов существовали качественно различные уровни и аспекты этого восприятия: от авторского философского осмысления и творческой художественной переработки идей, образов и символов Востока до невежественного, упрощённого, сниженного до уровня сенсационности, когда «восточное» становилось синонимом всего чудотворного и магического.

Будучи крещёным католиком, Дон-Аминадо, был, по сути дела, вольнодумцем по отношению к религии, представителем секуляризованного общества. Он легко и иронично играет образами и символами разных религий:

*Но, сын растерзанной России,
Не верю я, Аллах, прости!*

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 184.

*Ни Магомету, ни Мессии
Ни Клод Фареру, ни Лоти*
(Константинополь, 1920)¹

Эти строки нельзя воспринимать в отрыве от культурных и литературных реалий того времени. Автор использует приём снижения великих образов, в результате чего они как бы уравниваются в статусе с французскими писателями – современниками, которые во многом воспринимались обществом в роли неких пророков, открывших читателям культуру стран Дальнего Востока.

Клод Фарер, правильно – Фаррер, (1876–1957), как офицер военно-морского флота, посетил ряд стран Дальнего Востока. Высоко оценивая творчество Пьера Лоти (настоящее имя Жюльен Вио, 1850–1923), который также был морским офицером, Фаррер подхватил тему Востока, разработанную Лоти. Восточная экзотика их произведений позволила Дон-Аминадо создать единый смысловой ряд, связанный с Востоком и понятный всем читателям. Первой книгой Фаррера стал сборник новелл «Дым опиума» (1904). В 1905 г. он получил Гонкуровскую премию за роман «Цивилизованные» о жизни во французском Индокитае.

Пьер Лоти был одним из создателей той особой «экзотической» литературы, которая на новом историческом этапе привнесла в европейскую культуру представление о китайской поэзии, о китайских и японских реалиях, образе жизни различных слоёв населения Китая и Японии. Его произведения, среди которых наиболее популярны «Госпожа Хризантема»,

«Брак Лоти», «Последние дни Пекина», «Индия без англичан», дали мощный импульс развитию ориентализма в европейской литературе и культуре XIX столетия.

Благодаря творчеству этих талантливых писателей во французской литературе XIX века сформировался особый «восточный текст», ставший достоянием всего западного общества, в том числе и русского.

Иной аспект в интерпретации восточных идей отразился в евразийском движении. Это новое движение конституировалось в эмиграции в 1921 г., когда в Софии вышел первый евразийский сборник «Исход к Востоку». Его представители (Л. П. Карсавин, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, П. Д. Святополк-Мирский, буддист Э. Хара-Даван) следовали идее всеединства, в которую был включён и буддийский компонент.

По словам П. Н. Савицкого: «Евразийцы – это представители нового начала в мышлении и жизни. ... Имя их – “географического” происхождения. Дело в том, что в основном массиве земель Старого Света, где прежняя география различала два материка: “Европу” и “Азию”, – они стали различать третий – срединный материк – “Евразию”, – и от последнего обозначения получили своё имя» [8, с. 464].

Первым шагом на пути формирования евразийского движения стала публикация концептуальной работы философа-евразийца Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920). Квинтэссенция этой фундаментальной для всего евразийского движения работы выражена в письмах самого

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 60.

Трубецкого, написанных в то же время. В одном из них (к П. Н. Савицкому) он подчёркивал: «Евразийство не есть религиозное учение и не должно стремиться удовлетворять каких-то богоскаутелей и богоскаутельниц, ... евразийство должно быть применимо для всех народов Евразии, какую бы религию ни исповедовали. ... На этом могут объединиться и христиане, и мусульмане, и юдаисты, и буддисты, и шаманисты» [цит. по: 4, с. 166].

В письме к Р. О. Якобсону философ отмечал, что самое существенное в его книге «Европа и человечество» – это «понять, что все народы и культуры равноценны, что высших и низших нет, – вот все, что требует моя книга от читателя» [цит. по: 4, с. 76].

Достаточно быстро евразийские идеи захватили значительный круг русских эмигрантов, в разных городах Европы возникали евразийские кружки. В 1920-е гг. евразийство в русском зарубежье имело огромный успех. За десять лет вышло шесть фундаментальных сборников статей, были разработаны разнообразные программные документы в политической, идеологической, философской, религиозной, культурной областях, поскольку евразийцы претендовали в будущем на роль ведущей партии России. Россия при этом воспринималась ими как православно-исламо-буддийская страна.

Современные исследователи подчёркивают, что о евразийстве можно говорить как «о творческом синтезе духовных традиций культурно-исторических миров, соприкасающихся с Евразией благодаря его срединному, центральному положению» [4, с. 249]. При этом учёные отмечают существеннейшую черту этого мировоззрения:

«Не образуя стройной философской системы, евразийство, тем не менее объединило “особым мироощущением” единства Евразийского мира и его особенности» [4, с. 248] представителей самых разных политических направлений русского зарубежья.

Оценка значения евразийских идей в общественной и литературной жизни эмиграции нашла отражение в фундаментальной работе историка, литературоведа и литературного критика Г. П. Струве, который писал: «О прямом влиянии евразийства на зарубежную литературу говорить, может быть, и не приходится. Но нельзя отрицать ни его притягательности для многих, ни той роли, которую оно сыграло в формировании некоторых настроений в молодом поколении Зарубежья» [9, с. 47]. Притягательной стороной евразийства являлись, в том числе, восточные религиозно-философские идеи (среди них и буддийские), тем более что, как отмечает Струве, религиозная область провозглашалась «сферой абсолютной свободы» [9, с. 47].

Дон-Аминадо иронично называет евразийцев «парижскими скифами», отсылая читателя к блоковским строкам, которые, по словам поэта-эмигранта, обрамляют евразийскую прозу: «Летит, летит степная кобылица / И мнёт ковыль...»

Для него неприемлема позиция евразийцев в том, что «возврата к прошлому нет. И то, что совершено революцией – неизгладимо и неустранимо»¹. И совершенно утопична для него идея евразийцев, что «Россия наше-

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 676.

го времени вершит судьбы Европы и Азии. ... Евразия – узел изначально новой мировой культуры»¹. Он посвящает «парижским скифам» весьма «непочтительные стихи»:

*И скачет в мыле, пене и в безумьи
Князь Трубецкой.*

*И вот уже, развенчан, но державен,
К своей звезде*

*Стремится Лев Платонович Карсавин
Весь в борде...²*

Д. П. Святополк-Мирского Дон-Аминадо с присущей ему иронией называет «евразийским князем», но именно тот в статье «Заметки об эмигрантской литературе» (журнал «Евразия», 1929), как уже упоминалось, дал высокую оценку творчеству Дон-Аминадо, отметив, что он – «самый главный из прославившихся уже в эмиграции писателей, самый любимый, истинный властитель дум зарубежной Руси»³.

Дон-Аминадо зорко и внимательно наблюдал за жизнью русского зарубежья и откликался своими меткими строчками на события, явления и процессы, происходившие в эмигрантском сообществе. Он всегда и во всём был против иллюзорного величия. Об этом и рассказ «№ 4.711» (1926), в котором были затронуты многие стороны жизни эмиграции, в том числе и движение

евразийцев. «Как только весть об извлечении праха Тутанхамона докатилась до эмиграции, решено было немедленно устроить диспут под общим способным примирить наиболее противоположные течения лозунгом»⁴, где должны были выступить представители партий, начиная от пассивных анархистов до подписчиков «Марины Цветаевой плюс», среди них и «евразийцы среднего толка, евразийцы ниже среднего толка, евразийцы просто так (так наз. бестолковые)»⁵. Автор сатирически изображает многочисленные идейные споры и дискуссии в русской эмиграции, но интонация горестной иронии пронизывает весь рассказ.

Восточная тема прозвучала и в следующих строках Дон-Аминадо:

Под кокосом на веранде

Восседали махатма Ганди

И смотрел на океан.

Взор у Ганди был арийский,

Океан же был индийский,

Омывавший десять стран

[цит. по: 13, с. 50].

В этом подчёркнуто эклектическом и иронически сниженном тексте важны ключевые слова, отсылающие читателя к восточной проблематике: махатма Ганди, арийский, индийский. Дон-Аминадо отразил здесь, как огромный интерес западного общества к религиозно-философским учениям, возникшим в Древней Индии, так и интерес к общественно-политической деятельности махатмы Ганди. Затронул он и идеи

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 676.

² Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 677.

³ Святополк-Мирский Д. П. Заметки об эмигрантской литературе // Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб.: Алетей, 2002. С. 149–150.

⁴ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 349.

⁵ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 350.

евразийского движения: его представители обозначили огромный третий срединный материк, «омываемый индийским океаном», на котором сосуществуют различные культуры, включая древний арийский культурный пласт. Его обычный приём, ведущий к снижению пафосности любых заявлений и программ представителей русского зарубежья, проявился и в соединении программных евразийских идей с бытовым контекстом.

Можно согласиться с литературоведом В. И. Коровиным, который отметил, что «Дон-Аминадо стал непримиримым критиком романтического позёрства, интеллигентских чаяний и безудержного красноречия» [2, с. 25]. А именно это Дон-Аминадо усматривал в идеях и деятельности евразийцев. Он выразил своё негативное отношение к евразийству, полагая, что этому движению «история ... вынесет свой беспристрастный приговор», вложив в эти слова глубокий сарказм¹.

Для него евразийское движение представлялось, судя по всему, совершенно утопическим, откуда и происходила его ирония, комизм, сатира, сарказм как особая авторская форма репрезентации этих идей. Однако история определила иной вектор развития, наполнив идеи евразийства новыми смыслами.

¹ Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания. М.: Терра, 1994. С. 677.

Исторический опыт показал, что философско-политические идеи евразийства обладают реальной исторической перспективой. В настоящее время они получили дальнейшее развитие и воплощаются в политической теории и практике современной России и ряда других государств. Такие термины и понятия, как «евразийство», «евразийское пространство», «евразийский форум» и другие, стали неотъемлемой частью современной общественной мысли.

В настоящее время «становится всё более очевидным необходимость расширения понятийного поля проблемы евразийства. Евразийскую идею теперь можно воспринимать и как некий проект развития России в условиях глобализации» [10, с. 66].

Дон-Аминадо – трезвый реалист, стремившийся осмыслить многогранное бытие русской эмиграции, частью которого были идеи Востока, в том числе и буддизма. Он воспринимал евразийство критически, в контексте сложно переплетающихся, противоречиво взаимодействующих, пребывающих в становлении идей своего времени, поэтому для нас важен именно исторический подход к восприятию евразийских идей в творчестве писателя.

Изучение сатирических аспектов интерпретации восточных образов и идей в творчестве Дон-Аминадо 1920–1930-х гг. углубляет современные научные представления о литературных и общественных процессах развития русского зарубежья во Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитика мистицизма / под ред. Е. Г. Балагушкина. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. 432 с.
2. Коровин В. И. «Наиболее даровитый поэт» эмиграции // Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. М.: Терра, 1994. С. 3–38.

3. Литвиненко Н. А. Положительный герой в литературе – исчезнувшие и новые горизонты // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 27–34.
4. Маслин М.А., Лупова А. А. Эволюция евразийской идеи // Евразийство: Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 42–249.
5. Митин Г. А. Дым без Отечества. Политическая сатира Дон-Аминадо 20-х гг. // Литературное зарубежье: проблемы национальной идентичности. Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 164–196.
6. Письма Марины Цветаевой // Новый мир. 1969. № 4. С. 185–214.
7. Религиоведение / под ред. И. Н. Яблокова. М.: Гардарики, 2002. 536 с.
8. Савицкий П. Н. Евразийство // Евразийство: Исследования и публикации. М.: Парад, 2014. С. 464–480.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании; изд. 3-е. Париж–М.: Русский путь. 1996. 448 с.
10. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2009. 236 с.
11. Шарли К. Конец века // Новое литературное обозрение (НЛО). 2018. № 1 (149). С. 9–23.
12. Эпштейн М. Н. Идеология и магия слова. Слово-фикция у А. Чехова, Д. Хармса и В. Сорокина // Ирония идеала. Парадоксы русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 255–268.
13. Perelezhin V. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai 1930–1950. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

REFERENCES

1. Balagushkin E. G., ed. *Analitika mistitsizma* [Analytics of mysticism]. Moscow, Kanon+ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2011. 432 p.
2. Korovin V. I. [“The most gifted poet” of emigration]. In: Don-Aminado. *Nasha malen'kaya zhizn'* [Our little life]. Moscow, Terra Publ., 1994. pp. 3–38.
3. Litvinenko N. A. [The positive hero in the literature – the past and new horizons]. In: *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education], 2016, no. 1, pp. 27–34.
4. Maslin M. A., Lupova A. A. [Evolution of the Eurasian idea]. In: *Evrasiistvo: Issledovaniya i publikatsii* [Eurasianism: Research and publications]. Moscow, Parad Publ., 2014. pp. 42–249.
5. Mitin G. A. [Smoke without homeland. Political satire of Don Aminado of the 20s]. In: *Literaturnoe zarubezh'e: problemy natsional'noi identichnosti. Vip. 1* [Literary abroad: problems of national identity. Issue 1]. Moscow, IWL RAS, Nasledie Publ., 2000, pp. 164–196.
6. [Letters of Marina Tsvetaeva]. In: *Novyi mir* [New world], 1969, no. 4, pp. 185–214.
7. Yablokov I. N., ed. *Religiovedenie* [Religious studies]. Moscow, Gardariki Publ., 2002. 536 p.
8. Savitskii P. N. [Eurasianism]. In: *Evrasiistvo: Issledovaniya i publikatsii* [Eurasianism: Research and publications]. Moscow, Parad Publ., 2014. pp. 464–480.
9. Struve G. P. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. Paris, Moscow, Russkii put' Publ., 1996. 448 p.
10. Ulanov M. S. *Buddizm v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii* [Buddhism in the socio-cultural space of Russia]. Elista, Kalmyk State University Publ., 2009. 236 p.
11. Charle Chr. [The end of the century]. In: *Novoe literaturnoe obozrenie (NLO)* [New Literary Review], 2018, no. 1 (149), pp. 9–23.

12. Epshtein M. N. [Ideology and the magic of words. Word-fiction by A. Chekhov, D. Harms and V. Sorokin]. In: *Ironiya ideala. Paradoksy russkoi literatury* [The irony ideal. Paradoxes of the Russian literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. pp. 255–268.
13. Perelezhin V. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai 1930–1950. Amsterdam: Rodopi, 1987. 159 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;
e-mail: inyazmgua@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina A. Sorokina – PhD in Philosophical Sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages, Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: inyazmgua@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорокина Г. А. Образы востока в контексте сатиры Дон-Аминадо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 60–70.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70

FOR CITATION

Sorokina G. A. Oriental images in the context of satire by Don-Aminado. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 60–70.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-60-70

УДК 821.161.1.09+811.111.1.09

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-71-78

ФУНКЦИИ ЦВЕТА В СЛОВЕСНЫХ ПОРТРЕТАХ Л. ТОЛСТОГО И Д. ГОЛСУОРСИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ «АННА КАРЕНИНА» И «САГА О ФОРСАЙТАХ»)

Труфанова М. И.

Московский городской педагогический университет

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о роли портрета в произведениях Л. Толстого и Д. Голсуорси. Особое внимание сосредотачивается на сходстве функции цветовой детали для создания выразительных и ярких портретов героев и раскрытия внутреннего мира персонажей. Прослеживается использование повтора цветовой детали, которая раскрывается при помощи различных приёмов. При проведении сравнительного анализа произведений «Анна Каренина» и «Сага о Форсайтах» делается вывод о том, что поэтика словесного портрета в них имеет сходство.

Ключевые слова: портрет, деталь, повтор, Л. Толстой, Д. Голсуорси, сравнительный анализ.

COLOUR FUNCTIONS IN VERBAL PORTRAITS BY L. TOLSTOY AND J. GALSWORTHY (ON THE EXAMPLE OF “ANNA KARENINA” AND “THE FORSYTE SAGA”)

M. Trufanova

Moscow City University

4, Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. This article addresses the issue the role of the portrait in the novels by L. Tolstoy and J. Galsworthy. Particular attention is paid to the similarity of the function of color detail to create expressive and vivid portraits of the characters and to reveal the inner world of the characters. The use of repeat color details is traced, which is presented by various techniques. The comparative analysis of the works “Anna Karenina” and “The Forsyte Saga” allows to conclude that their poetics of the verbal portrait has similarities.

Keywords: portrait, literary details, repetition, Tolstoy, Galsworthy, comparative analysis.

Сопоставление поэтики Л. Н. Толстого и Дж. Голсуорси имеет длительную традицию. На сходство формальных аспектов (художественного мира, композиции, художественной речи)

произведений русского и английского романистов указывали российские исследователи уже в начале и в середине XX в. [2; 5]. В анализе художественного мира романов сопоставлялись пре-

имущественно основные элементы: события, из которых слагаются сюжеты, и система персонажей, т. е. отмечались наиболее очевидные сходства.

Однако не меньшую содержательную роль играют компоненты изобразительности, которые требуют более пристального внимания и более детального изучения. Так, описание сходства и различия в портретных изображениях может повлиять, в частности, на определение степени влияния поэтики Толстого на поэтику произведений Голсуорси.

Одно из важнейших качеств реалистического портрета – его цветное решение. Из всего многообразия красок, присущих реальной жизни, писатели выбирают только те, которые, по их мнению, наиболее точно передают, во-первых, настроение персонажа в каждый определённый момент его жизни и, во-вторых, самую суть его внутреннего мира. Другими словами, колористика словесного портрета становится одним из важнейших средств передачи психологии героев, психологизма произведения. На это обращали внимание исследователи и творчества Л. Толстого, и романов Д. Голсуорси [3]. Однако сравнительного анализа цветового элемента изобразительности ещё не проводилось. Определение сходства в использовании цветовой гаммы и различия содержательной функции явилось задачей данной статьи.

Традиционно в отечественном литературоведении в качестве основной функции изображения внешности героя, его портрета рассматривается раскрытие внутреннего мира, выражение авторской позиции, а также отражение системы нравственных оценок. Словесный портрет – это не только

описание наружности, но передача впечатления об облике героя в целом, того, что «сформировано социальной средой, культурной традицией, индивидуальной инициацией» [8, с. 204].

В романе Толстого представлены разнообразные портреты: статические, динамические, живописные, портреты-впечатления. По мнению исследователей, важнейшим изобразительным приёмом писателя становится подчёркивание, повторение детали. Как известно, «изображение целостных портретов действующих лиц мало характерно для творческого метода Толстого» [7, с. 76]. Повторение же, в частности, одного и того же цвета, способствует выделению и «акцентированию наиболее важных, особенно значимых моментов» [8, с. 277]. Такие повторы, «возвраты» в составе художественного целого выполняют роль своеобразного маркера, акцентируя внимание на отдельных элементах, персонажах произведения. Р. О. Якобсон отмечал в своей статье «Грамматический параллелизм и его русские аспекты», что «существо поэтической ткани состоит в периодических возвратах» [10, с. 99].

Отметим, что одним из важнейших аспектов портретистики Л. Толстого являются такие «живописные» приёмы, как использование цветовой гаммы, указание на яркость и блёклость, игра света и тени. Одним из первых заметил использование в «Анне Карениной» таких приёмов изобразительности Э. Бабаев, отметивший, что Анна и Кити в романе «картинны» и даже «скульптурны». Тот же исследователь выделил как особый приём наличие обрамления, своеобразной словесной «рамы», подобной картин-

ной, в которой очерчивается лицо или фигура героини. Эти художественные принципы несут особую смысловую нагрузку. Д. С. Мережковский писал об особой красочности портрета Анны, которая возникает из-за эффекта светотени, свойственного изобразительному искусству. «Густые ресницы» героини обрамляют «блестящие глаза», так писатель передаёт «оргийный избыток жизни» [5, с. 122]. Соглашаясь с исследователем, добавим, что особую значимость имеет цвет.

В романе «Анна Каренина» цветовая деталь повторяется, становится индивидуальной характеристикой героев. Наделяя каждого персонажа определённой цветовой гаммой, Толстой подчёркивает ещё и особые отношения между героями. Так прослеживается противопоставление двух героинь, вовлечённых в любовный треугольник. Контраст в описании Анны и Кити строится на антитезе тёмный – светлый, чёрный – розовый. С образом Карениной соотносится чёрный цвет. Он на протяжении всего романа преобладает в описании её внешности. В начале произведения выделяется чёрный цвет волос и ресниц Анны, как реалистическая изобразительная деталь. Потом Анна появляется в чёрном платье на балу. Это платье – «только рамка», из которой «была видна только она, простая, естественная, изящная и вместе весёлая и оживлённая»¹. Как всякая рамка, она «подобрана» писателем по контрасту.

Сцена бала композиционно важная, именно в ней мы видим, как зарождаются чувства между Анной и Вронским, и возникает любовный

треугольник Кити – Вронский – Анна. Выбор цвета туалета выделяет её на фоне всех остальных гостей, он становится неожиданностью для Кити, которая непременно ждала её в лиловом. Эпитет «чёрный» неоднократно повторяется: «Анна была ... в **чёрном**, низко срезанном бархатном платье... На голове у неё, в **чёрных** волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда анютиных глазок и такая же на **чёрной** ленте пояса»².

Чёрное бархатное платье Карениной противопоставлено розовому тюлевому наряду Кити. Такое различие в выборе вечернего туалета подчёркивает их непохожесть. В Кити всё: её «небольшая белокурая головка», «детскость выражения её лица», «румяные губы» – изобличает хрупкую и нежную натуру, схожую с образом ангела. Розовые пальчики, уши, ручки придают Кити особую прелесть, отличную от впечатления, производимого Анной, чья кожа была цвета слоновой кости.

В сцене бала Е. Г. Эткинд отмечает семикратное повторение слова «прелесть». Это слово кажется «оценкой внешнего впечатления, синонимом наречия «очаровательно». Однако оно имеет глубинное и древнее значение, в котором это слово встречается и в Священном писании: сатана прельщает – в том старинном смысле «прелесть» греховна, страшна, губительна» [9, с. 308]. Кити чувствует в этой прелести «что-то ужасное и жестокое», «что-то чуждое, бесовское есть в ней»³.

² Толстой Л. Н. Анна Каренина // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18. М.: Художественная литература, 1934. С. 84.

³ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 89.

¹ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18. М.: Художественная литература, 1934. С. 85.

Упоминание чёрного цвета усугубляет читательское впечатление, оно становится предвестием недоброго. Чёрный цвет, как бы изначально присущий героине (глаза, ресницы, волосы), дублируется цветом её одежды, усиливая впечатление. На портрете супруги Каренин выделяет только чёрное кружево и чёрные волосы, и ему становится не по себе: *«Поглядев на портрет с минуту, Алексей Александрович вздрогнул так, что губы затряслись и произвели звук “брр”, и отвернулся»*¹.

Тот же чёрный цвет волос подмечает Левин на «итальянском» портрете Анны. Рисуя портрет героини, Толстой при помощи повторов передаёт изящество и грацию, красоту её лица и фигуры, однако эти портреты вызывают тревожное мрачное чувство, предсказывающее несчастливую судьбу героини.

Схожее использование приёма повтора в описании внешности героев наблюдается в «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси. Т. Л. Мотылева в книге «“Война и мир” за рубежом» (1978) говорит о «тесной преемственной связи автора “Саги о Форсайтах” с Толстым», которая «не раз уже отмечалась в работах литературоведов, прослеживалась вплоть до отдельных сюжетных и психологических деталей, приёмов характеристики» [6, с. 223]. Английская писательница Памела Джонсон высказала мнение, что при сопоставлении романа Голсуорси «Собственник» с «Анной Карениной» прослеживается явное сходство с толстовскими сюжетом и героями. Каренин – это Сомс, Анна – Ирэн; Джун – Кити; Вронский –

Босини. Анна (Ирэн) «крадёт жениха у Кити (Джун), испытывает отвращение к Каренину – Сомсу» [2, с. 224].

Ряд средств художественной выразительности, в частности, живописное использование цвета для создания выразительных и ярких портретов героев, также представляется одним из проявлений толстовского влияния. Правда, Голсуорси использует другую цветовую гамму, более характерную для импрессионистского периода европейской живописи. Исследователь данного аспекта поэтики английского писателя отмечает: «В изображении мира вещей, окружающих человека, Голсуорси отводит большое место цвету и свету, словно художник, с их помощью создавая образы. Часто именно благодаря определённым сочетаниям цвета, светотени, полутонов у Голсуорси возникает какая-то особая манера повествования и своеобразная атмосфера, в которой живут его герои» [1, с. 13].

Вслед за Толстым, Голсуорси наделяет почти каждый образ в «Собственнике» какой-либо особенной деталью, в описании внешности акцентируется подбородок, волосы, телосложение и т. д. Детали портрета, много раз повторяющиеся, становятся выразительной и устойчивой портретной характеристикой, выполняющей содержательную функцию. Такой повторяющейся деталью являются волосы и глаза Ирэн, особого цвета:

«Боги дали Ирэн тёмно-карие глаза и золотые волосы — своеобразное сочетание оттенков»².

¹ Толстой Л. Н. Анна Каренина // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18. М.: Художественная литература, 1934. С. 300.

² Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 79.

*«В розовом свете лампы **янтарные волосы** и белая кожа Ирэн так странно подчёркивали её **тёмно-карие глаза**»¹.*

*«Солнечный луч, пробравшись сквозь кружево занавесок, коснулся её (Ирэн) щёк своим теплом, зажёг **золотистые волосы** и **мягкие глаза**»².*

Появляется в романе и многозначительный розовый цвет, что также вызывает ассоциации с поэтикой Толстого. Ирэн возвращается со свидания с любимым внутренне и внешне преображённая, излучающая свет, что подчёркнуто розовым цветом её одежды – на Ирэн надета «лёгкая розовая кофточка с широкими рукавами», которой «Сомс ещё ни разу не видел на ней»³. Эти необычные для жены состояние и внешний вид поражают его: «Она горела, точно в огне, такими яркими казались её щёки, глаза, губы и эта незнакомая ему кофточка»⁴. Как импрессионисты в живописи, Голсуорси отказывается от тёмных теней. От розового абажура расходятся мягкие светлые тени, освещающая и окрашивая фигуру сидящей женщины, вызывая «странное» впечатление: «Свет лампы, затенённой розовым абажуром, падал ей на шею и руки. В розовом свете лампы янтарные волосы и белая кожа Ирэн так странно подчёркивали её тёмно-карие глаза»⁵.

При помощи этих деталей Голсуорси передаёт мысль о необычности внешности Ирэн, её непохожести на других, главное, на Форсайтов, и это отличие распространяется не только на внешность, но и на характер героини. Голсуорси писал, что Ирэн была задумана «воплощением волнующей красоты, врывающейся в мир собственников»⁶. Для писателя этот образ олицетворяет собой всё прекрасное. Думается, этим объясняется такая цветовая характеристика, как «золотой»: «ровная, мягкая белизна шеи и плеч, обрамлённых золотистым платьем, придавала ей какую-то необычную прелесть»⁷. Эпитет «золотой» постоянен в описании героини. Писатель употребляет пастельные тона и поэтические сравнения, например, волосы Ирэн были цвета опавшей листвы.

Не только повторение цвета, но и цветовой конфликт в «Саге о Форсайтах» напоминает о поэтике Толстого. Внешность Ирэн, цвет её волос и глаз подчёркивает резкое противопоставление Форсайтам с их серыми холодными глазами.

Голсуорси усложняет контраст «коричневый (карий, золотой) – холодный серый», связанный с цветом глаз персонажей, добавляя цветовое противопоставление их костюмов «серый – чёрный». «Художественное использование серого цвета в процессе создания образа Ирэн» [11, с. 303]. Образ «дама в сером» сохранится на протяжении всей «Саги о Форсайтах»

¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 103.

² Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 134.

³ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 275.

⁴ Там же.

⁵ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 103.

⁶ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 36.

⁷ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 79.

и даже будет перенесён на предметы. Джолион образ Ирэн будет связывать с серой бумагой. А Сомс в сцене возвращения Ирэн после смерти Босини несколько раз отмечает серый цвет её наряда: «В **серой** меховой шубке, забившись в угол дивана, она напоминала ему чем-то сову, комком **серых** перьев прижавшися к прутьям клетки»¹.

Цветовое решение портрета свойственно не только главной героини романа. Голсуорси наделяет Джун «бесстрашным взглядом синих глаз», подчёркивая что-то воинствующее в её характере, писатель позже вводит сравнение «светлые, как у викингов, глаза». При изображении внешности Голсуорси даёт Джун характеристику «копна волос плюс характер», не уделяя большого внимания её одежде или портрету. При этом на протяжении всего произведения данный троп повторяется. Английский писатель, как и Толстой, противопоставляет героинь по их телосложению. Хрупкая Джун с ярким румянцем на лице является полной противоположностью «высокой, прекрасно сложенной женщине» с ровной белизной шеи и плеч, обрамлённых золотистым платьем, придававшей ей необычайную прелесть. Форсайты сравнивали Ирэн с языческой богиней.

В мире собственников человека не только встречают, но и окончательно оценивают «по одежке». Связано это не только с ценностью вещей, но и приверженностью традициям. Для высшего света соблюдение приличий – самая важная часть общественной жизни. Поэтому Ирэн и Босини выделяют-

ся на приёме. Обыденный серый цвет костюма Босини и серых лайковых перчаток Ирэн выделяют их среди членов семейства, которое считает самым подходящим для вечерних туалетов чёрный цвет. Портрет Босини дополняет шляпа, именно она приковывает внимание всех Форсайтов. К повторяющемуся слову «шляпа» (hat) и его синонимам присоединены эпитеты «мягкая», «серая», «не новая», «пыльная», «с бесформенной тульёй», которые в русском переводе опущены:

“A story was undoubtedly told that he had paid his duty call to Aunts Ann, Juley and Hester in a soft grey hat – a soft grey hat, not even a new one, a dusty thing with a shapeless crown”².

Эта повторяющаяся деталь отражает презрительное отношение к персонажу. По мнению Форсайтов, такой шляпой может обладать только «странный человек», «его необычная манера одеваться, конечно, делала его подозрительным» [4, с. 36].

Обобщая всё вышеизложенное и учитывая интерес английского писателя к творчеству Толстого, его хорошее знание романов русского классика, можно сделать вывод о близости поэтики портрета в романах Толстого и Голсуорси.

При создании динамических портретов Голсуорси так же, как и Толстой, сосредотачивает внимание на отдельных чертах внешности персонажей, что многократно повторяется и закрепляется в повествовании. В романах «Анна Каренина» и «Сага о Форсайтах» художественная деталь становится цветовой, писатели используют изобразительные приёмы,

¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // Собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1962. С. 79.

² Galsworthy J. The Forsyte Saga. London: Wordsworth Classics, 2012. p. 5.

характерные для живописи их времени. Цвет и освещение при этом несут в обоих случаях важное психологическое содержание, характеризуют строение героев, отражая особенности их внутреннего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Н. М. Модернизм и Джон Голсуорси // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. 2011. Том 134. № 4. С. 12–15.
2. Гиленсон Б. А. Русская классика в мировом литературном процессе: XIX–начало XX века. М.: ИНФРА-М, 2014. 395 с.
3. Жантиева Д. Г. Эстетические взгляды английских писателей XIX–начала XX века и русская классическая литература // Из истории литературных связей XIX века: сборник статей / под ред. У. А. Гуральник и др. М.: АН СССР, 1962. С. 167–226.
4. Какзанова Е. М. Находки и неточности в переводе романа Дж. Голсуорси «Собственник» из серии «Сага о Форсайтах» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 34–41.
5. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 588 с.
6. Мотылева Т. Л. «Война и мир» за рубежом: переводы, критика, влияние. М.: Советский писатель, 1978. 486 с.
7. Уртминцева М. Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века. Генезис, поэтика, жанр. Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2005. 232 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы: учеб. для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2004. 404 с.
9. Эткинд Е. Г. Глубинная правда («Анна Каренина») // «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 305–321.
10. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
11. Ялышева Н. А. Роль колористических художественных определений в создании образа Ирэн в романах «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 74-2. С. 301–305.

REFERENCES

1. Alieva N. M. [Modernism and John Galsworthy]. In: *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya* [Bulletin of the Kazakh National University, Philological Series], 2011, vol. 134, no. 4, pp. 12–15.
2. Gilenson B. A. *Russkaya klassika v mirovom literaturnom protsesse: XIX–nachalo XX veka* [Russian classics in the world literary process: the 19th–beginning of 20th century]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 395 p.
3. Zhantieva D. G. [Aesthetic views of English writers of 19th – early 20th-century and Russian classical literature]. In: Gural'nik U. A. et al., eds. *Iz istorii literaturnykh svyazei XIX veka: sbornik statei* [From history of literary relations of the 19th century: collected articles]. Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1962. pp. 167–226.
4. Kakzanova E. M. [Findings and Misinterpretations in Translating J. Galsworthy's novel "Man of Property" as a Part of "The Forsyte Saga"]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of the People's friendship University of Russia, Language Studies, Semiotics and Semantics], 2015, no. 4, pp. 34–41.

5. Merezhkovskii D. S. *L. Tolstoi i Dostoevskii* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 588 p.
6. Motyleva T. L. «*Voina i mir*» *za rubezhom: perevody, kritika, vliyanie* ["War and peace" abroad: translations, criticism, influence]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978. 486 p.
7. Urtmintseva M. G. *Literaturnyi portret v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka. Genezis, poetika, zhanr* [The literary portrait in the Russian literature of second half of 19th century. Genesis, poetics, genre]. Nizhny Novgorod, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2005. 232 p.
8. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 404 p.
9. Etkind E. G. [Deep truth ("Anna Karenina")]. In: «*Vnutrennii chelovek*» i *vneshnyaya rech'*. *Ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vv* ["Inner Man" and external speech. Essays on the psycho-poetics of Russian literature of the 18th–19th centuries.]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1999. pp. 305–321.
10. Yakobson R. *Raboty po poetike: Perevody* [Works on poetics: Translation]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p.
11. Yalysheva N. A. [Role of colour artistic definitions in creation of the image of Irene in the novels of "The Forsyte Saga" by John Galsworthy]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2008, no. 74-2, pp. 301–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Труфанова Маргарита Ивановна – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: trufanova_mi@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita I. Trufanova – postgraduate student at the Department of the Russian literature, Moscow City University;
e-mail: trufanovami@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Труфанова М. И. Функции цвета в словесных портретах Л. Толстого и Д. Голсуорси (на примере произведений «Анна Каренина» и «Сага о Форсайтах») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 71–78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-71-78

FOR CITATION

Trufanova M. I. Colour functions in verbal portraits by L. Tolstoy and J. Galsworthy (on the example of "Anna Karenina" and "The Forsyte Saga"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 71–78.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-71-78

УДК 821.161.1.09 Ахматова А. А.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88

СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ ПОЭТИЧЕСКОГО СБОРНИКА «ВЕЧЕР» А. А. АХМАТОВОЙ

Хомяков С. А.

*Московский государственный медико-стоматологический университет
имени А. И. Евдокимова*

119017, г. Москва, Старомонетный переулок, д. 5, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественного времени в первом поэтическом сборнике «Вечер» А. А. Ахматовой. Приведена типология форм времени, использованных поэтом в сборнике. Сопоставительно-системный анализ позволил прийти к выводу, что время является главным вектором в хронотопе «Вечера», при этом А. А. Ахматова отдаёт предпочтение онейрическому и биологическому времени, практически не обращаясь к формам физического времени, что соотносится с названием сборника. Также при анализе акцент сделан на временной семантике, выделен ряд предметов, обладающих соответствующим значением. Установлено, что «Вечер», в отличие от поздних сборников, не изобилует огромным количеством форм времени, однако поэтом намечены тенденции к развитию данной категории. Данная работа представляет значимость в рамках художественной темпорологии и «ахматовского текста». Адресатом статьи являются ахматоведы и учёные, сфера интересов которых – литературный процесс начала XX века и творчество акмеистов.

Ключевые слова: Ахматова, сборник «Вечер», время, «Поэма без героя», «Реквием».

THE SPECIFICITY OF THE ARTISTIC TIME OF THE POETRY COLLECTION “EVENINGS” BY A. AKHMATOVA

S. Khomyakov

*A. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
5, Staromonetny pereulok, Moscow, 119017, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of artistic time in the first poetic collection “Evening” by A. Akhmatova. The typology of forms of time used by the poet in the collection is carried out. Comparative systemic analysis allowed us to conclude that time is the main vector in the chronotope, “in the Evening”, with A. Akhmatova prefers varicella and biological time, practically without referring to the physical time that corresponds with the title of the book. Also, the analysis focuses on the temporal semantics, highlighted a number of items that have the appropriate meaning. It is established that the “Evening”, unlike later collections, is not replete with a huge number of forms of time, but the poet outlined trends in the development of this category. This work is important as part of the art of the temporology and “Akhmatova’s text”.

The addressee of the article are scholars and scientists area of interest of which is the beginning of the twentieth century and the work of the acmeists.

Keywords: Akhmatova, poetry collection “Evenings”, time, “Poem without a hero”, “Requiem”.

Во время публикации первого сборника стихов Ахматовой её индивидуальные черты стиля и поэтики были отмечены М. А. Кузминым, написавшим предисловие к «Вечеру» и подчеркнувшим умение Ахматовой «понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами» [11, с. 163]. Автор предисловия указывает на временную семантику, которой обладает и описываемый подробно, и просто изображённый, незначимый объект. Именно благодаря темпоральному значению предметы, расположенные в пространстве, начинают вступать во внутренние семантические связи, образуя огромный фон, картину, которая заполняет пространство стихотворения, в котором эмоциональная составляющая произведения становится не главной, а дополнительной [17, с. 181]. Иными словами, время остаётся координатой стихотворения, а художественные детали и предметы, моделируя собственное пространство [1, с. 59–61], позволяют лирике – наиболее свободному роду литературы [6] – обращаться не с топосом (значимым для эпического или драматургического произведения), а с художественной реальностью [12], порой совершенно непредсказуемой и необычной.

Стихотворение «Любовь», открывающее «Вечер», гармонично коррелирует с названием сборника: любовное чувство представлено как состояние, похожее на сон или дремоту. Однако любовь в то же время противопостав-

ляется указанным состояниям как на уровне цвета («То целые дни голубком / На белом окошке воркует / То в иное ярком блеснёт, / Почудится в дреме левкоя» (с. 7¹; курсив наш. – С. Х.), символизирующего чистоту, так и образа границы («окошко»), разделяющей внешнее и внутреннее пространство. Звуковая символика, переданная при помощи метафоры «тоскующая скрипка» (с. 7), позволяет первому и четвёртому стихотворениям в сборнике предстать единым целым, когда первое произведение («Любовь») описывает состояние, которое «ведёт от радости и от покоя» (с. 7), что противоречит состоянию сна, до «седого и грустного» (с. 9) состояния. Время – настоящее, использованное в первом стихотворении, – сменяется на прошедшее; воспоминательный тон второго стихотворения диктует отказ от светлых красок при изображении событийного ряда из-за временной дистанции: «Был светел ты, взятый ею / И пивший её отравы» (с. 10). Или в стихотворении «Сжала руки...»: «... я терпкой печалью / напоила его допьяна» (с. 10), а также: «Как соломинкой, пьёшь мою душу. Знаю, вкус её горек и хмелен...» (с. 14) и «В сердце тёмный душный хмель» (с. 20). Устойчивая метафорическая формула (любовь – отравы – синонимично опьянению) отсылает к стихотворению «Благодарность» (1840)

¹ Здесь и далее цитаты из сборника «Вечер» (Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Эллис Лак, 2000. С. 6–38).

Лермонтова: в этом произведении повествуется о страданиях, вызванных невозможностью быть счастливым («отрава поцелуя», «тайные мучения страстей», «жар души»¹) и впоследствии воплотится в «Части первой» «Поэмы без героя», где строка («вино как отрава жжёт»²), заимствованная из «Новогодней баллады», предстаёт устойчивым символом любви и страдания (ср. в «Незнакомке» (1906) Блока: «истина в вине»³). Временная семантика усиливается образом травы («осенние травы»), ассоциирующейся с определённой стадийностью циклического времени.

Мотивы наивности, доверчивости и неопытности присутствуют в стихотворении «И мальчик», рядом с образом которого появляется «и девочка», плетущая «венки» (с. 9) – символ верности и любви. Судьба представлена при помощи иносказания («И две в лесу скрестившиеся тропинки, / и в дальнем поле дальний огонёк»), что позволяет лирической героине, ставшей свидетельницей и пообещавшей «всё запомнить» (с. 9), изменить пространственную точку зрения и перейти к непосредственному повествованию от первого лица.

Мотив непредсказуемой судьбы как силы, от которой зависят жизни «и мальчика», «и девочки» (с. 9), бежавшей «за ним до ворот» (с. 10), присутствует в двух последующих стихотворениях – поэтом указано на биологические

циклы природы, а следовательно, на продолжительность страданий лирической героини: «Осенние травы» (с. 10) и «Зима» (с. 11), когда метафора «память о солнце в сердце слабеет» сменяется «тьмой» – аллегорией одиночества, безграничного и бескрайнего, что усиливается словосочетанием «на небе пустом» (с. 11) и названием следующего стихотворения «Высоко в небе».

Зимняя семантика и сопряжённый с нею белый цвет присутствует в творчестве Ахматовой как устоявшаяся доминанта: стихотворение «Память о солнце» указывает на быстрый приход зимы, а тема несостоявшейся встречи и невозможности развития отношений («Может быть, лучше, что я не стала / Вашей женой» (с. 11)) отсылают к творчеству Пушкина и к его стихотворению «Зимняя дорога» (1826), в котором время, представленное с помощью часовой стрелки, указывающей цикличность и необратимость человеческого бытия, начинает «звучать» сильнее колокольчиков тройки. Зима у Ахматовой и Пушкина считается временем испытаний, переломных моментов в жизни героев (например, «Метель», «Капитанская дочка» и т. д.). Кроме того, пушкинский текст присутствует в виде косвенных отсылок к «Сказке о мёртвой царевне и семи богатырях», написанной в 1833 г. в Болдино: «Я её нечаянно прижала, / И, казалось, умерла она, / Но конец отравленного жала, / Был острее веретена» (с. 15). Однако если вспомнить пушкинский образ отчаявшегося жениха Елисея, обращающегося к солнцу, ветру и месяцу (луне), которые можно трактовать как типичные фольклорные составляющие, то в сборнике «Вечер», содержащем ряд любовных

¹ Благодарность // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1969. С. 311.

² Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 171.

³ Незнакомка // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.–Л.: Художественная литература, 1962. С. 185.

историй, есть не только образ веретена и мотив смерти, но и «солнце», и «ветер» (с. 12). Невозможность встречи, усиленная при помощи приёма контраста, тёмных и светлых оттенков и символа свечи (временное и эсхатологическое значение), была определена Ахматовой уже в первом сборнике: «Это песня последней встречи. / Я взглянула на тёмный дом. / Только в спальне горели свечи / Равнодушно-жёлтым огнём» (с. 13). При использовании свечи как символа, сопряжённого с памятью, Ахматова обращается к закрытым пространствам («спальня» (с. 13), «гостиная» (с. 18), «лампадку внутри зажжём» (с. 35)).

Единственное стихотворение сборника, имеющее непосредственного адресата, – это «Обман». Оно обращено к «кузине Марии Александровне Змунчилла» [19, с. 84], к которой Ахматова относилась с трепетом и любовью и в чьей квартире жила в 1912 г., ожидая рождения ребёнка [19, с. 85]. Адресат стихотворения интересен в биографическом контексте: Андрей Андреевич Горенко и Мария Александровна Змунчилла, потеряв ребёнка, решили свести счёты с жизнью [10, с. 34]. Таким образом, фабула «Части первой» «Поэмы без героя» может быть связана и с их именами. Кроме того, указанный сюжет может быть близок «Реквиему» и «Решке»: ребёнок является главной ценностью в жизни. В стихотворении «Обман» Ахматова обращается к семейной тематике («Тетрадь в обложке мягкого сафьяна, / Читаю в ней элегии и стансы, / Написанные бабушке моей» (с. 16)) и упоминает некоторые биографические подробности – согласие на брак с Н. С. Гумилёвым [19, с. 86]

(25 апреля 1910 г.), который ранее, в 1907 г., предпринимал попытки самоубийства из-за отказов Ахматовой стать его женой [18, с. 48–50].

Два стихотворения – «Мне с тобою пьяным...» и «Муж хлестал меня узорчатым...» – могут быть соотнесены со стихотворением «Обман» благодаря использованию лексических связей («обман» – «в страну обманную» (с. 19)) и специальному указанию на время года – *осень*. Удивительным предстаёт синтаксис четвёртой части «Обмана»: во-первых, это единственное стихотворение сборнике «Вечер», где Ахматова использует не только два восклицательных предложения со значением побуждения к действию, но и два императива, не указывающие на состояние лирической героини: «Листьям последним шуршать! / Мыслям последним томиться!» (с. 18). Примечательно, что в других стихотворениях этого сборника восклицательные предложения в основном присутствуют во второй строке (ср.: «Песня последней встречи», «Я сошла с ума...», «Мне больше ног моих не надо...», «Сердце к сердцу», «Я пришла сюда», «Белой ночью», «Алиса», «Подражание И. Ф. Анненскому»), даже в «Поэме без героя» [16, с. 62] мы не наблюдаем такого при изображении самых напряжённых моментов.

В первом поэтическом сборнике Ахматовой ещё не прослеживается тенденция к отказу от личного местоимения «я» в пользу масштабных картин эпохи [4], ещё нет разграничения лирической героини и собственно Ахматовой, как это будет в поздней лирике и «Поэме без героя» [3]: «Я же роль рокового хора / На себя готова

принять»¹, – для того чтобы писать «о времени и о себе», нужно стать частью эпохи, накопить жизненный и творческий опыт [5]. В «Вечере» Ахматова так пишет о самой себе: «Я пришла сюда, бездельница»; в «Реквиеме»: «Показать бы тебе, насмешнице <...>, / Что случилось с жизнью твоей»²; в «Поэме без героя»: «И выглядывал вновь из мрака / Старый питерщик и гуляка!»³ (курсив наш. – С. Х.) Образ этого «гуляки» становится символом, характеризующим эпоху и время, он исчезнет с приходом нового «Настоящего Двадцатого Века»⁴, у Блока таким символом уходящего – тёмного – столетия был «безродный, паршивый пёс»⁵.

Ряд стихотворений, которые расположены в «Вечере» не рядом, могут быть прочитаны как протяжённый фольклорный текст или цикл [7], составные части которого можно описать на основании наличия в них песенного или сказочного начала. Совершенно иной сюжет предстаёт в стихотворении «Рыбак»: Ахматова, меняя пространственную точку зрения и акцентируя внимание на цикличности и бесконечности времени, описывает страдания (метонимически) не лирической героини, а рыбачки – «потерянной» и влюблённой «девочки», «бродя-

щей вечерами на мысу» («Все сильнее биенье крови / В теле, раненном тоской» (с. 31).

В стихотворении «Я пришла сюда...» присутствует фольклорный образ «мёртвой русалки», при этом «пруд обмелел» (с. 15), что контрастирует со стихотворением «Мне больше ног моих не надо». Если объединить эти два стихотворения, то первое будет насыщено романтическими идеалами, а второе – переполнено элегическими размышлениями о бренности человеческого бытия. Синтезируя различные жанры, нарушая их границы и в то же время используя устаревшую лексику и песенные мотивы (повторы слов: «У пруда русалку кликаю, / А русалка умерла»; «Я молчу. Молчу...» (с. 21–22)), Ахматова воссоздаёт фольклорное, застывшее время, что усиливается цветовой символикой («Лёгкий месяц заблестел» (с. 22)). Ранее лирическая героиня хотела «поменять» ноги на хвост, теперь же – «снова стать» (с. 22) землёй.

В стихотворении «Белой ночью», когда лирическая героиня «не зажигала свеч», мотив темноты и скорой смерти становится основным и дополняется похоронной символикой: «В закатном мраке хвой» (ср. в «Поэме без героя»: «И ветерком повеяло родным... / Не море ли? / Нет, это только хвоя / Могильная...» (с. 167)). В стихотворении «Хорони меня, ветер!», в первой строке которого использование повелительного наклонения усиливает траурность обстановки, лирическая героиня, продолжая обращаться к мотивам тишины и одиночества, заявленным в «Я пришла сюда...», встаёт на иную пространственную точку зрения [2, с. 43–44], обращаясь к ветру –

¹ Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 182.

² Реквием // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 24.

³ Поэма без героя // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 185.

⁴ «Поэма без героя» // Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1998. С. 186.

⁵ Двенадцать // Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М.–Л.: Художественная литература, 1962. С. 355.

временному символу – и наблюдая за «трупом холодным» (с. 23), – чёрный цвет становится здесь доминирующим: «Закрой эту чёрную рану / Покровом *вечерней тьмы* / И вели голубому туману / Надо мною читать псалмы» (с. 23; курсив наш. – С. Х.). Ветер должен пропеть «про весну», чтобы героине было «легко отойти к последнему сну» (с. 23). Состояние сна позволяет героине нарушать пространственные законы. Эти три стихотворения: «Я пришла сюда», «Белой ночью» и «Хорони меня, ветер...» – передают *вертикальное перемещение* (сверху вниз) лирической героини, что дополняется постепенным использованием цветов от светлого к тёмному.

Смешение нескольких пространственно-временных точек зрения находит место в стихотворении «Похороны», в котором во время поиска «места для могилы» («поле», «море» (с. 23)) происходит «раздвоение» лирической героини и появление нарратора – характерная черта поздней Ахматовой. Тема двойника, заглядывающего из внешнего пространства и предвещающего беду, появляется в стихотворении «Сад»: «И солнца бледный тусклый лик – Лишь круглое окно, / Я тайно знаю, чей двойник / Приник к нему давно. / Здесь мой покой навеки взят / Предчувствием беды...» (с. 36), – поэтому логичным стихотворением, завершающим сборник «Вечер», является «Три раза», в котором тема *лжи и обмана* становится, можно сказать, двойником лирической героини – её тенью. Именно указанные мотивы – лжи и обмана, а также совести и расплаты (возмездия) – станут основными в «Поэме без героя» [8].

Лирическая героиня первого ахматовского сборника, находясь в разных пространственных точках, чаще прибегает к медитативной форме повествования, как бы участвуя непосредственно в разворачивающихся событиях. В связи с этим семантика названия сборника «Вечер» может трактоваться как пограничная. По сути, «Вечер» – это то, что рассказано вечером, когда очертания предметов стираются, а само понятие времени суток трактуется субъективно. Кроме того, пограничная вечерняя семантика дополняется различными цветовыми символами (свеча, приглушённый свет и т. д.). Таким образом, при достаточно чёткой временной организации каждого конкретного стихотворения временная семантика всего сборника размывается [14].

Художественное время поэтического сборника «Вечер» является доминирующей составляющей как в каждом поэтическом сборнике в отдельности, так и во всём «ахматовском тексте». В силу того что лирика как род литературы изображает в первую очередь душевное состояние, переживания лирического героя, то закономерным оказывается *субъективное* восприятие *времени* («час перед закатом» (с. 8), «быстрые недели» (с. 11), «дни томлений острых» (с. 19), «всю жизнь» (с. 23), «на этой земле испытать любовную пытку» (с. 25), «боюсь моих ночей» (с. 26), «за ночь одну» (с. 29), «на работу ночную» (с. 30), «три вещи на свете» (с. 31), «в предсмертной летаргии» (с. 32), «в разлуке» (с. 38), «смертная дрожь» (с. 38)), которое порой тяжело отделимо от *метафорической формы времени* («закатный мрак» (с. 22), «покровом вечерней тьмы» (с. 23), «луч

утра» (с. 27), «последний луч» (с. 29), «пред горьким часом наслажденья» (с. 32), «радости мига» (с. 34)).

Однако Ахматова, оперируя формами *биологического* («осенние травы» (с. 10), «зима» (с. 11), «в марте» (с. 11), «белой выюгой» (с. 12), «завтра», «утро» (с. 12), «шёпот осенний» (с. 13), «весенним солнцем» (с. 16), «утро» (с. 16), «синий вечер» (с. 17), «осенний снежок» (с. 18), «днём» (с. 18), «осень ранняя» (с. 18), «на солнечном восходе» (с. 19), «про весну» (с. 24), «весенний подарок» (с. 25), «до зари» (с. 25), «луна освещает» (с. 27), «вечер осенний» (с. 29), «весна» (с. 31), «белой зимой» (с. 31), «весна» (с. 31)), *бытового* («вчера» (с. 14), «завтра по первопутку» (с. 18), «всю ночь» (с. 19), «рассветает» (с. 19), «за ужином» (с. 26), «за вечерней пенью» (с. 31), «сегодня» (с. 31), «сегодня» (с. 33), «завтра» (с. 33)) и *физического* («в январе» (с. 12), «в среду» (с. 14), «в три часа» (с. 14), «три недели» (с. 16)) времени, воссоздаёт не только мир переживаний лирической героини («жизнь прекрасна» (с. 12), «песня последней встречи» (с. 13)), но и событийный ряд, расположенный и организованный в определённой пространственно-временной последовательности.

В сборнике «Вечер» практически не представлены формы *циклического* («вечерами» (с. 30)) и *эсхатологического* («в канун Крещения» (с. 12), «смерть придёт целовать» (с. 19)) времени.

Самостоятельную группу темпоральной категории составляют формы времени, которые чаще всего нарушают течение физического времени и логику временных законов: *фольклорное* («острей веретена» (с. 14), «сказки заметок» (с. 29), «кукушка в часах»

(с. 35)), *литературное* («Парни» (с. 9), «элегии и стансы» (с. 16), «в твоих рассказах» (с. 18), «Пьеретта» (с. 26)), чаще всего выражающиеся в назывании и отсылке к какому-то сюжету или произведению. *Онейрическое* время («в дрёме» (с. 7), «в предсмертном бреду» (с. 8), «сны» (с. 17), «к последнему сну» (с. 24), «только ложью живу на земле» (с. 24), «сон безмятежен и мирен» (с. 24), «о своём весеннем сне» (с. 26), «во сне» (с. 29), «ничего не снится мне» (с. 32), «привыкла к покою» (с. 35), «к немому сну» (с. 36), «во сне» (с. 37)) и *время «вечности»* («целые дни» (с. 7), «столетие» (с. 8), «бессмертны души» (с. 12), «тогда» (с. 13), «злой судьбой» (с. 13), «счастья безмятежного» (с. 19), «молчать годы» (с. 21)) занимает в сборнике особое место и будет усложнено и отчасти переработано в следующих двух поэтических книгах Ахматовой [17, с. 182].

Пытаясь построить типологию темпоральных форм, мы считаем необходимым выделить косвенное указание на время посредством *предметов*, обладающих следующей *семантикой*: «кольцо» (с. 15), «рожок» (с. 18), «на несмятую постель» (с. 19), «лёгкий месяц заблестел» (с. 22), «не встретим на пути удачу» (с. 23), «пусты дорожные котомки» (с. 23), «золотое кольцо» (с. 25), «цветок маргаритку» (с. 24), «цветные фонари» (с. 28), «у старого дуба» (с. 29), «загар» (с. 30).

С. Ф. Насрулаева, говоря о специфике художественного времени «Вечера» Ахматовой, выделяет не только мифологическое время как главную часть хронотопа, связанную с идеей сна, болезни и пересечением границы, но и анализирует грамматические категории времени: «...стихи “Предвечерия”

преимущественно содержат глаголы настоящего времени; в большинстве стихов I и II разделов, рассказывающих о царстве любви / смерти, действие происходит в прошедшем времени, а в III разделе <...> количество стихов с прошедшим и настоящим временем примерно равное (9:10), причём в последнем стихотворении 4 начальные строки-воспоминания стоят в прошед-

шем времени, а последние 8 – в настоящем» [13, с. 11]. Мы принимаем эти суждения, однако стоит добавить, что формы биологического, онейрического времени имеют большее значение, если рассматривать сборник «Вечер» как часть «ахматовского текста» [9; 15] и если соотносить количество или разнообразие темпоральных форм с последующими сборниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асоян Ю. А. Русская теория художественных пространств Николая Тарабукина: 1920-е гг. // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 9 (30). С. 82–97.
2. Асоян Ю. А. Теория художественных пространств В. А. Фаворского и П. А. Флоренского (1920-е годы) // Культурология. 2014. № 1 (68). С. 42–66.
3. Бурдина С. В. Гумилёвские подтексты в поэмах А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10. № 1. С. 79–87.
4. Бурдина С. В. Мотив возвращения домой в поэзии Ахматовой 1940-го года // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1(25). С. 112–120.
5. Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М.: «Litres», 2008. 528 с.
6. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М.: Территория будущего, 2015. 296 с.
7. Кихней Л. Г., Меркель В. В. Ранняя лирика Анны Ахматовой как квазированная структура (размышления по поводу одной Эйхенбаумовской рецензии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1 (71). С. 18–21.
8. Кихней Л. Г., Яковлева Л. А. Апокалипсические коллизии и библейские аллюзии в творчестве А. А. Ахматовой конца 1910-х – начала 1920 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия Филология. 2014. № 1. С. 47–52.
9. Клинг О. А. Александр Блок: Структура «романа в стихах». Поэма «Двенадцать»; 2-е изд. М.: Издательство МГУ, 2000. 111 с.
10. Кричевская Е. А. «Пришли и сказали: “Умер твой брат”...» // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 7. Симферополь: Крымский архив, 2009. С. 31–36.
11. Кузмин М. Предисловие к книге А. Ахматовой «Вечер» // Кузмин М. Проза. Том 10. Критическая проза. Книга 1 / под ред. В. Маркова, А. Тимофеева, Ж. Шерона. Мюнхен: Berkeley, 1984. С. 146–158.
12. Молчанов О. Б. Проблема времени в современной науке. М.: Наука, 1990. 136 с.
13. Насрулаева С. Ф. Хронотоп в ранней лирике Анны Ахматовой (книги стихов «Вечер» и «Чётки»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 23 с.
14. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
15. Сегал Д. Литература и история: загадки в пространстве и времени // Литература как охранный грамота. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 414–448.
16. Хомяков С. А. Архитектоника рамочного текста (на примере «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой) // Электронный журнал Litera. 2018. № 3. С. 57–68. URL: http://e-notabene.ru/fil/article_26923.html (дата обращения: 20.01.2019).

17. Хомяков С. А. «Время во времени» в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 8. С. 179–183.
18. Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. М.: Индрик, 2008. 768 с.
19. Черных В. Я. О родственных связях семей Змунчилла и Горенко // Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 8. Симферополь: Крымский архив, 2010. С. 79–92.

REFERENCES

1. Asoyan Yu. A. [The Theory of Nikolay Tarabukin's Artistic Spaces (the 1920s)]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2017, no. 9 (30), pp. 82–97.
2. Asoyan Yu. A. [The theory of literary spaces V. Favorsky and P. Florensky (1920-ies)]. In: *Kul'turologiya* [Culturology], 2014, no. 1 (68), pp. 42–66.
3. Burdina S. V. [Implications of Gumilev's works in poetry by A. Akhmatova]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, no. 1, pp. 79–87.
4. Burdina S. V. [The motive "Coming Back Home" in A. Akhmatova's poetry of 1940]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology], 2014, no. 1(25), pp. 112–120.
5. Volkov S. *Istoriya kul'tury Sankt-Peterburga* [History of culture of Saint-Petersburg]. Moscow, Litres Publ., 2008. 528 p.
6. Iglton T. *Teoriya literatury. Vvedenie* [Theory of literature. Introduction]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2015. 296 p.
7. Kikhnei L. G., Merkel' V. V. [Anna Akhmatova's early lyrics as a quasi-novelistic structure (reflections on one of Eikhenbaumov's reviews)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 5-1 (71), pp. 18–21.
8. Kikhnei L. G., Yakovleva L. A. [Apocalyptic collisions and biblical allusions in the works of A. Akhmatova in the end of the 1910s-the early 1920s]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya* [Bulletin of Tver State University: Series Philology], 2014, no. 1, pp. 47–52.
9. Kling O. A. *Aleksandr Blok: Struktura «romana v stikhakh». Poema «Dvenadtsat'»* [Alexander Blok: Structure of the "novel in verse". The poem "Twelve"]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 111 p.
10. Krichevskaya E. A. ["They came and said, "your brother Died"..."]. In: *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vip. 7* [Anna Akhmatova: Epoch, destiny, creativity: Akhmatov's Crimean scientific collection. Issue 7]. Simferopol, Crimean archive Publ., 2009, pp. 31–36.
11. Kuzmin M. [The Preface to the book of Anna Akhmatova "Evening"]. In: Kuzmin M. *Proza. Tom 10. Kriticheskaya proza. Kniga 1* [Prose. Volume 10. Critical prose. Book 1]. Munchen, Berkeley Publ., 1984. P. 146–158.
12. Molchanov O. B. *Problema vremeni v sovremennoi nauke* [The problem of time in modern science]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 136 p.
13. Nasrulaeva S. F. *Khronotop v rannei lirike Anny Akhmatovoi (knigi stikhov «Vecher» i «Chetki»): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The chronotope in early lyrical poetry by Anna Akhmatova (book of poems "Evening" and "Beads"): abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Moscow, 1997. 23 p.
14. Panova L. G. «Mir», «prostranstvo», «vremya» v poezii Osipa Mandel'shtama ["World",

- “space”, “time” in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003. 808 p.
15. Segal D. [Literature and history: riddles in space and time]. In: *Literatura kak okhrannaya gramota* [Literature as a security certificate]. Moscow, Vodolei Publishers, 2006. P. 414–448.
16. Khomyakov S. A. [Architectonics of the Frame Text (the Analysis of Anna Akhmatova's 'Poem Without a Hero')]. In: *Elektronnyi zhurnal Litera* [Litera: web journal], 2018, no. 3, pp. 57–68. Available at: http://e-notabene.ru/fil/article_26923.html (accessed: 20.01.2019).
17. Khomyakov S. A. [“Time in time” in “Poem without a hero” by A. Akhmatova]. In: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: actual problems of theory and practice], 2018, no. 8, pp. 179–183.
18. Chernykh V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi* [A chronicle of the life and work of Anna Akhmatova]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 768 p.
19. Chernykh V. Ya. [About family ties of Zmunchill and Gorenko families]. In: *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik. Vip. 8* [Anna Akhmatova: Epoch, destiny, creativity: Akhmatov's Crimean scientific collection. Issue 8]. Simferopol, Crimean archive Publ., 2010, pp. 79–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хомяков Сергей Александрович – старший преподаватель подготовительного отделения Московского государственного медико-стоматологического университета имени А. И. Евдокимова;
e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Khomyakov – senior tutor at the Preparatory Department, A. Evdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry;
e-mail: khomyakov.sergey@mail.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хомяков С. А. Специфика художественного времени поэтического сборника «Вечер» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88

FOR CITATION

Khomyakov S. A. The specificity of the artistic time of the poetry collection “evenings” A. Akhmatova. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 79–88.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-79-88

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-

ЯВЛЕНИЕ УСЕЧЕНИЯ КОНЕЧНОГО СОГЛАСНОГО «Й» В ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫХ РИФМАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ЛИРИКИ ЛЕРМОНТОВА

Хэ Фань*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Целью статьи является исследование явления усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах русской поэзии и изучение его использования для приблизительных рифм лирики Лермонтова. В статье приведён анализ фонетических характеристик для приблизительных рифм, история их использования в русской поэзии, подробно рассмотрено использование усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах лирики Лермонтова. По итогам исследования автор делает выводы о частотности использования усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах лирики Лермонтова по сравнению с предшествующей и последующей поэзией. Автор обобщён новый материал и цифровые данные по теме рифмовки в лирике Лермонтова. Статья адресована специалистам по истории русской литературы, исследователям творчества Лермонтова.

Ключевые слова: явление усечения, русская поэзия, приблизительная рифма, лирика, Лермонтов.

THE PHENOMENON OF TRUNCATION OF THE FINAL CONSONANT “Й” IN APPROXIMATE RHYMES IN RUSSIAN POETRY AND IN THE POETRY OF LERMONTOV

He Fan*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye gori, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to identify the phenomenon of truncation of the final consonant “й” in approximate rhymes in Russian poetry and the study of its use for approximate rhymes in Lermontov’s lyrics. The article presents the analysis of phonetic characteristics for approximate rhymes, the history of its use in Russian poetry and a detailed analysis of the use of truncation of the final consonant “й” in the approximate rhymes of Lermontov’s lyrics. According to the results of the study, the author concludes about the features of the use of truncation of the final consonant “й” for approximate rhymes in Lermontov’s lyrics compared with the one of his predecessors and the following generation. The article summarizes the new material and digital data on the theme of rhyming in Lermontov’s lyrics. The article is addressed to specialists in the history of Russian literature, researchers of Lermontov’s work.

Keywords: the phenomenon of truncation, Russian poetry, approximate rhyme, lyrics, Lermontov.

Приблизительные рифмы по степени совпадения гласных и согласных звуков находятся между точными и неточными рифмами, поскольку в них совпадают только редуцированные согласные и ударные гласные, а не редуцированные гласные. Несмотря на то, что точная рифма господствует в русской литературе с XVIII в., использование приблизительных рифм также играло важную роль в русской поэзии: в былинах возникают эмбриональные рифмы, среди которых существуют и точные, и неточные, и приблизительные рифмы. В XVIII в. по причине формирования силлабо-тонического стихосложения под влиянием поэзии Ломоносова, использование приблизительных рифм и неточных рифм в литературе было редким явлением. Вслед за Державиным, который расширяет вольность русской рифмы под влиянием народной литературы, в первой половине XIX в. появляется тенденция употребления приблизительных рифм, более того, неточные рифмы часто заменяют приблизительными рифмами; зато в XIX в. приблизительные и неточные рифмы занимали не столь значительное место в русской поэзии. В лирике второй половины XIX века, в том числе в творчестве Тютчева и Некрасова, использование приблизительных рифм становится более частным явлением. С XX века русские поэты обращают всё больше внимания на неточные рифмы.

Согласно исследованию Жирмунского, в связи со своей фонетической характеристикой прибли-

тельные рифмы разделяются на следующие категории [3, с. 332].

I. Вольность на ударных гласных. К примеру, в русском языке буква «е» отражает разные звуки в различных позициях. Таким образом, несмотря на зрительное сходство, рифмующиеся слова с совершенно одинаковыми окончаниями создают приблизительные рифмы. Так, например, в рифмующейся паре слов *«откровенной – незаражённой»* («Раскаянье», Лермонтов, 1830–1831) первый звук среднего подъёма [э] более закрытый, поскольку находится в позиции после мягкого, а второй является [э] открытым, располагаясь между твёрдыми согласными.

II. Вольность на заударных гласных. Например, из-за качественной редукции заударных гласных, гласные «а», «о», «ы», «э» и «у» рифмуются между собой. Например, созвучие пары слов *«ивой»* и *«игривый»* («Цевница», Лермонтов, 1828) – приблизительная рифма. Подобно этому явлению слова с заударными гласными «е» и «и» также относятся к приблизительным рифмам. Более того, сочетания, в которых заударные гласные следуют за мягким звуком, считаются приблизительными рифмами. В этом случае существуют многочисленные рифмующиеся сочетания, включающие гласные «и», «ю», «я» и «е», сочетания *«ья–ье»*, *«её–ея»* и др. Например, *«свиданье – расстава-нья»* («В альбом Н. Ф. Ивановой», Лермонтов, 1832).

III. Вольность на согласных. С XIX в. замещение согласных «г» и «х» в рус-

ской поэзии считается приблизительной, а не точной рифмой. Например: «*друг – дух*» («1830 Год. Июля 15-го», Лермонтов, 1830). В XVIII и XIX вв. сочетания с кратким и долгим согласными, среди которых «*нн – н*», являются приблизительной рифмой. Например: «*небосклон – колонн*» («Вечер после дождя», Лермонтов, 1830). Более того, замещение парных твёрдых и мягких согласных используется в приблизительных рифмах. Например: «*боролось – голос*» («Моё грядущее в тумане ...», Лермонтов, год неизвестен). Особое место в этом ряду занимает явление усечения конечного согласного «й», являющееся важной составляющей правила построения приблизительных рифм в русском стихосложении. Например: «*безотрадной – жадно*» («Ветка Палестины», Лермонтов, 1837). В данной статье главным образом рассматривается явление усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах русской поэзии и анализируется его использование в лирике Лермонтова.

Усечение конечного согласного представляет собой эффективный способ рифмовки и часто встречается в заударном слоге, используемом в приблизительных рифмах. Поскольку «в ударном слоге звуки произносятся отчётливее и энергичнее» [5, с. 20], усечение конечных согласных обычно считается вольным для приблизительных рифм в заударных слогах. Усечённая рифма называется рифмой «с лишним согласным (реже – гласным) звуком в одном из её членов»¹. В прибли-

тельно рифмующихся словах русских стихотворений прежде всего проявляется усечение конечного согласного «й», и потом используется усечение других конечных согласных, что часто наблюдается в стихотворениях XX в. Например: «*омут – другому*» («Как умеет любить хулиган», С. Есенин, 1923). Тем не менее, в данной статье преимущественно анализируется использование усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах.

Использование усечения конечного согласного «й» наблюдается в следующих базовых графических сочетаниях: «*-ый – -ы*», «*-ой – -о*» и «*-ий – -и*»; и в других менее обычных: «*-ей – -е*» и «*-уй – -у*». Безударные окончания «*-ый*», «*-ой*», «*-ей*», «*-ий*» и «*-уй*» используются в прилагательных, существительных и глаголах: 1) «*-ый*» – окончание именительного падежа мужского рода единственного числа прилагательных, например: «*скорый*» («На серебряные шпоры ...», Лермонтов, 1833–1834); 2) «*-ой*» – окончание родительного, дательного, творительного и предложного падежей женского рода единственного числа прилагательных; окончание творительного падежа женского рода единственного числа существительных, например: «*прекрасной*» («Русская Мелодия», Лермонтов, 1829), «*сеткой*» («Жена Севера», Лермонтов, 1829); 3) «*-ей*» – окончание родительного, дательного, творительного и предложного падежей женского рода единственного числа прилагательных; окончание творительного падежа женского рода единственного числа и родительного падежа среднего рода множественного числа существительных; окончание повелительного наклонения

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. Кожевникова В. М., Николаева П. А. М: Советская энциклопедия, 1987. С. 458.

единственного числа, например: “*святыней*” («Гусар», Лермонтов, 1832); 4) “*-ий*” – окончание именительного падежа мужского рода единственного числа прилагательных; окончание именительного падежа мужского рода единственного числа, дательного падежа среднего рода множественного числа и родительного падежа женского рода множественного числа существительных, например: “*летучий*” («Бородино», Лермонтов, 1837), “*усилий*” («Последнее Новоселье», Лермонтов, 1841); 5) “*-уй*” – окончание повелительного наклонения единственного числа. Можно сказать, что использование вышеуказанных окончаний, например: “*сетуй*” («Острою секирой ранена берёза ...», А. Толстой, 1856), особенно “*-ый*”, “*-ой*” и “*-ей*” – существенно расширяет сферу выбора рифмующихся слов.

В женских и дактилических рифмах малых жанров существует не только усечение конечного согласного «й», которое более известно и популярно, но и других согласных. Например, усечение окончательного согласного «й» – “*возлюбленный – возлюблена*” («Ставёр Гоудинович»); усечение согласных – “*белокаменны – белокаменным*” («Три Поездки Ильи Муромца»). Из первого примера следует, что усечение конечного согласного «й» часто используется вместе с другими способами построения приблизительных рифм, таких как вольность сочетания долгого и краткого согласных и др. Как отмечает М. Гаспаров, рифма «была преимущественно грамматична» [2, с. 54], эта характеристика также выражается в усечении конечного согласного «й». Что касается происхождения этой рифмовой техники, то В. Жирмунский

считает, что её впервые использовали поэты в юго-западных виршах до конца XVI в. под польским влиянием и согласно графическому правилу написания рукописи этого времени, по которому окончание “*-ый*” именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных часто пишется как “*-ы*” [3, с. 327]. Например: “*милый – могилы*” («Стихи на Воскресенье Христово», Симеон Полоцкий).

В XVIII в. нормы точной рифмы и классической рифмовки были оформлены, однако усечение конечного согласного «й» встречается в стихотворениях Кантемира, Ломоносова и Державина как способ приблизительной рифмы. Тем не менее, в этот период рифмовку сочетаний типа “*-ый – -ы*” и “*-ий – -и*” считает допустимой большинство поэтов. Кантемир обращает больше внимания на окончания “*-ый – -ы*”, чем “*-ий – -и*” [4, с. 97], и использует их в рифмовке прилагательных. Например: “*любы – грубый*” («Сатира VIII на бесстыдную нахальчивость», А. Кантемир, 1739) и “*русски – узкий*” («Сатира на состояние сего света к солнцу», А. Кантемир, 1738). Один раз он даже использует сочетание “*-ой – -о*”: “*оплыло – унылой*” («Сатира V на человеческие злонравия вообще. Сатир и Перьерг», А. Кантемир, 1737). У Ломоносова есть схожие черты с Кантемиром; он усекает конечный «й» чаще после “*-ы*”, чем “*-и*”. По данным Жирмунского, в стихотворениях Ломоносова имеются 15 сочетаний “*-ый – -ы*” и только 5 сочетаний “*-ий – -и*” [3, с. 325]. В отличие от вышеназванных поэтов, Державин расширяет усечение в приблизительных рифмах. Более того, усечение конечных со-

гласных наблюдается в мужских рифмах Державина, несмотря на то что в XVIII в. оно считается вольным именно в женских рифмах. Он использует разные техники в приблизительных рифмах. Например: *“уединённый – царевны”* («Видение Мурзы», Державин, 1783).

В первой половине XIX в. на фоне повышения числа и видов приблизительных рифм, использование усечения конечного «й» становится более частым и закономерным. Сочетания *“-ый – -ы”, “-ий – -и”, “-ой – -о”, “-ей – -е”* и *“-уй – -у”*, которые все употребляют даже на современном этапе, уже появились в стихотворениях этого периода. Батюшков следует традиции Державина и преимущественно использует сочетания *“-ый – -ы”* и *“-ий – -и”*; у Жуковского несколько иначе: он использует все типы сочетаний, но отдаёт предпочтение использованию *“-ый – -ы”, “-ий – -и”* и *“-ой – -о”*. Например: *“далёко – одинокой”* («Светлана», Жуковский, 1808–1812), *“дубравы – кудрявый”* («Эолова арфа», Жуковский, 1810–1817), *“великий – Дария-владыки”* («Пиршество Александра, или Сила гармонии», Жуковский, 1812). В приблизительных рифмах Пушкина также часто наблюдаются различные типы усечения, среди которых Пушкин использует усечение конечного «й» чаще всего. По сравнению с Жуковским, который свободнее относится к усечению конечного «й», Пушкин преимущественно использует данное окончание в прилагательных разных форм и менее – в существительных. Например: *“смелый – пределы”* («Руслан и Людмила», Пушкин, 1817–1820), *“торопливо – молчаливой”* («Осгар», Пушкин, 1814),

“кельи – веселый” («К сестре», Пушкин, 1814).

В XIX в. поэты совершенствуют систему усечения разных типов с графической и фонетической стороны. Использование усечения конечного согласного «й» продолжается в стихотворениях Лермонтова; его современники также участвовали в этом процессе.

В стихотворениях Некрасова также появляется усечение конечного «й», например, *“мятежно – неизбежной”* («Псовая охота», Некрасов, 1850), *“обветшалый – покрывала”* («Мысль», Некрасов, 1838), *“цели – веселый”* («Безнадёжность», Некрасов, 1838); и усечения других типов, например, *“Христина – Фердинанд”* («Кабинет», Некрасов, 1843), которые напоминают державинские приблизительные рифмы [4, с. 168]. У Некрасова использование сочетаний *“-ый – -ы”* наблюдается реже, чем использование сочетаний *“-ий – -и”*. В приблизительных рифмах А. К. Толстого также есть примеры усечения конечного «й», например *“Василий – честили”* («Песня о Походе Владимира на Корсунь», А. Толстой, 1869), и редукции гласных, например: *“долу – тяжёлый”* («*** Ты знаешь край...», А. Толстой, 1840) и *“утробой – злобы”* («Мудрость жизни», А. Толстой, 1870). Он также использует менее строгие правила, например: *“великий – Брунзовика”* («Боривой», А. Толстой, 1870) и *“сегодня – пригодней”* («Садко», А. Толстой, 1872).

Несмотря на использование усечения конечного «й» в малых жанрах, в частушках этот приём не частый в связи с тем, что усечение конечного «й» характеризуется литературным стилем, однако на более позднем этапе в частушке можно встретить случаи

усечения других согласных и усечения внутри рифм [4, с. 191]. «Новое содержание требует новой формы» [7, с. 739], и в начале XX в. традиционные классические нормы приблизительных рифм претерпели сильные изменения. Феномен усечения конечного «й» главным образом существует в женских и дактилических рифмах русской литературы, тем не менее, в данный период его можно встретить в мужской рифме, например: *“избе – перебей”* («Без конца и без начала», Анненский, 1855). Отношение поэтов XX в. к нормам приблизительных рифм часто зависит от индивидуального стиля [3, с. 329], поэтому разные поэты проявляли свой стиль применительно к приблизительной рифме. Блок часто использует более традиционное усечение конечного «й» в своих приблизительных рифмах, например: *“уключины – приученный”* («Незнакомка», Блок, 1906) и *“деревни – древней”* («Коршун», Блок, 1916), хотя он не всегда следует традициям, используемым в начале XIX в. В силу развития неточной рифмы усечение конечного «й» используется не только в приблизительных рифмах, но и в неточных рифмах, например: *“помогите – тряпичей”* («Балаганчик», Блок, 1905).

После революции в «новой рифме» [1, с. 548], как Брюсов назвал неточную рифму, больше стали использоваться различные методы рифмовки, включающие замещение, перемещение и усечение (такие термины использует Д. Самойлов в «Книге о русской рифме» [4]). Однако поэты начала XX в. стремились к «расширению рифменного репертуара» [6, с. 256], и, по словам Н. С. Чигова, явление интервокального замещения в поэзии

наблюдалось чаще и количественно преобладало над явлением конечного усечения. Хлебников сознательно использует разные типы: и традиционные, и новые типы усечения в приблизительных и неточных рифмах. Хотя использование усечения конечного согласного «й» не является специфической особенностью стихотворений Хлебникова, примеры нередки, в частности: *“зачатий – печати”* («Азы из Узы», Хлебников, 1920) и *“частей – печати”* («Поэтические убеждения», Хлебников, 1921). Затем в стихотворениях Маяковского усечение стало выполнять значимую функцию в рифмовке, особенно в неточных рифмах. В данном случае можно встретить примеры его использования не только в женских, но и в мужских рифмах. Например: *“университета – этой”* («По городам Союза», Маяковский, 1927) и *“кррой – КРО”* («Солдаты Дзержинского», Маяковский, 1927). Включая усечение конечного согласного «й», Маяковский также использует усечение других конечных согласных в мужских рифмах и даже внутри рифмующих слов. Например: *“ветер – элевейтер”* («Бродвей», Маяковский, 1925). Как один из важнейших рифмовых методов, усечение конечного согласного «й» используют поэты в приблизительных рифмах и на современном этапе. Например: *“танцы – радиостанций”* («Не поставил никто не пароль ...», Валерия Мариненко, 2018)¹.

¹ Мариненко В. Не поставил никто на пароль... [Электронный ресурс] // Стихи.ру : [сайт]. URL: <https://www.stihi.ru/editor/2018/08/30/1442> (дата обращения: 27.11.2018).

Вместе с усечениями других согласных усечение конечного согласного «й» встречается в русской поэзии в малых жанрах и до XVIII в. В процессе развития в его использовании выявляются следующие тенденции: 1) с XVIII в. (чаще с середины XIX в.), использование приблизительных и неточных рифм увеличивается, таким образом, количество случаев усечения конечного согласного «й» также увеличивается; 2) на первоначальном этапе случаи усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах силлабо-тонических стихов наблюдаются только в женских и дактилических рифмах, а далее начинают появляться и в мужских рифмах; 3) впервые в усечении конечного согласного «й» в приблизительных рифмах стали использоваться сочетания “-ый – -ы” и “-ий – -и” в большинстве случаев, но далее явление усечения распространялось в русской поэзии по сочетаниям “-ей – -е”, “-ой – -о” и “-уй – -у” и также появляется в рифмах русских стихотворений; другими словами, усечение конечного согласного «й» появляется гораздо чаще: не только в прилагательных и существительных, но и в других грамматических формах; 4) несмотря на то что в XVIII в. усечение конечного согласного «й» редко

применяли с другими методами для приблизительных рифм, включая редукцию гласных и др., по мере развития стихосложения усечение конечного согласного «й» стали гораздо чаще использовать с другими методами рифмовки.

Как у большинства поэтов XIX в., точные рифмы господствуют в стихотворениях Лермонтова, а приблизительным рифмам и неточным рифмам отведено незначительное место. Несмотря на немногочисленные примеры использования приблизительных рифм в его лирике, на основе следующих данных можно прийти к заключению, что главной тенденцией использования приблизительных рифм в лирике Лермонтова является повышение их частотности, хотя на заключительном этапе (1841 г.) творчества поэта пропорция приблизительных рифм стремится в сторону уменьшения. После эпохи Державина, в начале XIX в., приблизительные рифмы реже используются Жуковским и Пушкиным, которые предпочитают традиционные точные рифмы, однако Лермонтов, как и его современники, а также, Тютчев, Некрасов и др., развивали тенденцию использования приблизительных рифм (см. табл. 1).

Таблица 1.
Количество приблизительных рифм в лирике Лермонтова

		Приблизительные рифмы	Пары рифм
Ранний период	1828	1 (3,33%)	30
	1829	27 (5,91%)	457
	1830–1831	30 (1,65%)	1815
	1832	15 (3,11%)	483
	1828–1832	73 (2,62%)	2785

		Приблизительные рифмы	Пары рифм
Второй и третий периоды	1833–1834	3 (10,71%)	28
	1836	0 (0%)	35
	1837	22 (12,09%)	182
	1838	9 (8,18%)	110
	1839	17 (11,81%)	144
	1840	32 (8,27%)	387
	1841	19 (5,83%)	326
	1833–1841	102 (8,42%)	1212
Не указано		15 (9,74%)	154
1828–1841		190 (4,58%)	4151

Лермонтов в своих стихотворениях использует различные способы рифмовки для формирования приблизительных рифм, основанных на фонетических изменениях согласных. Кроме усечения конечного согласного «й», он также применяет замещение согласных «г»–«х», замещение мягких и твёрдых согласных, сочетание краткого и долгого согласных, однако использование усечения конечного «й» встречается чаще, чем все остальные способы.

В целом, пропорция усечения конечного «й» в лирике Лермонтова – 2,05% (1828–1841), и эта доля значительно больше, чем у Пушкина и Некрасова.

[4, с. 167] Несмотря на то что в ранний период творчества Лермонтова усечение конечного «й» встречается весьма часто (77,55% в общем составе приблизительных рифм), эта пропорция ещё больше увеличивается до 85,11% после 1832 г. Стоит отметить, что Лермонтов два раза использует усечение конечного согласного «й» с сочетанием краткого и долгого согласных “-нн- – -н-”: “туманный – раны” («Дары Терека», Лермонтов, 1839) и “неизменный – Вены” («Последнее новоселье», Лермонтов, 1841). Однако количество таких случаев занимает всего 1,94% в его приблизительных рифмах (см. табл. 2).

Таблица 2. Главные рифмовые методы для согласных приблизительных рифм в лирике Лермонтова

	Вольность усечения конечного со- гласного «й»*	Вольность замещения согласных г–х**	Вольность замещения мягких и твёрдых со- гласных ***	Вольность сочетания краткого и долгого со- гласных ****	Вольность усечения/ замещения согласных (в прибли- зительных рифмах) *****
1828	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0
1829	18 (85,71%)	0 (0%)	1 (4,76%)	2 (9,52%)	21
1830–1831	17 (70,83%)	3 (12,5%)	2 (8,33%)	2 (8,33%)	24

	Вольность усечения конечного со- гласного «й»*	Вольность замещения согласных г-х**	Вольность замещения мягких и твёрдых со- гласных ***	Вольность сочетания краткого и долгого со- гласных ****	Вольность усечения/ замещения согласных (в прибли- зительных рифмах) *****
1832	3 (75%)	0 (0%)	1 (25%)	0 (0%)	4
1828–1832	38 (77,55%)	3 (6,12%)	4 (8,16%)	4 (8,16%)	49
1833–1834	1 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	1
1836	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	0
1837	12 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	12
1838	2 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	0 (0%)	2
1839	5 (100%)	0 (0%)	0 (0%)	1 (20%)	5
1840	11 (64,71%)	1 (5,88%)	3 (17,65%)	2 (11,76%)	17
1841	9 (90%)	0 (0%)	0 (0%)	2 (20%)	10
1833–1841	40 (85,11%)	1 (2,13%)	3 (6,38%)	5 (10,64%)	47
Не указано	7 (87,5%)	0 (0%)	1 (12,5%)	0 (0%)	8
Всего	85 (81,73%)	4 (3,85%)	8 (7,69%)	9 (8,65%)	104

* Например: «шпоры – скорый» («На серебряные шпоры ...», 1833–1834).

** Например: «моих – миг» («Прощанье», 1830–1831).

*** Например: «боролось – голос» («Моё грядущее в тумане ...», 1836/1837).

**** Например: «колонн – сон» («Сон», 1830–1831).

***** В некоторых стихах используется не только один способ, соответственно, количество замещений согласных меньше итогового количества всех видов рифмовки. Например: в сочетании «туманный – рань» («Дары Терека», 1839) Лермонтов использует и усечение конечного «й», и сочетание «-нн- – -н-» как сочетание краткого и долгого согласных, так что данные рифмующиеся слова считаются 2 раза.

Лермонтов использует и традиционные усечения «-ый – -ы», «-ий – -и» и «-ой – -о», и новое усечение «-ей – -е». Усечение «-ей – -е» встречается в его лирике начиная с 1832 г., например, в 1832 г. поэт использует его 2 раза: «ныне – святыней» («Гусар», Лермонтов, 1832), «столице – колесницей» («Опять, народные витии, ...», Лермонтов, год неизвестен). Несмотря на то что в XIX в. усечение «й» в сочетании «-уй – -у» уже появилось в стихотворениях Жуковского, оно не наблюдается в лирике Лермонтова. В целом, традиционные усечения господствуют в случаях усечения конечного соглас-

ного «й» – 97,65%, и среди них самое традиционное усечение «й» в «-ый – -ы» занимает около 25%, если начинать подсчёт с раннего периода творчества. Поэтому в аспекте использования традиционных и «новых» усечений, лермонтовские усечения конечного «й» в приблизительных рифмах более традиционны. По сравнению с Некрасовым, который использует усечения типа «-ий – -и» чаще «-ый – -ы», у Лермонтова, наоборот, частотны усечения «-ый – -ы» и «-ой – -о» (реже «-ой – -о» и «-ый – -о», наконец, «-ий – -и»).

Лермонтов стремится не только к графическому единству, но и к фо-

нетической вольности: тем более, Лермонтов часто использует усечение конечного согласного «й» с редукцией заударных гласных, поэтому в его лирике не только встречаются типичные усечения “-ый – -ы”, “-ой – -о”, но и усечения “-ый – -о”, и “-ой – -ы”. Такие приёмы встречаются в его стихотворениях, особенно он предпочитает использовать усечение “-ый – -о”, которое имеет равные показатели с использованием поэтом усечения “-ый – -ы”. В этом отношении Лермонтов свободнее использует усечение конечного согласного «й», несмотря на то что Некрасов, у которого также есть случаи усечения других заударных согласных и гласных, и А. К. Толстой, который использует усечение на форме “-ой – -и”, “-ий – -о” и др., ещё свободнее относятся к использованию

усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах. Лермонтов развивает свой индивидуальный стиль усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах.

В раннем периоде творчества Лермонтова усечение “-ий – -и” используется мало, а с 1837 г. частотность повышается, затем это количество становится гораздо меньше по сравнению со случаями усечения “-ый – -ы (-о)”, Некрасов же использует усечение “-ий – -и” чаще, чем усечение “-ый – -ы”. В целом, пропорция использования усечения “-ый – -ы” в лирике Лермонтова не столь сильно меняется на протяжении всех этапов творчества, а использование усечения “-ий – -и” повышается с 5,3% до 30%, однако усечение “-ой – -о (-ы)” уменьшается с 36,8% до 15% (см. табл. 3).

Таблица 3. Усечение конечного согласного «й» для приблизительных рифм в лирике Лермонтова

	-ый – -ы	-ый – -о	-ий – -и	-ой – -о	-ой – -ы	-е – -ей	Всего
1828							0
1829	6 (33,3%)	3 (16,7%)	2 (11,1%)	6 (33,3%)	1 (5,6%)		18
1830–1831	2 (11,8%)	8 (47,1%)		7 (41,1%)			17
1832	1 (33,3%)	1 (33,3%)				1 (33,3%)	3
1828–1832	21 (55,3%)		2 (5,3%)	14 (36,8%)		1 (2,6%)	38
	9 (23,7%)	12 (31,6%)		13 (34,2%)	1 (2,6%)		
1833–1834	1 (100%)						1
1836							0
1837	4 (33,3%)	4 (33,3%)	3 (25%)	1 (8,3%)			12
1838	1 (50%)	1 (50%)					2
1839	3 (60%)		1 (20%)	1 (20%)			5
1840	1 (9,1%)	4 (36,4%)	6 (54,5%)				11
1841	1 (11,1%)	2 (22,2%)	2 (22,2%)	4 (44,4%)			9
1833–1841	22 (55%)		12 (30%)	6 (15%)			40
	11 (27,5%)	11 (27,5%)		6 (15%)			
Не указано	2 (28,6%)	2 (28,6%)	2 (28,6%)	1 (14,3%)	1 (14,3%)		7*
Всего	50 (58,8%)		16 (18,8%)	23 (27,1%)		2 (2,4%)	85
	22 (25,9%)	25 (29,4%)		20 (23,5%)	3 (3,5%)		

* В стихотворении «(Опять, народные витии, ...)» рифмуются слова “Фабриций – столице – колесницей”. В этом случае есть два сочетания усечения конечного «й»: “-ий – -е” и “-е – -ей”.

В своих стихотворениях Лермонтов сравнительно симметрично использует мужские и женские рифмы, а также малочисленные дактилические рифмы. Несмотря на то что во всех его стихотворениях мужские рифмы используются чаще, чем женские, в лирике Лермонтова не наблюдается усечения конечного согласного «й» в мужских или в дактилических рифмах.

В большинстве приблизительных рифм с усечением конечного согласного «й» рифмующиеся слова с окончанием “-й” являются прилагательными. Во всех 85 сочетаниях существуют только 10 существительных (11,8% во всех сочетаниях с усечением), среди которых 4 существительных творительного падежа женского рода единственного числа с окончанием “-ой” (17,4% в усечении “-ой”) и 6 существительных родительного падежа среднего рода множественного числа с окончанием “-ий” (37,5% в усечении “-ий”). Кроме этих существительных остальные приблизительные рифмы с усечением конечного согласного «й» представляют собой прилагательные разных падежей мужского и женского рода единствен-

ного числа. Лермонтов сознательно использует этот «новый» тип усечения. Например: “увеселений – тени” («Три ведьмы», Лермонтов, 1829) и “украдкой – сладко” («Казачья колыбельная песня», Лермонтов, 1840). В его стихотворениях не только встречается новый тип усечения, но и старая традиция усечения с одинаковым родом, которая репрезентована в малых жанрах, например, “право – правый” («Валерик», Лермонтов, 1840).

В лирике Лермонтова наблюдаются многочисленные и разнообразные приблизительные рифмы с усечением конечного согласного «й». Как поэт первой половины XIX в., Лермонтов относился к усечению конечного согласного «й» в приблизительных рифмах более радикально, чем А.С. Пушкин, но и более консервативно, чем Н.А. Некрасов и А.К. Толстой. В целом, данная рифмовка у Лермонтова – это некий баланс между традицией и новаторством. В аспекте типа и грамматического использования усечения конечного согласного «й» Лермонтов тяготеет к традиции, а в аспекте количества и конкретного использования – к новаторству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. Статьи и рецензии. Далёкие и близкие. М.: Художественная литература, 1973. 656 с.
2. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. СПб.: Пальмира, 2017. 351 с.
3. Жирмунский В. М. Теория стиха. Л.: Советский писатель (Ленинградское отделение), 1975. 664 с.
4. Самойлов Д. Книга о русской рифме. М.: Художественная литература, 1982. 351 с.
5. Холшевников В. Е. Мысль, вооружённая рифмами. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. 447 с.
6. Чижов Н. С. Поэзия Ивана Жданова: проблемы поэтики: дис ... канд. филол. наук. Тюмень, 2016. 163 с.
7. Штайн К. Э. Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса: в 4 т. Т. 4. Реализм. Социализм. Постмодернизм. М.: ФЛИНТА, 2016. 984 с.

REFERENCES

1. Bryusov V. Ya. *Sobranie sochinenii v 7 t. T. 6. Stat'i i retsenzii. Dalekie i blizkie* [Collected works in 7 vol. Vol. 6. Articles and reviews. Far and close]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973. 656 p.
2. Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha* [Essay on the history of Russian verse]. St. Petersburg, Pal'mira Publ., 2017. 351 p.
3. Zhirmunskii V. M. *Teoriya stikha* [The theory of verse]. Leningrad, Sovetskii pisatel (leningradskoe otделение) Publ., 1975. 664 p.
4. Samoilov D. *Kniga o russkoi rifme* [The book about Russian rhyme]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 351 p.
5. Kholshevnikov V. E. *Mysl', vooruzhennaya rifmami* [Thought armed with rhymes]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1983. 447 p.
6. Chizhov N. S. *Poeziya Ivana Zhdanova: problemy poetiki: dis. ... kand. filol. nauk* [The poetry of Ivan Zhdanov: problems of poetics: PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2016. 163 p.
7. Shtain K. E. *Tri veka russkoi metapoetiki: Legitimizatsiya diskursa: v 4 t. T. 4. Realizm. Sotsializm. Postmodernizm* [Three centuries of Russian metapoetic: the Legitimation of discourse: in 4 vols. Vol. 4. Realism. Socialism. Postmodernism]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 984 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хэ Фань – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: mewmewsoup@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

He Fan – postgraduate student at the Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mewmewsoup@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Хэ Фань. Явление усечения конечного согласного «й» в приблизительных рифмах русской поэзии и лирики Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 89–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-89-100

FOR CITATION

He Fan. The phenomenon of truncation of the final consonant “й” in approximate rhymes in Russian poetry and in the poetry of Lermontov. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 89–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-89-100

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-101-108

РОМАН И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» В КИТАЕ: ИЗУЧЕНИЕ И ПЕРЕВОДЫ¹

Чэнь Яньсю*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье выявлены существующие в Китае переводы романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», выделены самые знаковые и неоднократно переиздаваемые. Предложен краткий обзор современных научно-критических источников о романе «Дворянское гнездо», который позволяет понять круг интересов китайских исследователей, связанных с изучением и переводами этого текста в Китае. Новизна статьи заключается в том, что в ней впервые систематизированы почти все существующие китайские переводы «Дворянского гнезда» и проанализирована динамика восприятия и оценок этого романа в Китае.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Дворянское гнездо», переводы, рецепция, Китай.

I. TURGENEV'S NOVEL "THE NOBLE NEST" IN CHINA: STUDY AND TRANSLATIONS²

Chen Yanxiu*Lomonosov Moscow State University**1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the translations of the novel "The Noble Nest" by I. Turgenev that exist in China, highlights the most significant and repeatedly reprinted of them. It presents the brief review of contemporary scientific and critical sources about the novel "The Noble Nest", which allow us to understand the range of interests of Chinese researchers, associated with the study and translations of this text in China. The novelty of the article lies in the fact that it not only specifically systematized for the first time almost all the existing Chinese translations of "The Noble Nest", but also analyzed the dynamics of perceptions and assessments of the Chinese scientists of this novel in China.

Keywords: I. Turgenev, "The Noble Nest", translations, study, China.

Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» за последние 60–80 лет был переведён на китайский язык разными переводчиками более двадцати раз. Стоит отметить, что общая картина, связанная с проблемой перево-

© СС ВУ Чэнь Яньсю, 2019.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на конференции «Его величество язык её величества России (к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева)»

² The article is based on a report at the conference "His Majesty the language of Her Majesty Russia (on the 200th anniversary of the birth of I. S. Turgenev)"

дов сочинений Тургенева 1850-х гг., уже становилась предметом научного интереса в диссертации Тао Ли, однако сведения о переводах романа «Дворянское гнездо» на китайский язык были неполными и, к сожалению, неточными [см.: 2]. Большое количество существующих переводов «Дворянского гнезда» свидетельствует об особом интересе китайских читателей к этому роману.

В 1915 г. произведения Тургенева впервые появились в Китае. Сначала было опубликовано несколько фрагментов из «Стихотворений в прозе» в переводе Лю Баньнун – «Ши», «Дурак», «Маша», «Нищий». Повести и романы к китайскому читателю на родном языке пришли гораздо позже, и они были сделаны с немецкого или английского языков, поскольку русский язык был малоизвестен в Китае.

После движения «Четвёртого мая» 1919 г. переводческая деятельность в Китае активизировалась, стали появляться многочисленные переводы сочинений Тургенева, не стал исключением и роман «Дворянское гнездо». С этого момента и до создания нового Китая (1949 г.) появилась серия переводов этого романа. Первый перевод был осуществлён Гао Тао и увидел свет в 1929 г. (а не в 1933 г., как заявлено в работе Тао Ли) в Коммерческом издательстве в Шанхае¹. Затем появились следующие переводы: Си Дичень (Современный издательский дом, 1931); Ли Ни (Культурная жизнь, 1937); Хэ Ицин (Издательство театрального искусства, 1940); Фу Чэнь

(Центральный книжный магазин, 1943). Мы можем считать переводы этого времени первым этапом в истории рецепции романа «Дворянское гнездо» в Китае. Все они были сделаны с английского языка и в немалой степени были мотивированы интересом к проблематике романа «Дворянское гнездо», в котором поднимался вопрос о выборе Россией своего пути. Новый Китай в те годы столкнулся с похожей проблемой – следовать западной модели развития или сохранить национальные координаты в своём движении вперёд.

В этом плане показательным может быть перевод романа Тургенева, осуществлённый Ли Ни², который неоднократно затем переиздавался (1955, 1981, 1994, 2000) и до сих пор ещё считается одним из самых авторитетных переводов «Дворянского гнезда» в Китае. Ли Ни переводил с английского языка, обращаясь к четырём известным вариантам перевода, а также сверяя английские источники с французскими и японскими. Свой интерес именно к «Дворянскому гнезду» Ли Ни выразил в предисловии к публикации романа, обозначив в нём, что Тургеневу удалось в этом сочинении примирить западные идеи с национальными традициями [см.: 3].

В сложные годы культурной революции (1966–1976) переводческая деятельность в Китае фактически была приостановлена. Только в 1979 г. появился новый перевод «Дворянского гнезда», осуществлённый Цзянь Зие (Тайвань: издательство «Дахан»).

¹ 屠格涅夫，贵族之家，高滔译，上海：商务印书馆，1929年，341页（Тургенев И. С. Дворянское гнездо / пер. Гао Тао. Шанхай: Коммерческий Пресс. 1929. 341 с.)

² 屠格涅夫，贵族之家，丽尼译，上海：文化生活出版社，1937年，349页（Тургенев И. С. Дворянское гнездо / пер. Ли Ни. Шанхай: Культурная жизнь. 1937. 349 с.)

Затем возникла целая серия переводов романа Тургенева: Ван Цзиньлин (Пекин: Народное литературное издательство, 1983); Хуан Вэйцзин (Шаньдун: Шаньдунское народное издательство, 1983); Чжао Сюйнь (Сычуань: Сычуаньское издательство культуры и искусства, 1986); Шень Няньцзюй (Гуйлинь: Издательский дом Лицзянь, 1991); Лэй Жань (Чжэцзян: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1991); Линь На (Чжэцзян: Чжэцзянское издательство литературы и искусства, 1991); Фэй Цинь (Цзянсу: издательство «Илинь», 1994); Дай Цон (Шанхай: Шанхайское издательство перевода, 1994); Ван Ляо (Гуандун: «Хуачэн» издательство, 1996); Лю Луньдзэнь (Шаньси: Северное горное издательство культуры и искусства, 1996); Ян Яньсун (Хайнань: Хайнаньское международное журналистское издательство, 1997); Чжан Цзяньхуа (Пекин: Образовательное и исследовательное издательство иностранных языков, 1999); Ван Цзяньфу и Лу Гон (Гуандун: Нововековое издательство, Пекин: Китайское мировое издательство, 1999). Эти переводы могут считаться вторым этапом в переводческом осмыслении романа «Дворянское гнездо» в Китае.

В этот период переводы осуществляются уже с русского языка, то есть с оригинала, поскольку переводчики уже хорошо знают русский язык. Например, одна из переводчиков, Ван Цзиньлин, была профессором и специалистом в области русской литературы Института литературы Народного университета Китая. Другая переводчица, Чжао Сюйнь, была заместителем директора института советской восточно-европейской

литературы Китайской академии общественных наук. Она окончила филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Переводчица Лэй Жань также известный специалист по русской литературе, она работала редактором в известном издательстве «Народная литература». Дай Цон – выпускник университета иностранных языков Восточно-Китайского военного округа по специальности «русский язык». Он работал в ряде известных издательств («Народная литература», «Шанхайская литература и искусство» и др.).

Как правило, большинство переводов романа «Дворянское гнездо» сопровождалось предисловиями переводчиков, в которых они подчас профессионально, как литературные критики, отмечали важные проблемные и художественные грани романа. Более всего в этот период «Дворянское гнездо» привлекает китайских переводчиков личной историей главных героев романа, они обращают внимание на любовную трагедию, на характеры персонажей и мастерство Тургенева-психолога и стилиста [см.: 1]. По сравнению с первыми переводами «Дворянского гнезда», переводчики второго этапа обратили больше внимания на скрытый в романе Тургенева трагизм, на культурные и художественные аспекты. Китайский читатель знакомился с неповторимой русской культурой XIX века, которая представлялась ему новым явлением. Надо сказать, что интерес переводчиков к роману в этот период связан с поворотами в культурном развитии Китая.

С момента, когда Китай вступил в XXI век, и до настоящего времени,

наметилась тенденция, свидетельствующая о возрождении интереса к «Дворянскому гнезду», о чём говорят многочисленные новые переводы романа: Лу Юйчжао (Внутренняя Монголия: Детское издательство во Внутренней Монголии, 2001); Фэн Джэнь (Хунань: Хунаньское издательство культуры и искусства, 2001); Ши Зонбинь (Пекин: Китайское драматическое издательство, 2002); Чжи Лян (Ухань: Издательство литературы и искусства имени реки Янцзы 2006); Янь Сяохун (Гирин: Гиринское издательство, 2010); Вэнь Лян (Внутренняя Монголия: Народное издательство во Внутренней Монголии, 2011); Лю Шумэй (Харбин: Северное издательство культуры и искусства, 2013); Чэнь Хань (Аньхой: Издательство при Аньхойском педагогическом университете, 2014); Сяо Бай (Цзянси: издательство «Байхуачжоу», 2015); Лю Жуо (Цзянси: Цзянсиское образовательное издательство, 2016). Такова ситуация с переводами романа «Дворянское гнездо» Тургенева в Китае. Переводческая традиция в стране складывалась так, что существует много переводов тех сочинений, которые востребованы обществом. Большое количество переводов «Дворянского гнезда» как раз об этом и свидетельствует.

Изучение романа «Дворянское гнездо» в Китае тесно связано с переводческой активностью. Кратко осветим основные проблемы, которые интересуют китайских учёных в последнее время. Прежде всего, это центральные герои романа – Лиза Калитина и Лаврецкий. Последний трактуется как «лишний человек», т. е. классический образ русской реалистической литературы XIX в. Учёные считают, что

«лишний человек» является центром и главной идеей «Дворянского гнезда».

Так, Сунь Юйцзюань в своей статье «Лаврецкий – лишний человек в “Дворянском гнезде”» [8] хотя и отметила, что среди учёных нет чёткого понимания того, является ли Лаврецкий «лишним человеком» и что к окончательному мнению учёные не пришли, всё же сама считает, что Лаврецкий к этому типу относится. Сунь Юйцзюань полагает, что этот герой Тургенева унаследовал некоторые характеристики предыдущего поколения «лишних людей», хотя в некоторой степени он уже другой. Вот что пишет исследовательница: «Он [Лаврецкий. – Ч. Я.] также принадлежит к древнему дворянскому роду. Однако он не получил нормального и систематического образования из-за отца. То, как и чему он учился, было не полезно для практики и жизни. Как дворянин, он не смог войти в свой социальный круг. Он плохо общался с другими людьми и никогда не думал об общественных проблемах. И в любви к Лизе он никогда не выражал своих чувств и никогда не хотел предпринять практических действий, чтобы бороться, он всегда был фаталистом. Эти особенности героя разочаровывают читателей. Его характер позволяет нам сказать, что Лаврецкий является лишним человеком» [8, с. 31].

Другой учёный, Чэнь На, в своей статье «Изучение образа лишнего человека в романе “Дворянское гнездо”» [9] не только проанализировал причины, по которым Лаврецкий был лишним человеком, но и указал, как Тургенев изобразил «лишность». По его мнению, Тургенев сделал это через отношение Лаврецкого к любви: «В своей семейной катастрофе,

Лаврецкий не выбрал развод, не выбрал поединок с соперником, чтобы сохранить своё достоинство, но решил бежать, оставил предавшую его жену и лицемерно сохранил раковину брака. В любви к доброй и красивой Лизе он не проявил инициативы, а дал Лизе право решающего голоса, который в конечном итоге привёл к трагедии. Через его отношение к браку и любви мы можем увидеть характер Лаврецкого и особенность этого «лишнего человека» – он эгоистичный и слабый» [9, с. 68]. Одновременно Чэнь На отметил, что причиной недостатков Лаврецкого стала старая аристократическая система образования и указал, что она разрушает человека: «Дворянское образование искажало хорошие свойства в людях. Его результатом является религиозность Лизы, терпение, послушание и отрицательное бездействие Лаврецкого» [9, с. 68]. Однако Чэнь На полагает, что хотя Лаврецкий и является «лишним человеком», он не совсем похож на других «лишних людей». В некоторой степени он лучше, чем предыдущие поколения «лишних людей», т. е. чем Онегин и Печорин, потому что «сердце Лаврецкого было полно энтузиазма. Он желал пожертвовать собой ради общественных интересов. Однако он знал, что нужно делать что-нибудь, но не знал точно, что именно нужно делать» [9, с. 69].

Образу Лизы Калитиной также всегда уделялось большое внимание в работах китайских учёных. Его считают классическим женским образом Тургенева. Лиза всегда воспринималась как чистая, нежная, красивая, типичная русская девушка. Она неизменно производила глубокое впечатление на китайских читателей. Однако у этой

ангельской девушки была трагическая судьба. Учёный Лу Вэнтинь в своей статье «Трагедия любви Лизы в романе “Дворянское гнездо”» [5] проанализировала её причины. Она считает, что важны два момента: аспект Лизы и аспект Лаврецкого. Если говорить о первом, то на Лизу в детстве сильно повлияла её кормилица. «Согласно Лизе, счастье в мире не зависит от самого человека, а от воли Бога. Она убеждена, что недопустимо нарушать существующие нормы в обмен на личное счастье. Лиза думает, что их с Лаврецким счастье принесёт жене и дочери Лаврецкого несчастье. Лиза полагает, что если она так сделает, то она будет виновата, потому что, по её мнению, брак целиком в воле Божьей. Согласно религии, женщина, любящая женатого мужчину, будет виновата» [5, с. 175]. Вторая причина – сам характер Лаврецкого. Герой чувствует противоречие между личным счастьем и социальными обязательствами, осуждает своё стремление к первому и забывает последнее. «Лаврецкий считает, что у него нет права искать счастья, и он думает, что люди вокруг его несчастливы, поэтому он не имеет права требовать реального и полного счастья. Объективно говоря, Лаврецкий желает личного счастья, но, к сожалению, социальная среда не даёт ему такой возможности» [5, с. 176].

Мы перечислили ключевые взгляды китайских учёных на роман «Дворянское гнездо» и их оценки центральных персонажей. Кроме этого, исследователей всегда привлекал художественный стиль романа и психологизм. Тургеневский стиль оказал большое влияние на китайских писателей, что не могло не интересовать и исследователей.

Поэтому в Китае этому аспекту творчества Тургенева в целом и этому роману в частности всегда уделялось особое внимание. Например, исследователь Су Хуэй в статье «Психологическое описание Тургенева в романе “Дворянское гнездо”» [7] свою исследовательскую задачу решает именно на материале романа «Дворянское гнездо». Су Хуэй считает, что важная особенность психологического описания у Тургенева состоит в том, что писатель фокусируется на выявлении результатов умственной деятельности, а не на процессе умственной деятельности. «Когда Лаврецкий понял, что он полюбил в Лизу и начал размышлять об этом и мечтать, он внезапно обнаружил в газете известие о смерти своей жены. Тургенев не уточнил, что он думал, но написал, что он прогуливался в саду и шёл туда-сюда по той же аллее, до рассвета. Хотя Тургенев только зафиксировал результаты внутренней деятельности героя – исполнение действия, но читатель может представить себе его сложное настроение» [7, с. 17]. Су Хуэй отметил и другую особенность психологического описания Тургенева: изобразить психическую деятельность через музыку и природу. «Когда Лиза и Лаврецкий вместе обмениваются чувствами, природа становится бесконечно тёплой, очаровательной, сердечной и подвижной. Автор не сразу сказал, как рады Лаврецкий и Лиза, а подробно описал природу. Читатели смогут сами думать о том сладком чувстве, которое возникает между Лизой и Лаврецким» [7, с. 18].

Остановимся кратко и на других критических работах китайских исследователей о «Дворянском гнезде» с точки зрения их интереса к иным аспектам романа.

Чжи Лян, как переводчик этого романа, выразил своё мнение о нём. Он высоко оценил и автора, и само произведение. По его мнению, роман «Дворянское гнездо» является не только романом о личной любви, но и глубоким реалистическим сочинением, в котором высказалось время. Судьба, любовный опыт, радость и горечь каждого персонажа были тесно связаны с реальной исторической ситуацией. Характер персонажей, по мнению переводчика, соответствует характеру эпохи. В истории мировой культуры и литературы очень редко встречаются такого рода шедевры, каким является роман «Дворянское гнездо», в котором идейные течения своего времени выражены с помощью образного мышления. Это очень важная причина, по которой этот роман считается величайшим шедевром [см.: 10].

Другой учёный, Гон Сяоцзюнь, также высоко оценил эстетические взгляды Тургенева в романе «Дворянское гнездо». Он считал, что у Тургенева-стилиста важны три вещи: «Во-первых, решать конфликт между любовью и этикой через описание природы и музыки. Во-вторых, решать конфликт между любовью и разумом через спокойствие религии. В-третьих, соединять движение и тишину» [4, с. 125].

Учёный Су Лицзе тоже восхищался мастерством Тургенева в этом романе: «Тургенев – выдающийся, талантливый мастер искусств, уникальный писатель в плане совершенства художественного стиля, он не только хорошо разбирался в тонком психологическом описании, но и умел хорошо выражать чувства. В его романах всегда имеют место строгая структура, компактный сюжет, яркие персонажи и прекрас-

ное описание природы. Тургенев всего себя посвятил литературе. Он является мастером между мастерами» [6, с. 60].

Таков краткий анализ ситуации с переводами и современным состоя-

нием изучения романа «Дворянское гнездо» в Китае. Мы коснулись далеко не всех аспектов, но самых важных и существенных для китайской науки о творчестве Тургенева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А., Чэнь Яньсю. «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева в оценке переводчицы Лэй Жань: к вопросу о рецепции романа в Китае // Научный диалог. 2019. № 2. С. 143–157.
2. Тао Ли. Принципы художественной характерологии и типология женских образов в романах И. С. Тургенева 1850-х годов: дис ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 123 с.
3. Чэнь Яньсю. Предисловие к переводу романа «Дворянское гнездо»: Ли Ни как переводчик и интерпретатор Тургенева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-4(78). С. 57–60.
4. 龚小君, 《贵族之家》审美分析 // 湘潭大学学报, 第S1期, 湖南: 湘潭大学, 1987, 第125页.
5. 路文亭, 析《贵族之家》中丽莎的爱情悲剧//时代报告, 河南: 时代报告出版社, 2013, 第175–176页.
6. 苏丽杰, 诗意的笔调、细腻的描写、凄婉的爱情——谈屠格涅夫的《贵族之家》及其创作风格 // 今日科苑, 第3期, 北京: 中国科学技术工作者协会, 2006, 第60页.
7. 苏晖, 从《贵族之家》看屠格涅夫的心理描写//高等函授学报, 第6期, 湖北: 华中师范大学, 1998, 第17–18页.
8. 孙玉娟, 浅析《贵族之家》中的多余人——拉夫列茨基//北方文学, 黑龙江: 黑龙江省作家协会, 2014, 第31–32页).
9. 陈纳, 《贵族之家》中的多余人形象浅论//文学理论研究, 山东: 山东省艺术研究所, 2007, 第68–69页.
10. 智量, 译者小引//屠格涅夫 贵族之家, 广东: 花城出版社, 2013, 第1–6页.

REFERENCES

1. Belyaeva I. A., Chen Yanxiu [“The Noble Nest” of I. S. Turgenev in Assessing Translator Lei Ran: on the Issue of the Novel Reception in China]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2019, no. 2, pp. 143–157.
2. Tao Li. *Printsipy khudozhestvennoi kharakterologii i tipologiya zhenskikh obrazov v romanakh I. S. Turgeneva 1850-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of artistic characterology and typology of female images in the novels by I. S. Turgenev of the 1850s: PhD thesis in Philological Sciences]. Volgograd, 2002. 123 p.
3. Chen Yanxiu [Preface to the translation of the novel “A nest of gentlefolk”: Li Ni as a translator and interpreter of Turgenev]. In: *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2017, no. 12-4 (78), pp. 57–60.
4. 龚小君, 《贵族之家》审美分析 // 湘潭大学学报, 第S1期, 湖南: 湘潭大学, 1987, 第125页.
5. 路文亭, 析《贵族之家》中丽莎的爱情悲剧//时代报告, 河南: 时代报告出版社, 2013, 第175–176页.
6. 苏丽杰, 诗意的笔调、细腻的描写、凄婉的爱情——谈屠格涅夫的《贵族之家》及

- 其创作风格 // 今日科苑, 第3期, 北京: 中国科学技术工作者协会, 2006, 第60页.
7. 苏晖, 从《贵族之家》看屠格涅夫的心理描写//高等函授学报, 第6期, 湖北: 华中师范大学, 1998, 第17-18页.
 8. 孙玉娟, 浅析《贵族之家》中的多余人——拉夫列茨基//北方文学, 黑龙江: 黑龙江省作家协会, 2014, 第31-32页).
 9. 陈纳, 《贵族之家》中的多余人形象浅论//文学理论研究, 山东: 山东省艺术研究所, 2007, 第68-69页.
 10. 智量, 译者小引//屠格涅夫 贵族之家, 广东: 花城出版社, 2013, 第1-6页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чэнь Яньсю – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: chenyanxiu001@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Yanxiu – postgraduate student at the Department of the History of Russian literature at Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: chenyanxiu001@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чэнь Яньсю. Роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в Китае: изучение и переводы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 101–108.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-101-108

FOR CITATION

Chen Yanxiu. I. Turgenev's novel "The noble nest" in China: study and translations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 101–108.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-101-108

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ О ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ С. МОЗМА В РОМАНЕ «БРЕМЯ СТРАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ»

Юркина А. Ю.*Московский государственный областной университет**41014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности повествования – жанровые и композиционные – в романе «Бремя страстей человеческих», на основе анализа оценок, высказанных английскими и американскими литературоведами. Мозм, несмотря на традиционную форму произведения, линейность повествования, выходит за рамки классических жанров, а также реализма. Автобиографичность и психологизм повествования, scrupulousness в изображении внутренних переживаний героя, а также художественных деталей определяют своеобразие авторских стратегий романиста, создают впечатление очень откровенного диалога с читателем и являются залогом популярности произведения.

Ключевые слова: стратегии повествования, роман становления, реализм, психологизм, автобиографичность, жанровая диффузия.

ENGLISH AND AMERICAN LITERARY CRITICS' VIEWS ON NARRATIVE STRATEGIES IN THE NOVEL "OF HUMAN BONDAGE" BY S. MAUGHAM

A. Yurkina*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the specifics of the novel "Of Human Bondage" – its genre and composition as viewed by English and American literary critics. The author, though sticks to a traditional form, linear narrative, goes beyond classical genres as well as realism. Autobiographical and psychological aspects of the novel, scrupulousness in telling about Philip's feelings, which define author's narrative strategies, make an impression of a very candid dialogue with the reader guaranteeing the popularity of the writing.

Keywords: narrative strategies, bildungsroman, realism, psychology, autobiography, genre diffusion.

Роман «Бремя страстей человеческих» был опубликован в Великобритании в 2015 г. и вошёл в сотню лучших рома-

нов, написанных на английском языке, по версии английских и американских издательств.

Первоначально роман назывался “The Artistic Temperament of Stephen Carey” и был перенасыщен автобиографическими подробностями, затем “Beauty from Ashes” (цитата из пророка Исайи). Однако, обнаружив, что это заглавие уже было использовано, Моэм взял название одной из глав «Этики» Спинозы. Роман был опубликован в год, когда вышли в свет многие произведения на английском языке, ставшие классикой: “The Good Soldier” Форда Мэдокса Форда, “The Thirty Nine Steps” Джона Бучана, “The Rainbow” Д. Лоуренса, а также романы В. Вульф, Д. Конрада и др.

Первоначальный вариант романа был написан Моэмом в 1897 г., в возрасте двадцати трёх лет, по окончании пятилетней учёбы в госпитале Св. Фомы, во время путешествия по Испании. Моэм отправил его издателю, однако в публикации ему было отказано. Он отложил роман и стал писать для театра. Вскоре после первого успеха – пьесы «Леди Фредерик» – на подмостках лондонских театров одновременно шли четыре пьесы Моэма.

В автобиографическом труде «Подводя итоги» (“The Summing Up”, 1938) Моэм писал, что его, успешного драматурга, неотступно преследовали мучительные воспоминания о прошлом, а после публикации книги он навсегда освободился от них¹. Писатель настаивал, однако, что его произведение – не автобиография, а автобиографический роман, где факты смешаны с вымыслом, чувства были его собственные, но события взяты частью из жизни людей, которых он знал².

¹ Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 198–199.

² Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 199.

В «Бремени страстей человеческих» изображены детство и юность героя, период его взросления. Хотя у Моэма к моменту публикации романа сложилась собственная концепция романного жанра, «Бремя страстей» не вполне соответствовало ей. Если в прежних произведениях, пишет современник Моэма критик Дж. Гулд (J. Gould), Моэм показал свою способность создавать завершённые конструкции и блестящее владение остроумным слогом, то в данном романе нет ни того, ни другого: “The succession of incidents is almost wantonly casual ... The conversations and descriptions are often amazingly vivid, but seldom amusing; several characters are introduced who, we are given to understand, talk brilliantly, but Mr. Maugham does not allow them to talk in the least brilliantly”. Критик подчёркивает отступление писателя от рационалистической схемы построения сюжета, особую роль деталей, придающих дополнительный смысл повествованию, когда изображение жизни редуцируется настолько, чтобы соответствовать точке зрения повествователя [12].

Тем не менее, в романе нашли воплощение принципы и стратегии повествования, характерные для творчества писателя в целом. Биограф и исследователь творчества Моэма Э. Кёртис (A. Curtis) отмечает его безошибочную способность писателя находить темы, которые не являлись злободневными, однако были значимыми для широкой аудитории, и браться за них с мастерством рассказчика [8, р. 4]. Литературовед подчёркивает свойства, которые сближают писателя Моэма с традициями английской литературы XVIII в. – хладнокровие, уравновешен-

ность, иронию, стремление «вскрывать» общественные предрассудки и ложь. Он также указывает на связь творчества Моэма с традициями французского реализма. Произведения Моэма, полагает Кёртис, можно всегда «узнать», потому что они несут на себе яркую печать автора – писателя-профессионала; “a creature who is witty, courteous, gentlemanly, commonsensical, skeptical, agnostic, hedonistic, totally absorbed in the technique of his craft” [8, p. 4].

Роман «Бремя страстей человеческих», по классификации М. М. Бахтина, является автобиографическим реалистическим романом становления и содержит много личного – переживаний и эмоций, – что создаёт эффект реалистической достоверности и искренности, которая воздействует на читателя, увлекает его.

Английский писатель, публицист, литературовед Роберт Маккрам (Robert McCrum) видит в откровенности автора и автобиографичности романа фактор его успеха у английских читателей, которые, как правило, в подростковом возрасте знакомятся с романом, «проглатывают» его с жадностью, в том числе потому, что Моэм столько вложил самого себя в сюжет и своего “strangely sympathetic protagonist”. Литературовед связывает Моэма-романиста с традициями автора «Дэвида Копперфилда», который черпал вдохновение в собственной жизни; указывает на беспощадность, присущую обоим авторам в изображении собственных переживаний [10]. Действительно, автобиографичность и предельная откровенность изображения внутреннего мира героя становятся основой авторской стратегии в романе.

Американский писатель, культуролог и литературовед Б. Демотт (Benjamin DeMott) также отмечает предельную откровенность автора-повествователя в романе. “The book’s unashamed fullness of feeling”, по его мнению, видна уже в начальных сценах произведения, когда девятилетний Филип, подавленный горем потери любимой матери, заходит в её спальню и открывает платяной шкаф [9]. Такая же, по мнению Демотта, демонстративность (“intense demonstrativeness”) в изображении чувств используется автором спустя несколько сотен страниц романа, когда Филип, уже повзрослевший, удручённый своим, как ему кажется, безнадёжным будущим, тронут до слёз греческим барельефом в Британском музее, изображающим двух молодых людей, – афинским надгробьем, которое говорит ему об истории человеческой дружбы. Незадолго до того он узнал о смерти старого друга, своего сверстника, и она поразила его.

Демотт отмечает, что, хотя изображение юношеских переживаний в романе напоминает другие истории (“initiation/apprenticeship tales”), тон и подход к повествованию необычны, отличаются новизной. В частности, в поздних главах произведения, где изображается работа Филипа в госпитале акушером, встречаются сцены братского единения, родства душ, которые редко становились центральными в романах воспитания. Речь идёт о сцене, в которой Филип «преломляет хлеб» с молодой парой из рабочего класса, ребёнка которой он принимал. Несмотря на краткость и незначительность с точки зрения повествования в целом, эта сцена является важной с точки зрения

изображения становления личности героя. И Филип, и молодые люди получают удовольствие от общей трапезы и общения. Они не связаны отношениями подчинения либо доминирования, и Филип наконец раскрывается на встречу людям, освобождаясь от постоянной озабоченности самим собой [9].

Современная американская писательница и литературовед, лауреат Пулитцеровской премии Джейн Смайли (Jane Smiley) сравнивает роман Моэма с различными по времени написания и стилистике романами воспитания, такими, как “David Copperfield”, “The Way of all Flesh” С. Батлера и “Wilhelm Meister’s Lehrjahre” Гёте. Как и в других романах воспитания, герой Моэма испытывает трудности в общении со сверстниками из-за какого-либо несчастья, переживает унижения, которые впоследствии служат закаливанию характера. Первый любовный опыт, как и в других романах, оказывается неудачным или проблематичным, однако в итоге способствует счастливому браку. Странствования героев дают автору возможность исследования, сатирического изображения социальных институтов, таких как школа, церковь и сословные различия. Тем не менее, отмечает Смайли, свойственная романам воспитания растянутость и эпизодичность повествования в «Бремени страстей» особенно заметна [11]. Для произведения характерен простой, аналитический, или объясняющий, дискурс, который вообще присущ психологической прозе. Моэм, стремясь к объективности, свойственной его идиостилю [1], просто объясняет, а не показывает, что чувствует Филип [11].

Парадоксально, по мнению Смайли, но автору становится ненужным отбирать наиболее наглядные эпизоды из жизни Филипа, они, скорее, замедляют, а не ускоряют время в романе. Многое рассказывается, “because it happened”, а не потому, что значимо. Моэм, который стремился избавиться от мучительных воспоминаний детства, вероятнее всего, хотел вместить в роман все детали, чем структурировать материал [11]. Действительно, это сближает повествование с аналитической и документальной прозой, создаёт убедительную иллюзию психологической достоверности изображения. В то же время эпичность романа и его объёмность, насыщенность подробностями свидетельствуют о масштабности замысла писателя – в романе запечатлено не просто взросление героя, но жизнь общества в целом, прежде всего, его нравственное и духовное состояние накануне первой мировой войны.

Впечатляющая картина духовного кризиса в Европе того времени, раздвигает границы исторического времени, роман выходит в «просторную сферу исторического бытия», используя терминологию М. Бахтина. В то же время по сравнению с традиционным реалистическим романом становления историческое время имеет здесь свою специфику. Оно вводится через призму эстетических и философских воззрений, споров о морали и роли искусства, которые занимали умы на рубеже веков. Роман приобретает также философское измерение [5, с. 175]. Однако прав Кёртис, который считает, что роман вряд ли можно рассматривать как выражение авторской философии: “If it has a philosophy, it is one of

events rather than ideas” [8, p. 88]. Такой жанровый синтез также является авторской стратегией повествования. При этом Моэм отступает от своего важнейшего принципа при написании произведения – краткости и лаконичности повествования – с целью реализации художественного замысла.

Следует также упомянуть о важном жанровом элементе романа – приключенческом. Хотя акцент в произведении смещён на нравственные и духовные переживания героя, поиски им смысла жизни, путешествия героя также служат главному – поиску смысла жизни, – география его передвижений обширна и разнообразна, а интерес к новым странам и местам весьма велик и не оставляет равнодушным любознательного читателя.

Э. Кёртис сравнивает роман по детальности изображения с картиной, отмечает роль точной и ёмкой художественной детали в создании серии незабываемых впечатлений от жизни на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков, называя роман “a most illuminating retrospective one-man show”, а его содержание “rich full canvas” [8, p. 88].

По мнению Дж. Смайли, роман обладает несомненной силой. Эта сила коренится не только в том личном чувстве, которое Моэм вложил в роман, но и в том близком и долгом знакомстве читателя с Филипом, которое состоит из вереницы происходящих с ним событий. Одиночество, изоляция, переживания в сочетании с наблюдательностью воссоздают внутренний мир героя “straightforwardly and vividly” [11]. В то же время, будь стиль повествования не столь простым, более искусным, достоинства Филипа, которые

раскрываются по ходу повествования, не были бы показаны столь полно и не выглядели бы столь правдоподобными [11]. Демотт солидарен в том, что тщательность в изображении чувств героя способствует более содержательному и проникновенному повествованию. Если бы скрупулёзность автора касалась изображения лишь основных поворотных моментов становления героя, связанных с его верой или совестью, считает критик, роман был бы менее полной хроникой взросления и менее “*poignant*” с каждой страницей, как художественное произведение [9]. Реализм и детальность изображения нравов и обычаев эпохи являются творческим методом писателя [4, с. 12].

Как видим, объёмность, детальность и некоторая растянутость повествования, которые становились объектом критики, по мысли некоторых литературоведов, имеют своё художественное обоснование, служат более глубокому психологизму повествования, изображению внутреннего мира героя и в то же время многомерности, объёмности всей картины жизни в романе.

Современная английская писательница М. Бинчи (Maeve Binchy) в послесловии к английскому изданию романа пишет о том, как читатель воспринимает героя романа, подчёркивает особую близость героя читателю, который проделывает с Филипом целое «путешествие». Читатель естественным образом начинает сопереживать герою, вопреки логике здравого смысла надеясь, что его обойдут беды и потери, что его неуклюжий дядя найдёт с ним общий язык, надеется вместе с Филипом, молящимся об исцелении его от хромоты, на чудо [6].

Критик подчёркивает соединение детского, сакрального, веры, наивного и сказочного в психологии героя.

Правдоподобием и реалистичностью роман также обязан тщательному изображению художественной детали – описания настолько живы, что создаётся ощущение близкого знакомства с персонажами и обстановкой [6]. Бинчи рассказывает, как под впечатлением от книги хотела отправить Филипу анонимное письмо, в котором бы написала, чтобы он не был столь тонкокожим. Что это, если не принятие персонажа всерьёз, спрашивает она. Немецкий пансион становится таким знакомым, как наши собственные дома, с приходящими и уходящими посетителями, уроками языка и строгими порядками. То же можно сказать и о богемной жизни героя в Париже, о “strange, loose association of artists and the friendships that blow hot and cold” [6]. Моэм должен был видеть всё это собственными глазами, раз он смог так хорошо передать это в своём романе; съесть тысячу ужасных, невозможных обедов, чтобы быть способным описать свой первый ужин у викария, когда он надеется получить целое яйцо, а вместо этого ему дали лишь верхушку яйца викария – “when he had been expecting much more” [6]. Принцип Моэма писать только о том, что пережил сам, как нельзя убедительнее проявился в «Бремени страстей», где читатель особенно остро чувствует подлинность происходящего благодаря сложной и тонкой стратегии автора.

Интересна как иллюстрация одной из составляющих авторской стратегии повествования, так называемого метода «точки зрения», сцена в «Баль Бюлье», показанная через призму вос-

приятия Филипа. Она укладывается в рамки реалистического дискурса и в то же время окрашена яркой субъективностью. Дёшево одетая и раскрашенная публика: студенты, служащие, продавщицы, уличные женщины танцуют в тесном зале. Танцующие люди изображены такими, какими их видит Филип, подобными животным: “It was a sordid scene... They danced furiously, They danced round the room, slowly, talking very little, with all their attention given to the dance. The room was hot, and their faces shone with sweat. It seemed to Philip that they had thrown off the guard which people wear on their expression, the homage to convention, and he saw them now as they really were. In that moment of abandon they were strangely animal: some were foxy and some were wolflike; and others had the long, foolish face of sheep”¹.

Сравнение танцующих людей с животными обнаруживает влияние натурализма, которое было весьма заметным в английской литературе того периода, как и внимание к социально-психологической проблематике [2], включённость Моэма в английский литературный контекст. Танцующая толпа видится Филипу “terrible and pathetic”, а их жизнь жалкой, “a long succession of petty concerns and sordid thoughts”². Дж. Гулд в *New Statesmen* (1915) называет сцену типичной. Она верна и обладает правдой «угла зрения» в глазах Филипа. “But what an angle!”, – восклицает Гулд. В то же время она настолько неправдива, что от этого становится ещё убедительнее

¹ Моэм С. Подводя итоги. М.: АСТ Москва, 2008. С. 275.

² Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York: Bantam Classic, 2006. P. 275.

[12]. Очевидно, убедительность эта возникает из-за того, что автор долго подготавливает читателя, описывая предшествующие события (похороны Фанни), угрюмое настроение Филипа, встречу его с неприятными людьми, окружающую похоть, а также всю предшествующую жизнь в Париже, которая сильно повлияла на его мировоззрение и восприятие окружающего мира. Метод многоуровневой обусловленности или детерминизма является характерной чертой моэмовского реализма, его психологической прозы.

Дж. Гулд также указывает на детальность описания событий и отмечает парадоксальность такой реалистичности. "There is minuteness without realism, passion without romance, variation without variety: one might say that Mr. Maugham's line is length without breadth". Критик считает, что редкий для английской литературы приём псевдодокументальности ("disguising selectiveness by profusion, of making life conceal art") выбран сознательно. Критик относит Моэма скорее к французской школе, однако допускает, что произведение по своей сути оригинальное, а возможно даже великое [12].

В очерке «Искусство слова» (1959) можно проследить истоки авторских стратегий Моэма. Он подробно рассуждает о том, какая манера повествования лучше: от первого лица или с позиции всеведения, исходя из того, что любой автор желает добиться максимальной достоверности в произведении¹.

В «Бремени страстей» Моэм не придерживается в полной мере ни первого, ни второго принципа изображения.

Позиция всеведения была ему чужда, в отличие, например, от Теккерея. По выражению Кёртиса, Моэм строил "a friendly working relation with readers", что стало его отличительной чертой [8, p. 4].

Моэм предпочитает «подвид метода всеведения», или метод «точек зрения» Генри Джеймса. Этот метод позволяет писателю, как считает Моэм, не отвлекаясь от главного, добиться правдоподобия благодаря тому, что читателю предлагается заинтересоваться одним персонажем, и он по необходимости начинает ему верить. Метод точек зрения выходит за рамки традиционного реалистического дискурса и сближает прозу Моэма с модернизмом. Впрочем, точка зрения в произведении Моэма служит, скорее, углублённому психологизму повествования. Это часть повествовательной стратегии автора, его откровенного диалога с читателем.

Современные критики признают, что Моэм, чьими современниками были Дж. Голсуорси, Макензи, Хью Уолпол и другие «почти забытые» писатели, пережил своё время, а его произведения современны и сегодня, предполагая, что этим он обязан «цинизму», шокирующему для его времени, но близкому современному читателю [7]. Возможно, однако, секрет популярности произведения писателя кроется в созвучных современному читателю стратегиях автора, "a friendly working relation with readers" [8, p. 4], которые побуждают трудиться мысль и чувства читателя, а не довольствоваться готовыми рецептами. Таким образом, Моэм создал роман, который принадлежит не модернистской, а классической традиции английской литературы [3, с. 171].

¹ Моэм С. Искусство слова. О себе и о других. М.: Художественная литература, 1989. С. 31..

ЛИТЕРАТУРА

1. Князева О. В., Поляков О. Ю. Принципы объективного повествования в романе С. Моэма «Бремя страстей человеческих» // Общество. Наука. Инновации. Сборник статей XVIII Всероссийской научно-практической конференции (2–28 апреля 2018 г.): в 3 томах. Т. 3 [Электронный ресурс]. Киров: Вятский государственный университет, 2018. С. 647–654. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
2. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма: автореф. дис ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2013. 439 с.
3. Рейнгольд Н. И. Модернизм в английской литературе. История. Взгляды. Программные эссе. 2-е изд., переработанное. М.: Издательство РГГУ, 2017. 558 с.
4. Хомутникова Е. А. Английская литература конца XIX – начала XX века: Уильям Сомерсет Моэм, Джозеф Конрад, Герберт Уэллс, Артур Конан Дойл. Курган: Курганский национальный университет, 2017. 137 с.
5. Хутыз Ф. А. Концепция художественной прозы Сомерсета Моэма в контексте основных теорий романа первой половины XX века в Великобритании: дис ... канд. филол. наук. Майкоп, 2001. 195 с.
6. Binchy M. Afterword // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Signet Classics, 2007. P. 555–557.
7. Boyd W. The Secret Lives of Somerset Maugham by Selina Hastings [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2009/sep/13/secret-lives-somerset-maugham> (дата обращения: 20.01.2019).
8. Curtis A. The Pattern of Maugham. A critical portrait. London: Hamilton, 1974. 278 p.
9. DeMott B. Introduction // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Signet Classics, 2007. P. 4–7.
10. McCrum R. The 100 Best Novels: No. 44 Of Human Bondage. W. Somerset Maugham [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2014/jul/21/100-best-novels-of-human-bondage-somerset-maugham-robert-mccrum-philip-carey> (дата обращения: 17.11.2018).
11. Smiley J. Introduction // Maugham W. S. Of Human Bondage. New York: Bantam Classic, 2006. P. 5–15.
12. W. Somerset Maugham / ed. by A. Curtis, J. Whitehead. Cornwall: Routledge, 2013. P. 126–129 (The Critical Heritage Series).

REFERENCES

1. Knyazeva O. V., Polyakov O. Yu. [Principles of objective narration in the novel by S. Maugham "Of Human Bondage"]. In: *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii. Sbornik statei XVIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (2–28 aprelya 2018 g.): v 3 tomakh. T. 3* [Society. Science. Innovation. Collection of articles of the 18th All-Russian Scientific Practical Conference (April 2–28, 2018): in 3 volumes. Vol. 3]. Kirov, Vyatka State University, 2018. pp. 647–654. CD-ROM.
2. Novikova V. G. *Britanskii sotsial'nyi roman v epokhu postmodernizma: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [The British social novel in the age of postmodernism: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod, 2013. 439 p.
3. Reingold N. I. *Modernizm v angliiskoi literature. Istoriya. Vzgl'yady. Programmnye esse* [Modernism in the English literature. History. Views. Software essay]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2017. 558 p.
4. Khomutnikova E. A. *Angliiskaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka: Uil'yam Somerset Moem, Dzhozef Konrad, Gerbert Uells, Artur Konan Doil* [English literature of the late 19th-

- early 20th century: William Somerset Maugham, Joseph Conrad, Herbert Wells, Arthur Conan Doyle]. Kurgan, Kurgan National University Publ., 2017. 137 p.
5. Khutyz F. A. *Kontseptsiya khudozhestvennoi prozy Somerseta Moema v kontekste osnovnykh teorii romana pervoi poloviny XX veka v Velikobritanii: dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of the artistic prose of Somerset Maugham in the context of the major theories of the novel in the first half of the 20th century in the UK: PhD thesis in Philological Sciences]. Maykop, 2001. 195 p.
 6. Binchy M. Afterword. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Signet Classics Publ., 2007. pp. 555–557.
 7. Boyd W. The Secret Lives of Somerset Maugham by Selina Hastings. In: *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2009/sep/13/secret-lives-somerset-maugham> (accessed: 20.01.2019).
 8. Curtis A. The Pattern of Maugham. A critical portrait. London, Hamilton Publ., 1974. 278 p.
 9. DeMott B. Introduction. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Signet Classics Publ., 2007. pp. 4–7.
 10. McCrum R. The 100 Best Novels: No. 44 Of Human Bondage. W. Somerset Maugham. In: *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2014/jul/21/100-best-novels-of-human-bondage-somerset-maugham-robert-mccrum-philip-carey> (accessed: 17.11.2018).
 11. Smiley J. Introduction. In: Maugham W. S. *Of Human Bondage*. New York, Bantam Classic Publ., 2006. pp. 5–15.
 12. Curtis A., Whitehead J., eds. *W. Somerset Maugham*. Cornwall, Routledge Publ., 2013. pp. 126–129 (The Critical Heritage Series).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юркина Анна Юрьевна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета;
e-mail: aypuerto@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna Y. Yurkina – postgraduate student at the Department of Foreign Literatures, Moscow Region State University;
e-mail: aypuerto@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Юркина А. Ю. Англо-американские литературоведы о повествовательных стратегиях С. Моэма в романе «Бремя страстей человеческих» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117

FOR CITATION

Yurkina A. Yu. English and American literary critics' views on narrative strategies in the novel "Of human bondage" by S. Maugham. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 109–117.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-109-117

РЕЦЕНЗИИ

УДК 811.161.1'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-118-120

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М. С. МИЛОВАНОВОЙ «СЕМАНТИКА ПРОТИВИТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МОНОГРАФИЯ. М.: ФЛИНТА: НАУКА, 2015. 348 С.»

Карасик В. И.

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

² Тяньцзиньский университет иностранных языков
300204, г. Тяньцзинь, ул. Мачандао, д. 117, Китайская народная республика

REVIEW ON MONOGRAPHY BY M. S. MILOVANOVA “SEMANTIC OF PROTECTION: EXPERIENCE OF STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSIS: MONOGRAPHY. MOSCOW, FLINTA, NAUKA PUBL., 2015. 348 P.”

V. Karasik

¹ Pushkin State Russian Language Institute
6 ulitsa Akademika Volgina, Moscow 117485, Russian Federation

² Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Road, HeXi District, TianJin 300204, People's Republic of China

Категориально-семантические характеристики языка постоянно привлекают к себе внимание исследователей, поскольку позволяют понять принципы языкового освоения реальности. К числу важнейших смысловых категорий относится противительность, объединяющая в себе противопоставление, отрицание, уступку и ограничение.

Контраст является базовой психологической операцией восприятия мира и лежит в основе аналогий, позволяющих выделять и группировать представления. Различные модусы противительности вариативно представлены в языке. Рецензируемая монография представляет собой многоаспектное моделирование и описание противительно-

сти как лингвистического феномена. Автору удалось раскрыть логическое основание этой категории, объяснить её семантическую и прагматическую специфику на материале русского языка, показать взаимосвязь противительности, модальности, экспрессивности и оценочности и детально описать языковые маркеры рассматриваемого феномена на грамматическом, лексико-грамматическом и лексическом уровнях.

Книга состоит из двух частей. В первой части обсуждаются теоретические основания авторской концепции, логические и семантические признаки противительности, когнитивная база противопоставления как пространственного ориентира, соотношения противительности и отрицания, уступительности и ограничения. Во второй части автор анализирует семантические и структурные особенности союза *но* как грамматического маркера рассматриваемой категории, а также особенности уточняющих этот маркер синонимов *однако*, *только*, *зато*, *хотя*, *всё же*, *впрочем* и др., полные слова *правда*, *просто*, *напротив*, *наоборот*, полные противительные слова в роли предлогов *вопреки*, *наперекор*, *поперёк*, *против*, *прочь*, а также характеристики противительного толково-словообразовательного гнезда. В приложении излагаются ги-

потезы автора о происхождении слов *прочь* и *но*.

Несомненными достоинствами рецензируемой работы являются ясная и чёткая концепция грамматикализации и лексикализации противительности, солидный теоретический фундамент исследования и тщательный анализ языкового материала. Специалисты, несомненно, обратят внимание на интересные наблюдения и выводы автора. К таким тезисам относятся доказанные в работе положения о неразрывной связи противительности с субъективно-экспрессивным, субъективно-оценочным компонентом, о семантике противительных отношений как производных от пространственных, о взаимосвязи противительности, уступки и отрицания, о целесообразности противопоставления грамматического, грамматического продвинутого и лексико-грамматического уровней языка. Интересные примеры словоупотреблений и толкования лексических единиц в объяснительном контексте будут интересны и для лексикографов при построении объяснительных активных словарей нового типа.

Нет сомнений в том, что монография М. С. Миловановой станет заметной вехой в развитии категориальной семантики и будет востребована широким кругом преподавателей и студентов филологических факультетов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков; e-mail: vkarasik@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir I. Karasik – Doctor in Philological Sciences, professor at the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute; professor, Tianjin Foreign Studies University;
e-mail: vkarasik@yandex.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Карасик В. И. Рецензия на монографию М. С. Миловановой «Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: монография. М.: Флинта: Наука, 2015. 348 с.»// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 118–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-118-120

FOR CITATION

Karasik V. I. Review on monography by M. S. Milovanova "Semantic of protection: experience of structural and semantic analysis: monography. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 348 p." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 118–120.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-118-120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 929 Солженицын А.

DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-121-125

ЧЕЛОВЕК, РАВНЫЙ ЭПОХЕ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА)

Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,

Российская Федерация

MAN, EQUAL TO THE EPOCH (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ALEXANDER SOLZHENITSYN)

N. Shchedrina

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

На самом значимом событии, посвящённом 100-летию со дня рождения писателя, вдова А. И. Солженицына в своём приветствии провозгласила отсчёт начала второго столетия писателя, философа, историка, политика, выразив надежду, что его наследие будут изучать и в будущем.

10 декабря 2018 г. в Москве состоялась Торжественная церемония открытия празднования юбилея в Российской государственной библиотеке в Доме Пашкова. Кульминацией стала Международная научная конференция «Александр Солженицын: взгляд из XXI века», приуроченная к столетию со дня рождения писателя,

продлившаяся три дня, собравшая более 200 учёных из 11 стран мира. Организаторы научной конференции – Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Правительство Москвы, Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Российская государственная библиотека, Дом русского зарубежья.

На форуме присутствовали исследователи жизни и творчества А. И. Солженицына из разных стран (России, США, Великобритании, Италии, Китая, Австралии, Франции, Швейцарии, Черногории, Сербии, Польши, Венгрии): писатели, литературоведы, культурологи, представите-

ли федеральных органов исполнительной власти.

В их докладах и сообщениях было представлено несколько направлений в изучении творчества писателя: «Солженицын – исследователь русских революций», «Солженицын – художник. Традиции и новаторство», «Солженицын на Западе: работа и “жизнь”», «Публицистика Солженицына о вечном и злободневном», «Кто, как и почему враждует с Солженицыным», «Новое о жизни Солженицына: документы, письма, свидетельства», «Солженицын сегодня: пространство книг, музеев, библиотек», «Территория искусства: художники кино и театра о Солженицыне», «Преподавание творчества Солженицына в школах и вузах», «Архивисты об архивистах: где и как хранятся солженицынские рукописи».

Филологи-слависты, историки, литературоведы всего мира собрались, чтобы обсудить наследие писателя, ответить на вопрос: каким видится автор «Архипелага ГУЛАГ» и «Красного Колеса» из XXI века? Чему он может научить сегодняшних читателей?

На открытии выступили шведский журналист Стиг Фредриксон, помогавший в семидесятые годы переправить на Запад произведения Александра Исаевича, учёный-историк, политический деятель Владимир Петрович Лукин.

Руководитель Роспечати Михаил Сеславинский подарил Н. Д. Солженицыной экземпляр документа из своей личной коллекции, который будет храниться в музее писателя: приказ Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР 1974 г. «Об изъятии

из библиотек и книготорговой сети произведений А. И. Солженицына». В приказе перечислены все его издания, включая даже выпущенный крошечным тиражом «Один день Ивана Денисовича», напечатанный шрифтом Брайля для слепых.

К конференции приурочен выпуск эксклюзивного экземпляра репринтного выпуска «Роман-газеты» за 1963 г., в котором 700-тысячным тиражом был опубликован «Один день Ивана Денисовича», а потом № 1(277) был изъят из библиотек.

Андрей Артизов, руководитель Федерального архивного агентства, познакомил собравшихся с масштабным исследовательским проектом по изданию двухтомного сборника «Жизнь и творчество А. И. Солженицына в архивных документах», реализуемым Росархивом в тесном сотрудничестве с Фондом Солженицына. Архивистами выявлено около полутора тысяч документов, которые позволяют воссоздать ключевые события жизни и творчества писателя. Уникальность проекта заключается в том, что биография и творческий путь А. И. Солженицына впервые получают столь глубокое освещение в соответствии с документальными источниками. В сборник также включены статьи, интервью, выступления, основополагающие для мировоззрения писателя. Многие его мысли и высказывания подтверждены днём сегодняшним и не потеряют своей актуальности в будущем.

Научную часть конференции открыл писатель и специалист по древнерусской литературе Евгений Водолазкин. Он рассмотрел личность Солженицына как библейского пророка. Литературовед, автор первой

научной биографии Солженицына, Людмила Сараскина проанализировала этапы не всегда добровольного, но всегда напряжённого диалога Солженицына с советской и постсоветской властью.

Оксфордский учёный Майкл Николсон вызвал аплодисменты, заметив, что в Москву его привёз самолёт «Александр Солженицын», затем обрисовал десятилетние вехи литературного пути писателя, обратился к анализу его поэтического творчества, к раннему периоду деятельности Солженицына, когда он в годы учёбы в Ростовском университете практически в одиночку, выпустил 16 номеров альманаха, а затем и литературную газету. Ранее не была известна и повесть в стихах «Ласточка», к которой обратился зарубежный исследователь.

Легендарный французский славист Жорж Нива, много сделавший в своё время для популяризации Солженицына на Западе, начав с исторического анекдота о Пушкине, который пришёл к Катенину, как Диоген к Эратосфену, с просьбой: «Ударь, но выучи!», искал ответ на насущный для всех переводчиков Солженицына вопрос: кем всё-таки он был как писатель, архаистом или новатором? Материал для ответа был найден в историческом «повествовании об отмеренных сроках» «Красном Колесе» А. И. Солженицына и в «Смерти Вазир Мухтара», романе о Грибоедове Ю. Н. Тынянова.

Елена Тахо-Годи провела сравнительный анализ биографических и историософских сходжений Солженицына и его выдающегося современника – философа А. Ф. Лосева.

На секционных заседаниях выступили представители Китая, Польши,

Италии, Венгрии, США и, конечно, ведущих российских научных школ. Конференция стала ключевым событием юбилейного солженицынского года. Она подвела итоги и обозначила перспективы изучения наследия и личности Александра Солженицына.

Исследователи рассматривали его творчество в широком контексте произведений других писателей: индийского автора, пишущего на бенгальском языке, Шубхаша Мукхопадхья Субхаса, русских прозаиков – И. С. Тургенева, А. П. Чехова, В. В. Набокова, Б. Л. Пастернака, В. Т. Шаламова, А. Н. Варламова, В. В. Ерофеева, В. О. Пелевина.

В центре многих докладов находились «Архипелаг ГУЛАГ» (Елушича Синиша – Черногория, Елены Михайлик – Австралия, Марии Федяниной – Венгрия, Михаила Высокова, Евгении Ивановой – Россия) и «Красное Колесо» (Нэлли Щедринной, Александра Урманова, Елены Жуйко – Россия), впервые была рассмотрена взаимосвязь эпопеи с дневником писателя «Р-17» и повестью «Люби революцию!» (Франсуаза Лесур – Франция).

Много внимания докладчики уделили публицистике Солженицына (Валерий Борщев, Павел Проценко, Анна Сопова – Россия, Елена Бальзамо – Франция, Яна Явдосюк – Польша, Ирина Антанасиевич – Сербия, Адриано Дель Аста – Италия), а также его «Крохоткам» (Светлана Галанинская, Александр Кубасов – Россия).

Постановкой вопроса о том, зачем экранизировать Солженицына, привлёк доклад известного писателя и сценариста Михаила Кураева, рассуждавшего о том, что мало читаемым

произведениям автора можно придать иную форму, они сценичны, ибо Солженицын владел техникой режиссёрского мастерства. Свидетельством служат постановка и показ в дни юбилея Московским Художественным театром имени А. П. Чехова по публицистике писателя спектакля-посвящения «Ваш А. Солженицын» и в Центральном академическом театре Российской Армии спектакля по «Красному Колесу», в котором перед зрителями проходят исторические сцены – ключевые для русской истории XX века – с участием Александра II, Столыпина, Богрова, Ленина, Парвуса и сцены с вымышленными героями из эпопеи Солженицына.

В рамках подготовки к юбилею Александра Солженицына в России задолго до 11 декабря 2018 г. – 100-летия со дня рождения писателя, в Кисловодске, на родине Александра Исаевича, в разных городах России (Рязани, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону), в ближнем зарубежье (республике Беларусь) состоялись научные и читательские конференции, круглые столы. Только за последние месяцы перед юбилеем международные форумы прошли в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне, в Нью-Йорке, в Милане, в Париже, в Китае.

В нашем университете (МГОУ) вечер памяти состоялся на филологическом факультете ИФИ 22 ноября 2018 г. Открыла его заведующая кафедрой русской литературы XX века Вера Николаевна Климчукова, озвучившая также фрагменты статьи О. В. Никитина «Благогласие слова», опубликованной в журнале «Литература в школе». Автор работы раскрыл лексикографический опыт

Солженицына в «Русском словаре языкового расширения», призванный охранять наш народный и литературный язык от неумеренного использования заимствований и искажения его природного облика.

Ведущая вечера, Нэлля Михайловна Щедрина, осветила в своём выступлении судьбу и творческий путь Солженицына, отвечая на вопрос о том, почему по прошествии ста лет со дня рождения, кроме высоких оценок его деятельности, творчества, есть и отрицательные. В этом разговоре приняли участие аспирант кафедры Н. О. Глухова, раскрывшая в своём сообщении раннее поэтическое творчество, малоизвестное современному читателю; магистрант Т. А. Филиппова, рассказавшая о присутствии личности Солженицына в документально-художественном повествовании «Архипелаг ГУЛАГ»; студентка 5 курса Д. А. Рудченко, проанализировавшая особенности «Крохоток», лирических миниатюр писателя, артистично прочитавшая из этого цикла «Костёр и муравьи», «Дыхание».

В исполнении Солженицына на протяжении всего вечера звучали и миниатюры, и стихи: «Каменщик», «Лиственница», «Молитва» «Романс», «Молитва о России». В продемонстрированных на вечере фрагментах документальных фильмов режиссёров Станислава Говорухина «Александр Солженицын» (1992) и Сергея Мирошниченко «На последнем плёсе» (2009) Наталия Дмитриевна Солженицына рассказала о том, как работал писатель над своими произведениями.

На экране предстал и сам Александр Исаевич, энергичный, страстный, убеждённый, писатель, желавший говорить со своими слушателями и читателями.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щедрина Нэлли Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nelli M. Shchedrina – Doctor of Philological sciences, Professor at the Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University;
e-mail: schedrina@gmail.com.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Щедрина Н. М. Человек, равный эпохе (к 100-летию со дня рождения Александра Солженицына) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 121–125.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-121-125

FOR CITATION

Schedrina N. M. Man, equal to the epoch (to the 100th anniversary of the birth of Alexander Solzhenitsyn). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2019, no. 2, pp. 121–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-121-125

19 апреля 2019 года ушёл из жизни

Павел Александрович Лекант

Доктор филологических наук, профессор, почётный профессор Московского государственного областного университета (МОПИ имени Н.К. Крупской – МПУ – МГОУ), Заслуженный деятель науки РФ, крупный учёный-лингвист, дорогой сердцам многих выпускников университета, аспирантов и докторантов. Учитель, оставивший непревзойдённый учебник по современному русскому языку, словари, справочники, монографии, учебные пособия для вуза и школы, большой Человек, наделённый от Бога многими талантами, жизнелюбивая и целеустремлённая Личность. Ему исполнилось 86 лет, но его душа оставалась молодой и любящей.

Вся жизнь Павла Александровича Леканта связана с родным вузом, куда он приехал учиться из российской глубинки, с отличием окончив школу. Здесь началась его дорога в науку как аспиранта, увлечённого синтаксисом русского языка, сложилась удостоенная наград Родины преподавательская карьера, и в родном вузе он стал перспективнейшим доктором филологических наук, вокруг которого с годами сформировалась активная научная школа – школа Леканта. Более 100 кандидатских, около 50 докторских диссертаций было защищено под руководством П.А. Леканта, который много лет возглавлял и диссертационный совет, где защитили свои научные работы соискатели учёных степеней по дисциплинам 10.02.01 – русский язык и 13.02.01 – педагогические науки (методика преподавания русского языка) из разных городов нашей страны.

Павел Александрович Лекант – академик Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), член её Президиума и бессменный Председатель Отделения русского языка. В МАНПО он был с момента её основания.

П.А. Лекант участвовал в работе ВАК как эксперт, был ответственным редактором журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология», много лет являлся членом диссертационного совета на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, возглавлял там ГАК, читал лекции в разных российских вузах: в Рязани, Мичуринске, Ярославле. Какой бы области деятельности ни коснулись мы в воспоминаниях о дорогом Учителе, везде можно отметить его огромный вклад в развитие науки, образования, отечественной культуры, в укрепление межвузовских и международных связей.

Павел Александрович Лекант оставил великий след в жизни всех, кто имел счастье с ним сотрудничать, знать его. Его смерть – огромная потеря для родной кафедры, которой он руководил три десятка лет, любимого факультета русской филологии, для alma mater. Но память о нём не умрёт!

Глубокие соболезнования выражаем супруге, дочерям, родным и близким покойного.

Павел Александрович Лекант навсегда останется в сердцах тех, кто с ним работал, учился у него, имел счастье личного общения или знакомился с его трудами, набирался мудрости из книг замечательного Учёного.

**Кафедра современного русского языка
Московского государственного областного университета**

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2019. N 2

Над номером работали:

Литературные редакторы Т. Е. Шаповалова, М. С. Тарасова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,25, усл. пл. 8,0.
Подписано в печать: 29.04.2019 г. Дата выхода в свет: 06.05.2019 г. Заказ № 2019/04-09.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А